

Содержание

Предисловие	3
Введение	4
История	5
Сущность морали в трудах Фридриха Ницше	5
Формы морали в трудах Фридриха Энгельса и Фридриха Ницше	11
Этика в трудах Михаила Калинина	14
Этика в трудах Владимира Ленина	15
Этика в трудах Надежды Крупской	15
Социум	18
Человек-функция	18
Мораль как способ целого множить личности	22
Мораль как навязанный общественный договор	25
Огосударствление морали	28
О социальном дарвинизме	31
Диалог с институциональной структурой как отчуждение времени	32
Наказание и воспитание	39
Убийство и мораль	43
Мораль и Имморализм	46
Аморален ли имморализм?	46
Куда ведет имморализм?	48
Мораль как иллюзия счастья	50
Мораль как заблуждение	54
Мораль и истина	55
Мораль как внешний локус контроля	57
Мораль и время	58
О категорическом императиве Канта	61
Отчуждение	64
Об отказе от воспроизводства	64
Отчуждение человека от природы	71
О сострадании к животным	73
О прогрессе	76
Долг, честь и страдания	80
Об одиночестве	82
О справедливости	84
Образование	86
Образование как средство моральной идеологической обработки	86
О литературе	92
О популяризации науки	95

Экономика	98
Моральное содержание правообладания	98
О капитализме	104
О ценности жизни при капитализме	107
Труд и работа	109
О корпоративной этике	111
Конфликт как свойство денежных средств при капитализме	112
Бесклассовое общество в трудах Михаила Бакунина и Петра Кропоткина	115

Предисловие

Читатель может задаться вопросом о необходимости подобного труда, ведь еще в XIX веке мораль разгромил Фридрих Ницше, а Фридрих Энгельс смог обнаружить классовые противоречия в одновременно сосуществующих и конфликтующих друг с другом формах морали. Следует ли возвращаться к этой теме сейчас? В своем произведении «О вещах действительно важных» Питер Сингер отметил, что «в философии приписывать моральным суждениям объективную истинность вышло из моды в 1930-х годах»¹. Он справедливо указал на выпадение этого процесса из предмета философии, но данная область не является направляющей в социально-экономических отношениях индивидов, живущих в странах, подверженных усилению диктатуры, тоталитаризма, социального дарвинизма и разрушению социальной мобильности. На таких территориальных образованиях моральные суждения, имеющие классовое содержание, становятся способом бытия человека, независимо от его собственных желаний. По этой причине кажется необходимым возвращение к обсуждению содержания морали, принимая во внимание взгляды мыслителей прошлого, помогающие понять предмет исследования на момент написания сборника кратких и субъективных эссе.

В книге нет ни единой попытки претендовать на истинность, научность и глубину размышлений. В эссе можно обнаружить больше вопросов, чем ответов. В них отсутствуют объяснения, поскольку все они являются описательными.

Эссе не имеют внутренней содержательной взаимосвязи, позволяя читать их в произвольном порядке. Структурное объединение основано исключительно на сущности изучаемого.

¹ Питер Сингер. О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века. 2016. С. 13.

Введение

Мораль проникает во многие области человеческой деятельности. Исходя из субъективных оценочных суждений, она обретает институциональную силу, оказывая воздействие на здравоохранение, науку, образование и иные социальные сферы. Мораль обнаруживается в нормативных и законодательных регуляторах. Она попадает в кинематограф, художественную литературу, публицистику, изобразительное искусство. Серен Кьеркегор видел ее следы в оперных постановках².

Становясь частью не только социальных, но и экономических отношений, мораль определяет формы и предпосылки поведения, задавая направление мыслительным процессам и наделяя лингвистические построения содержанием. Она воздействует на поступки и их осмысление.

Понятия «мораль» и «нравственность» хоть и имеют общие черты, основаны на противопоставлении должного и сущего. В первом случае выявляется стремление индивида, во втором — совершаемые и воспроизводимые на практике действия. Различие в содержании дает возможность разграничивать два этих термина, но их субъективность и классовая принадлежность нередко приводят к возникновению знака равенства, поскольку субъект отношений может иметь склонность к размытию границ между должным и сущим или к намеренному отказу от допущения мысли о расхождении мыслительных образов о желаемых моделях поведения и совершаемых в действительности поступках.

Понимание содержания терминов «мораль» и «нравственность» следует основывать на умении наблюдать и исследовании мнений, оказавших влияние на ход истории. Такой подход, вероятно, не позволит полностью отказаться от субъективности, но сделает возможным применение диалектико-структурной методологии, способной приблизиться к заданной цели.

2 Серен Кьеркегор. Или — или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб., 2011. С 147.

Сущность морали в трудах Фридриха Ницше

В черновиках, сделанных в начале 1880 года, Фридрих Вильгельм Ницше назвал мораль нормой, установленной индивидами, считающими себя выше всех остальных и желающими навязать свой способ мышления окружающим³. Во втором томе произведения «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» он определил мораль средством сохранения общины и предотвращения ее гибели⁴. В этом же труде он выявил страх и надежду основными движущими силами морали.

В набросках за весну 1884 года Ницше описал мораль способом укрощения человека⁵. Позже он назвал ее совокупностью предрассудков⁶, увидев в ней угрозу свободному волеизъявлению⁷. Предрассудком Ницше называл намерение, основанное на морали. Он сравнивал его с алхимией и астрологией, указывая на необходимость преодоления морали самоотчуждений⁸, поскольку она принимает содержание донаучной формы объяснения состояний бытия⁹.

По мнению Ницше, сначала поступки определяются индивидами «добрыми» или «злыми» без учета предпосылок поведения, основываясь только на последствиях. Затем происхождение этих характеристик элиминируется, а мораль о «добрых» и «злых» действиях становится иллюзорной, словно она свойственна деяниям самим по себе, без учета последствий¹⁰. Именно на данном этапе происходит подмена понятий через рассмотрение следствия как причины. На следующей стадии качество, считающееся «добрым» или «злым», причисляется к побуждениям, а поступки изучаются как морально амбивалентные. Но движение не заканчивается — моральным предикатом наделяются не побуждения, а человек как существо.

Определение моральных суждений о поведении основывается не столько на побуждении к действию, сколько на соответствии ожиданиям. Для Ницше термин «хороший» представляет лишь оборот речи. Другими словами, это средство для достижения чьей-то цели¹¹. Цель — формирование образа человека¹². Эти размыш-

3 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 20.

4 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 529.

5 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 76.

6 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 12. М., 2005. С. 112.

7 Там же. С. 184.

8 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 47.

9 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 85.

10 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 56.

11 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 203.

12 Там же. С. 215.

ления позволили Ницше обнаружить классовое содержание поступков, считающихся «хорошими». Мораль у него вписывается в афоризм «красивее не значит ценнее»¹³.

Шкала ценностей находится вне субъективной свободной воли, поэтому моральный человек, по представлению Ницше, есть копия¹⁴. Он призывал остерегаться морали из-за ее склонности к обесценению носителя суждения для себя самого¹⁵.

Поскольку мораль предполагает действие, основанное на суждении, то, по мнению Ницше, перед совершением «добрых» поступков следует узнать о субъективном наделении содержанием данного термина у тех, кто это «добро» получает¹⁶, потому что восприятие может сильно различаться.

Моральность у Ницше получает проявление в подчинении традиции или закону¹⁷, а содержание терминов «добро» и «зло» обретает наполнение через соответствие или несоответствие социальным предписаниям¹⁸. Безнравственным и аморальным воспринимается поступок, идущий вразрез с внешними регуляторами поведения¹⁹. Высказывания и деяния, названные моралистами аморальными, делают человека презируемым²⁰.

Традиция и консерватизм в содержании морали занимают значительное место, поскольку являются формой, позволяющей менять мысли и поведение²¹. Возникновение традиции не означает следование имманентному категорическому императиву. Основанная на заблуждениях, она пагубно влияет на общество. Преемственность поколений делает традиции недоступными для критики. Любая попытка обсуждения или проведения исследования сущности традиции оказывается в плоскости аморального поведения. Из-за этого, по мнению Ницше, умственное продвижение становится делом тех, чьи мысли и поступки считаются морально неустойчивыми²².

У Ницше мораль выступает иллюзией, позволяющей человеку полагать себя чем-то или кем-то большим, чем животное. Ее заблуждения дают возможность отвергать дикое начало и презрительно относиться к предыдущим стадиям своего биологического становления в эволюционной цепи²³.

Моральное суждение о бытии у Ницше «внушает отвращение»²⁴. Для него лишь

13 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 120.

14 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 12. М., 2005. С. 471.

15 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 13. М., 2006. С. 36.

16 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 465.

17 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 83.

18 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 195.

19 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 84.

20 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 209.

21 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 432.

22 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 171.

23 Там же. С. 58.

24 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 12. М., 2005. С. 191.

немногие способны воплотить попытку понять, может ли человечество «из морального превратиться в мудрое»²⁵.

Мораль предполагает принесение в жертву своих инстинктов. Отказываясь от сущности и связи с природным миром, индивид отчуждается от среды, породившей его предков. Он принимает бытие врага собственного естества, а его разум оказывается невосприимчивым к способам мышления, лежащим за пределами навязанных стереотипов. У Ницше «моральными становятся не от морали»²⁶, а «от тщеславия, от корыстолюбия...или от отчаяния». Следовательно, мораль «противоречит искренности»²⁷.

Для Ницше человек есть «лживое, искусственное и непроницаемое животное, своей хитростью и коварством внушающее всем другим животным страх и ужас»²⁸, но ведущее себя «поверхностно, когда начинает морализировать».

Размышления Ницше делают возможным обнаружение отчуждения морали от индивида, переходящего в форму самоотчуждения. Мораль, лежащая в плоскости отношений доминирования и подчинения, превращается в силу, стоящую над человеком и отчуждающую его от своего труда, от окружающих, от самого себя. Мораль позволяет углублять заблуждения в сознании, используя для этого средства лингвистики, нейтрализующие критическое мышление. Моральные предрассудки укореняются в повседневной практике, внедряясь в ум и тормозя его продвижение. Поскольку для Ницше морали «удаётся парализовать критическую волю»²⁹, то она в его размышлениях сравнивалась со скорпионом, запускающим жало в собственную плоть.

Суть развертывания морали заключается в попытках заставить счастливого индивида испытывать стыд за свое благополучие³⁰. Ее противоестественность обнаруживается в отрицании инстинктов жизни³¹. Ссылаясь на Артура Шопенгауэра в труде «Сумерки идолов», Ницше определил мораль отрицанием воли к жизни³².

Ницше отрицал существование моральных феноменов, признавая лишь моральное истолкование феноменов³³. В своих черновиках он обозначал моральные интерпретации ложными³⁴. Для него попытки морального истолкования мира лежат в плоскости мироотрицания³⁵.

25 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 95.

26 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 81.

27 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 38.

28 Там же. С. 182.

29 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 12.

30 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 343.

31 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 06. М., 2009. С. 38.

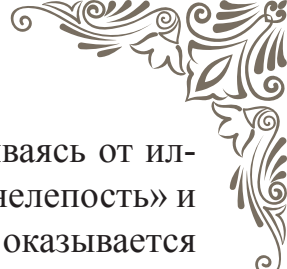
32 Там же. С. 39.

33 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 85.

34 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 85.

35 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 12. М., 2005. С. 109.

Ницше призывал становиться «по ту сторону добра и зла», отказываясь от иллюзии морального суждения³⁶, поскольку оно «содержит одну только нелепость» и стремится к созданию подчиняющегося индивида. Сама мораль у него оказывается инструментом для «исправления» человека.

«Разве само морализирование не безнравственно?»³⁷, — задаваясь этим вопросом, Ницше проводил мыслительные поиски, обнаруживая в морали не только проблему, но и источник новых конфликтов. Исходя из этих предпосылок, он рекомендовал не принимать моральные суждения буквально.

Моральные суждения и осуждения, по мнению Ницше, представляют собой форму мести «умственно ограниченных людей людям менее ограниченным, это в некотором роде возмещение того, что природа плохо позаботилась о них»³⁸. Самым коварным видом мести он признавал моральные возмущения³⁹.

Опасность морали Ницше видел в препятствии познанию и нейтрализации предпосылки к исследованиям⁴⁰, поскольку, имея дело с моралью, индивид не соприкасается с «сущностью мира», а находится в области представления⁴¹. Мораль в его размышлениях становится плохой опорой для всех, кто желает покорить стену познания⁴².

Длительное сохранение определенных моральных оценок, по утверждению Ницше, ведет к ограниченности, изоляции, косности и гибели⁴³, а повторяющиеся моральные суждения есть способ «обесценить самые лучшие вещи и состояния»⁴⁴.

Моральные оценки не являются созданием природы, обнаруживаясь в мышлении. Корни морали в предрассудке понимания человеческой сущности. Заблуждения предполагают заранее заданную цель бытия и совершенную форму. В черновиках, сделанных летом 1880 года, Ницше выявил субъективность и изменчивость представлений об идеальных формах, поскольку одновременно могут сосуществовать разные виды совершенства⁴⁵.

Моральные оценки, по мнению Ницше, высказываются наиболее уверенно менее образованными и менее уверенно более образованными⁴⁶. Моралисты намеренно наделяют себя заблуждением о знании необходимых моделей поведения, полагаемых ими «правильными» или «неправильными». Они принимают фантомное зна-

36 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 06. М., 2009. С. 49.

37 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 153.

38 Там же. С. 143.

39 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 46.

40 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 24.

41 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 27.

42 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 45.

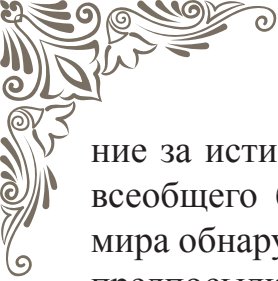
43 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 19.

44 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 489.

45 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 112.

46 Там же. С. 19.

ние за истинное, выдавая свою склонность к субъективным оценкам за причину всеобщего благосостояния. Иллюзорность подобного восприятия окружающего мира обнаруживается через строгое научное знание, изучающее поведение, цели и предпосылки поступков. В черновиках и набросках, сделанных осенью 1880 года, Ницше описал недостаток моральных оценок в отсутствии изучения настоящих причин поведения⁴⁷. Упадок морали Ницше видел в отсутствии внимания к различию между действиями, относящимися к индивиду, и поступками, относящимися к взаимоотношениям между индивидами⁴⁸.

Осенью 1881 года Ницше записал размышления об антагонизмах, существующих между познанием и моралью. В черновике он зафиксировал мысль об отрицании наукой понятий «добро» и «зло»⁴⁹, поскольку она лишает мораль содержания и значимости.

Мораль оказывается в противоречии с научными исследованиями из-за стремления к доминированию. Становясь социальным образованием, она обретает форму инструмента для подчинения и эксплуатации, навязывая через производителей оценочных суждений способы взаимодействия и признавая моральными только тех, кто готов подчиняться заданным ограничениям⁵⁰. «Недостаток самопознания»⁵¹ морализирующих индивидов Ницше называл причиной его недоверия к ним.

У Ницше мораль подвержена динамике и меняется во времени. Она не только изменяется, но и переходит из одной области в другую. Ницше обнаружил в античной морали следы современной для него системы здравоохранения, поскольку некоторые проблемы, ставшие частью медицины, ранее лежали в плоскости этики и исследовались философами. По его утверждению, древние были значительно умереннее в повседневной жизни, умея воздерживаться от многих благ и сознательно отказываясь от всего, что может привести их к потере власти над собой⁵². Проявляя глубокое разочарование в современной этике, Ницше видел в античных мыслителях практиков, не оторванных от реальности и способных узреть в человеке его настоящие нужды. В новой этической философии ему не хватало откровенности и прагматизма: «Я думаю, что вегетарианцы... с их предписанием употреблять менее обильную и более простую пищу принесли больше пользы, чем новейшие моральные учения вместе взятые»⁵³.

В произведении «Несвоевременные размышления» Ницше сообщил об отсутствии в его современности тех, кто занимается глубокими размышлениями о вопросах, лежащих в сфере нравственности. Для него человечество «проедает» ре-

47 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 135.

48 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 08. М., 2008. С. 210–211.

49 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 599.

50 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 08. М., 2008. С. 483.

51 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 172.

52 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 676.

53 Там же. С. 677.

зерв нравственности, оставленный предками. Индивиды лишь расточают это наследство, но не преумножают.

Вспоминая мораль, основанную на умозаключениях Иммануила Канта, Ницше называл ее наивной⁵⁴. Ссылаясь на Франсуа VI де Ларошфуко, он процитировал его первое издание «Sentences et maximes morales»: «То, что называют добродетелью, — обыкновенно не более чем фантом, образованный нашими страстями, коему дают почтенное имя, дабы безнаказанно вытворять все что угодно»⁵⁵. В этой предпосылке Ницше обнаружил появление у некоторых индивидов статуса, позволяющего им совершать противоречивые деяния. В возникновении подобных моралистов он видел окончание морали⁵⁶.

Моральные суждения Ницше описывал как ступень невежества и потерянность между реальным и воображаемым. Размышления о морали помогли Ницше узреть процесс замены истинного знания на иллюзорно-ложное. Соответствие истине Ницше воспринимал через отсутствие отклонения от смысла обсуждаемого предмета⁵⁷. Истинно для него то, что существует и противоположно недействительному. Тяга к открытию истины, по Ницше, обнаруживается в понимании того, как мир противоположен лжи.

В стремлении к истине Ницше находил отказ от морали, подвергающийся оценке индивидов, склонных к морализированию. Моральные суждения последних разделяют стороны на «злых» и «добрых». «Злые» воспринимаются ими «несчастливыми», а «добрые» называются «счастливыми». Ницше видел в этом заблуждение, потому что, по его мнению, благоприятные условия для открытия истины или ее частей формируются вокруг «несчастливых» и «злых»⁵⁸. У Ницше «злой» не обязательно должен быть несчастным. Он выявил существование счастливых индивидов, признающихся носителями моральных суждений «злыми». Поскольку моралисты не желают соглашаться с наличием заблуждений в своих размышлениях, то бытие «счастливых злых» ими замалчивается. Высмеивая активных распространителей моральных суждений, Ницше рекомендовал им объявить мораль запретной⁵⁹, обнаруживая в этом предпосылку для появления интереса общественности к их размышлениям.

Основываясь на этих суждениях, Ницше призывал к критике морали, воспринимавшейся им продолжительной формой фальсификации⁶⁰. По его утверждению, сама ценность моральных ценностей⁶¹ должна подвергаться сомнению или отрица-

54 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 02. М., 2011. С. 41.

55 Там же. С. 53.

56 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 13. М., 2006. С. 300.

57 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 444.

58 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 52.

59 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 490.

60 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 218.

61 Там же. С. 236.

нию.

Выход Ницше видел в умении дистанцироваться от моралистов и в тщательном выборе социальных контактов. Если созидание благоприятного для взаимодействия общества невозможно, то следует принять одиночество⁶². Последнее условие для Ницше не является проблемой, поскольку «чем лучше человек образован, тем более он одинок»⁶³.

Формы морали в трудах Фридриха Энгельса и Фридриха Ницше

Исследование содержания этики позволило Фридриху Энгельсу и Фридриху Ницше обнаружить распространенные в современном им мире формы морали. Энгельс, опираясь на классовые интересы, выявил теологическую, буржуазную и пролетарскую морали. Каждая из них обусловлена своими классовыми различиями, поэтому их содержание может вступать в прямой антагонизм между собой. Несмотря на противоречия, Энгельс раскрыл общую основу всех этих форм, заключающуюся в их проявлении через экономические интересы.

В теоретическом труде «Анти-Дюринг» или «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» Энгельс сделал вывод о подвижности представлений содержания понятий «добро» и «зло», раскрыв их зависимость от исторических изменений и культурных особенностей⁶⁴. По его мысли, они могут меняться настолько сильно, что вступают в прямое противоречие.

Энгельс подвергал сомнению все моральные регуляторы, опирающиеся на классовое доминирование. Он критиковал организации социального устройства, предполагающие разрастание институтов подчинения и угнетения с целью снижения воздействия внутренних антагонизмов, созданных ими самими. В классовом содержании морали ему удалось обнаружить предпосылку доминирования в обществах, сформированных на фундаменте капиталистических противоречий.

Для Энгельса разрешение конфликтов следует искать не в новых способах насилия, а в преобразованиях. Рассматривая антагонизмы, порождаемые частным движимым имуществом, он предложил перестроить общество с целью ликвидации предпосылок к совершению преступлений, имеющих экономические причины. Энгельс допускал осуществление криминальной деятельности даже в справедливых социально-экономических отношениях, но лишь теми, кто имеет проблемы с восприятием реальности⁶⁵.

62 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 344.

63 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 345.

64 Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. М., Том 20. 1961. С. 94.

65 Там же. С. 96.

Энгельс отвергал любые попытки навязать моральные установки в форме вечных законов, стоящих выше истории и народных различий. Для него любая мораль определяется как результат экономического положения социальной организации. Если общество разделено на классы, то и мораль пропитана классовыми идеями. По представлению Энгельса, в классовых отношениях мораль или оправдывает доминирование и интересы одного класса, или выражает интересы угнетенных трудящихся⁶⁶. Через это умозаключение он отвергал попытки конструирования морали не из социальных отношений, а из абстрактных понятий, называя их оторванными от действительности и искаженными.

Элиминацию морали доминирующих классов в капиталистических формах организации Энгельс искал в создании объективных условий для честного труда и комфортного общественного бытия. По его мнению, улучшив образование, науку, медицину, обеспечив к ним доступ для каждого, уровень преступной активности будет значительно снижен. Регулярное падение динамики антагонизмов есть основа для нейтрализации возможного события.

Полную нейтрализацию классовой морали Энгельс видел в преодолении классовых противоречий из любых видов практики. Для этого, по его утверждению, нужны социально-экономические изменения, предполагающие полную смену сущности быта и взаимодействия.

Мысли о классовом содержании морали, изложенные Энгельсом в его произведении «Анти-Дюринг», схожи с лингвистическими построениями Ницше. В труде «По ту сторону добра и зла» Ницше вскрыл одновременное существование морали доминирующих классов и морали индивидов, вынужденных находиться в подчинении⁶⁷. Он не сомневался в классовых предпосылках морали, поскольку в морализировании обнаруживал сохранение сословного положения производителя или распространителя морали⁶⁸. Описывая влияние морали на общество, Ницше показывал ее зависимость от конкретных интересов субъектов⁶⁹.

Мораль в размышлениях Ницше становится способом выведения необходимого типа индивидов⁷⁰. У него «там, где мы застаем мораль, там находим мы расценку и иерархию человеческих стремлений и поступков»⁷¹. Из этого он выводил мораль как форму побуждения «быть функцией» в социуме, обретая ценность через подчиненное исполнительство.

По мнению Ницше, доминирующие классы определяют себя «мерилом ценностей»⁷², проявляя надменность и самолюбие. Когда они видят в чем-то вредность

66 Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. М., Том 20. 1961. С. 95.

67 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 194.

68 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 130.

69 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 224.

70 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 12. М., 2005. С. 58.

71 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 434.

72 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 195.

для себя, то могут экстраполировать свои оценочные суждения на все общество, наделяя предмет свойствами, делающими его нежелательным для многих. Такие моральные оценки Ницше называл способом самовосхваления. Причина заключается в переизбытке возможностей и отсутствии ответственности. Истеблишмент имеет обязанности, но лишь к самим себе, а не к тем, кого они подчиняют. Подобное восприятие позволяет привилегированным классам наделять оценками свои поступки по собственному усмотрению, перенося их «по ту сторону добра и зла»⁷³.

Моральные оценочные суждения должны иметь границы, но они размываются и всегда находятся в подчинении у субъективных интересов. Эта предпосылка размывает содержание морали, делая ее зависимой от предварительной оценки субъекта поведения окружающими⁷⁴.

Мораль обусловлена волей, порождающей противоречия в обществе. В книге «К генеалогии морали» Ницше определил волю к навязыванию субъективных ценностей и оценочных суждений склонностью «больных изображать под какой угодной формой превосходство»⁷⁵. Для него это тирания «наиболее слабых». Ницше видел эту борьбу повсюду и называл ее противостоянием «больных против здоровых». Со стороны «больных» он вскрыл присутствие лицемерия и действий «исподтишка», прикрываемых громкими словами и «благородным негодованием». Абсурдность этой борьбы для Ницше заключена в попытках больных «вылечить» здоровых, создавая подобие ролевой игры, позволяющей первым притворяться врачами и утешителями⁷⁶.

Несмотря на различия в содержании своих трудов, размышления Ницше и Энгельса имеют пересечения в понимании морали как инструмента классового доминирования. Их умозаключения дают возможность обнаружить использование истеблишментом классовых противоречий моральных суждений для навязывания мысли о необходимости самопожертвования ради чужих экономических интересов, то есть, для улучшения их качества жизни силами окружающих. Стереотип «не для себя, а для других» внедряется в сознание и расширяется по мере распространения некритического отношения к созерцаемому миру. Через социальную стратификацию общество разделяется на классы, постоянно отдаляющиеся друг от друга, исключая созидание кооперативных форм труда.

Доминирующие классы предлагают свои моральные и оценочные суждения о целесообразности того или иного поведения. Поступки, считающиеся ими нежелательными или угрожающими социальной целостности, наказываются в соответствии с установленными регуляторами. Истеблишмент берет на себя задачу определения моделей поведения, а их обслуживающий персонал занимается исполнением указаний. Остальные классы вынуждены подвергаться наказанию, не

73 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 196.

74 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 08. М., 2008. С. 434.

75 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 343.

76 Там же. С. 344.

имея доступа к организационному управлению.

Привилегированные классы становятся над законом и, следовательно, над моралью. Они не воспринимают свое волеизъявление аморальным или безнравственным, что подтверждают мысли Ницше и Энгельса о зависимости морали от классовой принадлежности.

Этика в трудах Михаила Калинина

По мнению Михаила Калинина, этика существует с момента образования общества и обусловлена экономическими отношениями. В статье, опубликованной в журнале «Большевик» в январе 1945 года, он проследил путь движения морали во времени⁷⁷. Изначально предпосылки этики находились в бытовых условиях, складывавшихся в практике. Они выступали нормативами поведения, но не имели законодательного оформления из-за отсутствия необходимости. На данном этапе мораль была народной и не диктовалась интересам привилегированных классов.

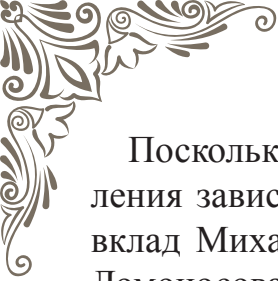
Мораль, по утверждению Калинина, стала классовой после разделения общества, когда появились институты, позволяющие навязывать волю доминирующего меньшинства покоренному большинству. С этого момента она стала инструментом истеблишмента, предназначенным для закрепощения угнетаемых классов. В разные эпохи эксплуататоры старались скрыть свое настоящее положение, выдавая классовые интересы меньшинства за общенародные. Классовую мораль они преподносили общечеловеческой, основанной на трансцендентных формах,⁷⁸ — это давало возможность вводить подчиняемые классы в заблуждение.

Когда мораль стала иметь классовую принадлежность, то, по представлению Калинина, на ее защиту и оправдание встали философы-метафизики, стремившиеся вывести нравственные законы из расплывчатых понятий, находящихся за пределами постижения ума индивида. Основная цель их рассуждений — заставить моральные оценки служить интересам доминирующих классов.

Калинин заметил проникновение классовых моральных оценок во многие области деятельности, в том числе и в художественную литературу. Важным для него был выход книги Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», ставшей, по его мнению, точкой отсчета и направлением для произведений, вскрывающих классовые антагонизмы и показывающих мораль угнетенных. Калинин признавал значимость трудов Белинского В.Г., Чернышевского Н.Г., Добролюбова Н.А. и Некрасова А.Н., углубившихся в изучение нравственности эксплуатируемых.

77 Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 53.

78 Там же. С. 54.

Поскольку мораль охватывает широкий диапазон чувств, то точность их проявления зависит от лингвистического углубления. Поэтому Калинин высоко ценил вклад Михаила Ломоносова в углубление русского языка. По его мысли, труды Ломоносова поспособствовали улучшению восприятия обществом новых идей⁷⁹.

Этика в трудах Владимира Ленина

Владимир Ильич Ульянов-Ленин рассматривал проблемы морали с вопросами мировоззрения. Ему удалось увидеть классовые интересы и противоречия, заложенные в сущность терминов «мораль» и «нравственность».

В классовом обществе, по мнению Ленина, мораль, обусловленная интересами доминирующих классов, детерминирует поведение индивидов. Одни правила определяются для эксплуатируемых, другие — для тех, кто принадлежит к классу эксплуататоров. В капиталистических странах внедрение этих положений начинается в образовательных учреждениях, перетекая в наемную форму работы.

Выступая на III съезде комсомола 2 октября 1920 года, Ленин высказал мысль о закладывании в буржуазную нравственность искажения реального положения дел. Введение в заблуждение, по его мысли, производится с целью подчинения трудящихся своим интересам⁸⁰.

Коммунистическую нравственность Ленин выводил из интересов трудящихся и обнаруживал в ней стремление к освобождению труда. Ее основу он видел в укреплении и завершении коммунизма. Важными свойствами личности Ленин называл склонность к самодисциплине, умение быть солидарным и трудиться на общее дело, необходимое для созидания и укрепления новой формы социально-экономических отношений.

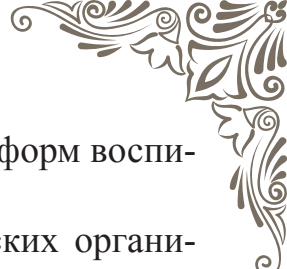

Этика в трудах Надежды Крупской

Соглашаясь с Лениным, Надежда Крупская заметила влияние классовых моральных оценок в образовательных учреждениях. По ее мнению, организации, ответственные за повышение умственного уровня населения, в действительности являются средством социальной стратификации. В статье, выпущенной в пятом номере журнала «Большевик» за 1933 год, Крупская, ссылаясь на Карла Маркса и

⁷⁹ Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 56.

⁸⁰ Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 74–75.

Фридриха Энгельса, сделала утверждение о классовом характере всех форм воспитания и образования в капиталистических обществах⁸¹.

Выступая на конференции пролетарских культурно-просветительских организаций 20 сентября 1918 года, Крупская поделилась с присутствовавшими своими мыслями о принудительном внешнем навязывании дисциплины при капиталистических социально-экономических отношениях. Из-за этого, по ее утверждению, нейтрализуется внутренняя дисциплина. Крупская пришла к выводу о необходимости формирования самодисциплины, исходящей из внутренних побуждений индивида, а не из воздействия внешних сил⁸². Через эту свободу она определяла возможность приобретения умения выявлять свои склонности и применять их в дальнейшем на практике. В самодисциплине Крупская видела качественное улучшение труда, основанное на объединяющих интересах и увлечениях участников отношений⁸³.

В капиталистических обществах Крупская обнаружила переход внешней навязанной дисциплины из образовательной системы в сферу принудительного труда. В такой институциональной структуре работа становится способом обретения необходимых для выживания средств, а принудительный труд требует принудительной дисциплины. По мнению Крупской и Ленина, при коммунизме принудительная дисциплина нейтрализуется⁸⁴, поскольку будет только внутренняя и свободная самодисциплина, исходящая из желаний самого индивида.

Крупская отделяла буржуазную мораль от морали коммунистической. Она понимала классовый характер морали и нравственности, выводя содержание этих понятий из интересов классов.

Коммунистическую мораль Крупская описывала через отрицание морали буржуазии. Ссылаясь на Ленина, она раскрывала содержание коммунистической нравственности как «то, что служит разрушению эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов»⁸⁵. Нравственность и мораль коммуниста она обнаруживала в диалектическом опровержении оценочных суждений угнетателей.

Ценность коммунистической морали Крупская видела в созидании комфортных отношений между индивидами. Она заявляла о важности взаимопомощи и необходимости заботы о близких, но высоко оценивала умение Ленина разорвать дружеские узы, если товарищ становится на защиту мнения, вредящего делу и воплоще-

81 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 35.

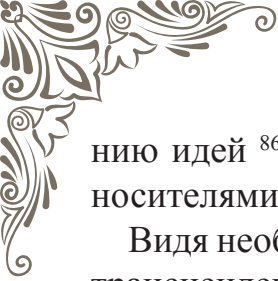
82 Там же. С. 11.

83 Там же. С. 12.

84 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 95.

85 Там же. С. 18.

нию идей ⁸⁶. В своих воспоминаниях она запечатлела моменты борьбы Ленина с носителями заблуждений, невзирая на дружеские отношения.

Видя необходимость соединения теории и практики, Крупская выступала против трансцендентных форм нравственности, воспринимая их способами обмана и отвлечения от действительных проблем.

Крупская, Ленин и Калинин рассматривали мораль и нравственность во взаимосвязи с классовыми интересами, неоднократно указывая на появление и усиление антагонизмов при каждом столкновении отличающегося содержания данных понятий, обусловленных социально-экономическим положением. Их теоретические идеи стали продолжением мыслей сторонников гуманистической организации общества.

⁸⁶ Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 94.

Человек-функция

Моральные оценки нередко используются для создания человека, воспроизводящего одну или несколько функций. Функция, навязанная через мораль, обнаруживает себя в образе мышления, исполнительных действиях и определенных формах социальной организации.

Основание функционального способа мышления в классовом обществе находится в ограничениях и стереотипах, получаемых извне. Реализуется направление на создание побуждения к самовольному внутреннему ограничению с целью исполнения навязанных действий. Индивид рассматривается как носитель мышления, основанного не на совокупности его опыта и восприятия окружающей действительности, а на ограниченной структуре элементов. Социальный субъект наделяется стремлением к выполнению функций, но не через знания и умения, а через бытие функции.

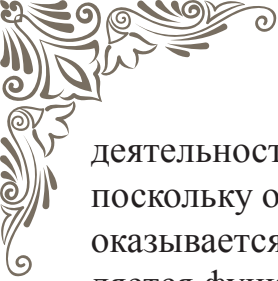
Все общество можно рассматривать функционально-структурной совокупностью отношений элементов, находящихся во взаимной зависимости. Индивиды в этом определении являются и элементами, и создателями элементов, поскольку институты, реализуемые ими, наделяются особой силой, становящейся над большинством населения или всеми жителями территориального образования, где их действия подчинены классовым регуляторам и подвергаются влиянию убеждений и оценочных суждений истеблишмента.

Как функционально-структурные элементы институты не имеют собственного бытия, но они приводятся в действие и воспроизводятся через подчинение и подчиненность живых элементов. Поэтому институты можно назвать амбивалентной силой, находящейся в эксплуатации у доминирующих классов, но угнетающей всех остальных.

Подчиняющийся индивид наделяется функциональной зависимостью через отношения между элементами структуры. Субъект получает обязанности и статус, оказываясь частью социального взаимодействия и обретая цели и средства для их достижения. Цель есть ценность, выдаваемая при капитализме за народную, но имеющую классовое содержание. Классовая принадлежность позволяет выявить интерес истеблишмента и отказаться от признания подобного общественного волеизъявления, потому что интересы большинства затмеваются интересами меньшинства, имеющего доступ к институциональным изменениям.

Моральные оценки при капитализме дают возможность приводить в действие социальные функции. Сознание наделяется иллюзорной самооценностью, обусловленной поступками или доминирующими оценочными суждениями. Сама

деятельность может быть побуждением к признанию собственной значимости, поскольку она подчинена иллюзорной общей цели. Нередко действие для субъекта оказывается важнее результата, потому что этическая ценность поведения определяется функциональной зависимостью в институциональной структуре, становясь содержанием полезности. Подобное поведение и мышление находятся по ту сторону утилитаризма.

Противоречивость заключается в том, что индивид, исполняя социальные и экономические функции, теряет понимание сведения своего бытия к функциональному. Обретение бытия функции делает человека незначительной частью структуры, способной заменить его другой аналогичной функцией. Моральные оценки в таких отношениях помогают привилегированным классам создать незримый барьер, закрывающий реальность наблюдений. Отуманивание притупляет критическое мышление и здравый взгляд.

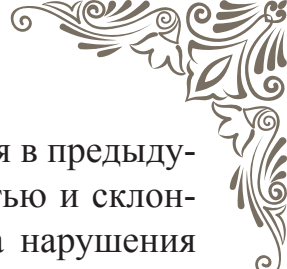
Моральные оценки, необходимые для регулирования и внедрения в сознание идей, принимают форму отчуждающей и отчужденной институциональной силы. Их содержание основано на интересах доминирующих классов и нацелено на контроль за классами, находящимися в подчинении. На стороне угнетателей всегда несколько форм морали. Если одни из них полностью оправдывают эксплуатацию, независимо от ее содержания и результатов, то другие формы направлены на усмирение народа. Соединяясь, эти морали предоставляют самопровозглашенной элите надобщественную власть, дающую почти безграничные возможности в управляемой области.

Человек-функция, живущий по моральным оценкам истеблишмента, наделяет себя важностью через нахождение в социуме. Значимым для воспринимающего мораль становится присвоение внешнего идентификатора, оказывающего воздействие на отношение к самому себе. Внешняя идентификация определяет самоидентификацию.

Сведение к функциональному бытию позволяет истеблишменту устанавливать социальный порядок. Моральные оценки наделяют неживые институты содержанием и имманентной склонностью к самовоспроизводству. Становясь отлаженным воспроизводящимся процессом, институциональная структура сама поддерживает собственное равновесие. Заложенные в нее предпосылки согласовывают элементы между собой, используя для этого уже внедренные социально-экономические отношения. Для функционирования подобной структуры нужен первоначальный импульс, имеющий склонность к становлению надличностных и надобщественных образований. В дальнейшем структура будет функционировать без дополнительных источников, но лишь до того момента, пока не появятся дисфункции, способные изменить предпосылки и цели структуры или полностью изменить ее содержание.

Дисфункция предполагает нарушение во взаимоотношениях элементов структуры, но повреждение отдельных участков не обязательно приведет к затруднениям в функционировании структуры. Дисфункцию следует рассматривать функциональ-

ной реализацией, отклоненной от задуманного плана, выполнявшегося в предыдущих итерациях. Нарушение функционирования обладает возможностью и склонностью к изменению способа отношений или их содержания. Сила нарушения обусловлена взаимосвязью элементов.

Если институциональная структура выстроена так, что нарушения на отдельном участке не будут иметь существенного значения, то локальные перемены станут обладать склонностью к массовым структурным изменениям только в долгосрочном периоде. Могут быть и крупные перемены в краткосрочном периоде, но для этого нужна соответствующая направляющая сила.

Если институциональная структура построена так, что нарушения на отдельном участке могут охватить всю структуру, то локальные перемены в краткосрочном периоде смогут изменить способ функционирования и содержание основных институтов, определяющих социально-экономические отношения.

С позиции доминирующих классов, предпочитающих наделять институты своими оценочными суждениями, дисфункции приравняются к аморальному поведению. Любое нарушение для них должно подвергаться осуждению в категориях «плохо» и «хорошо» или «добро» и «зло». Подобные обобщения сводят изучение предпосылок поведения к существенным мыслительным ограничениям и понятийным разграничениям. Ограничения нужны привилегированным классам для сужения пространства дискурса. Разграничения необходимы им для указания на допустимость или недопустимость осуществленных действий.

Совокупность индивидов, совершающих множество поступков, подчиняется единству управления, контроля и исполнения. Цельность структуры основана на функциональном разделении элементов отношений и навязывании им институциональной идентификации, внедряющей восприятие окружающей действительности. Отрицание значимости структуры управляемыми приводит к усилению институционального гнета.

Несмотря на то, что дисфункции ведут к нарушениям на отдельных участках, структура общества, основанного на капиталистической эксплуатации и отчуждении, не способна постоянно воспроизводить себя без наличия подобных препятствий, мешающих осуществлению деятельности взаимосвязанных институтов. Причина кроется в самом содержании институциональной структуры, закладывающей в свое ядро антагонистические противоречия, проникающие во многие сферы социально-экономической деятельности. Поэтому можно определить следствие основой заложенной предпосылки.

Поскольку капитализм держится на классовом столкновении, то и структура институтов, предназначенных для его функционирования, основывается на том же фундаменте. Классовая структура не сможет существовать без противоречий, потому что она получает источник своего воспроизводства в антагонизмах. В постройку институтов закладываются безграничные возможности для удовлетворения привилегированных классов и ограниченные возможности для подчиняющихся классов.

Основание удовольствия немногих обнаруживается в страданиях большинства.

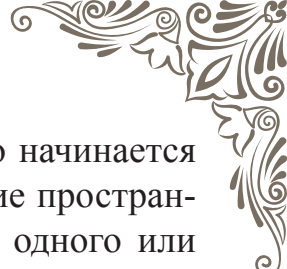
Институциональная структура в классовом капиталистическом обществе нуждается в дисфункциях. Нарушения в функционировании, заложенные в основу структуры, необходимы для усиления ограничений большинства с целью снятия ограничений с привилегированных классов. Сужение пространства свободы одних происходит через освобождение от ответственности и рисков у других.

Ограничения должны иметь оправдание, поэтому инструментом защиты становятся моральные оценочные суждения. Привилегированные классы нуждаются в фиксации среди населения поведения, считающегося ими аморальным. Когда происходит один или несколько подобных случаев, то они переходят из локальных действий в область управляемого общественного обсуждения, инициируемого истеблишментом. Пространство обсуждения изначально ограничивается моральными нормами и предполагает осуждение и оценку поведения. Оценочные суждения предопределены заранее, поскольку их содержание выявляется еще до наступления нужного события. Подготовка к оценке ведется обслуживающим персоналом истеблишмента до совершения действия. Планирование предполагает не допущение о потенциальном явлении, а указание на событие с размытыми границами. Планируется время, но не действие. Последнее берется за точку отправления. Размытость границ в этих условиях обусловлена тем, что обслуживающие классовые интересы индивиды, занимающиеся оформлением предварительных суждений, должны уметь расширить или сузить границы при наступлении подходящего события. Это дает им возможность иметь в поле зрения значительное количество действий, способных быть подвергнутыми оценочным событиям.

Когда происходит необходимое событие, воспринимаемое дисфункцией, запускается процесс широкого обсуждения и осуждения. Инициатором становятся доминирующие классы, но реализация происходит через обслуживающий персонал. Поскольку пространство дискурса подвергается моральным ограничениям, а определения «хорошо» и «плохо» или «добро» и «зло» даются заранее, то и схема обсуждения обретает одномерную форму. Наличие предопределенности в обсуждении делает диалог монологом, превращая происходящее в театральное представление, исключая склонность к импровизации.

На следующем этапе моральные оценки истеблишмента приводят к действительным ограничениям подвергающихся осуждению. Морально осужденный определяется истеблишментом как «индивид-дисфункция» или «человек-дисфункция». Когда осуждаются не сами индивиды, а формы их отношений, то такие элементы структуры воспринимаются как «элемент-дисфункция».

Наступление нужного события рассматривается привилегированными классами возможностью демонстрации причины и следствия необходимости расширения собственных свобод в действиях с одновременным закрепощением всех остальных. Сымитированная через театральную постановку предпосылка оказывается самооправданием. Когда индивиды-дисфункции, подчиненные моральному

осуждению, подвергаются ограничительным мерам или санкциям, то начинается новый масштабный процесс, нацеленный истеблишментом на сужение пространства свобод большей части населения. Суждения, направленные на одного или нескольких дисфункциональных индивидов, экстраполируются на прочие области деятельности, обретая мнимую ценность, навязанную извне. Наделение суждений ценностью позволяет устранить в обществе понимание важности обмена мнениями и обучения, основанного на критическом диалоге. В дальнейшем ограничения подаются под видом средства достижения «всеобщего блага».

Диалектический подход показывает значимость не только пространства обсуждения, но и времени, потому что оба термина взаимозависимы и определяют бытие. Для классового доминирования необходимо условие внезапности и быстрого внедрения своих планов, ведь чем короче временной промежуток для реализации, тем меньше у остальных классов для реакции и критического осмысления происходящего.

Пространство и время становятся условиями классового угнетения. Индивид изначально поставлен в границы, поскольку его сознание детерминировано пространством обитания и временем. Эта обусловленность воздействует на его поступки и их предпосылки. Классовое доминирование при капитализме направлено на сужение пространственных границ и элиминацию времени. Пространственные ограничения сужаются через использование институтов. Уничтожение времени реализуется через наемную работу, бюрократию, моральные оценочные суждения и попытки претендовать на досуг.

Пространственные ограничения могут быть достигнуты через физическое воздействие, но нейтрализация времени происходит через иные формы управления. Необходимым оказывается умение завладеть вниманием субъекта и навязать ему свои интересы. Через обретение внимания достигается потеря времени индивида.

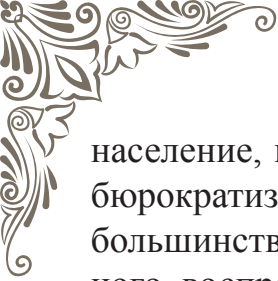
Функционирование институциональной структуры предполагает наличие взаимообусловленных элементов, образующих социально-экономические отношения и находящихся в зависимости от них. Капиталистическая форма организации, основанная на антагонистических противоречиях, нуждается в индивидах-дисфункциях и элементах-дисфункциях, дающих истеблишменту возможность оправдывать закрепощение непривилегированных классов и наделение себя безграничной властью.

Мораль как способ целого множить личности

Доминирующие классы предпочитают сохранять взаимную децентрализацию через централизацию подчиненных классов. Через бюрократию они эксплуатируют

население, избегая ответственности за свои деяния. Вытекающий из бюрократии бюрократизм дает доступ к возможностям, скрытым и недоступным для народного большинства, но сотворенным руками и мыслями трудящихся. Для продолжительного воспроизводства этой институциональной структуры привилегированным классам необходимы способы воздействия на личности подчиняющихся классов или средства их формирования.

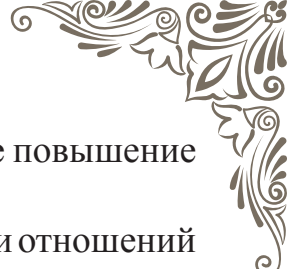
Личность, представляющая совокупность мыслей, идей и впечатлений от внешних воздействий, может быть сильна, если ее фундаментом является строгость рассуждений, логичность, последовательность, структурность, критичность и склонность к диалектике. Мышление того, кто имеет сильную личность, выходит за пределы проблем его современности. Он смотрит на человечество и весь окружающий мир и со стороны участника, и со стороны безучастного наблюдателя. Такой индивид воспринимает себя свидетелем бытия и отрешен от навязываемых ему стереотипов мышления и стандартов поведения. Все это не означает, что он не будет подчиняться внешним условиям и воздействиям. Индивид обитает в социально-экономических отношениях и подвергается влиянию институтов, находящихся не во власти его действий и мыслей, поэтому он вынужден принимать заранее установленные ограничения. Он не может обойти пространственные и временные границы, подчиняясь их влиянию. У него нет способов полностью преодолеть детерминированность, определяющую сознание и модели поведения.

Несмотря на ограничения, в своих размышлениях сильная личность выходит за пределы оценочных образцов мышления и идей, чья ценность навязана извне. Желание быть вне времени и забот современников позволяет таким субъектам побеждать мыслительные ограничения и оставлять свои имена в истории, влияя на умы следующих поколений. Вневременность делает их труды значимыми для новых эпох и участников иных социально-экономических и/или культурных условий.

Индивиды с сильной личностью воспринимаются истеблишментом угрозой их власти, поэтому доминирующие классы предпринимают попытки создать институциональные условия, направленные на нейтрализацию возможности появления таких субъектов отношений. Для этого поэтапно вводятся невыносимые условия бытия. Сначала средством для формирования подходящей личности выступают образовательные и научные учреждения. Затем, когда заканчивается обработка, наступает эксплуатация через отчуждение добавочной стоимости. Одновременно с этим происходит навязывание идей и суждений через средства, используемые индивидами во время досуга.

Сужение допустимых границ мышления и действий оформляется через моральные оценочные суждения. Последние активно внедряются в образовательные и научные организации. Оценочные суждения проникают в места работы и навязываются в инструменты досуга, поэтому они напоминают концепцию эфира, представляющего собой всепроникающую среду. Один из способов воздействия на человека заключен во фрагментации его личности, позволяющей истеблишменту

ослаблять и задерживать укрепление субъективных идей и дальнейшее повышение их качества.

Процессы фрагментации находятся в институциональном построении отношений доминирования и подчинения. Децентрализация истеблишмента дает возможность сохранять личности привилегированных классов, подчиняя всех остальных своим идеям и суждениям. Централизация непривилегированных классов приводит к обратным результатам, фрагментируя личности подчиняющихся с целью эксплуатации.

Доминирующие классы подчиняют средства целям, поэтому обнаруживают самооправдание любых поступков в их предпосылках. Для них только определенная личность, имеющая привилегированное положение, должна принимать решения, выходящие за пределы морали, но имеющие отражение в следующих за деяниями моральных оценках. Строгость их поступков и отсутствие альтернативных вариантов в суждениях создают фиктивный образ цельности и силы личности представителей истеблишмента. Для остальных классов предполагается безоговорочное принятие их поступков и мыслей, поэтому появляется нужда в использовании фрагментации личности подчиняющихся классов.

Фрагментарность личности в капиталистическом обществе определяется исходя из классового положения. Истеблишмент предоставляет себе широкие возможности через вертикальную организацию социально-экономических отношений, уделяя подчиняющимся классам значительно меньшее пространство для реализации своих интересов.

Личностная фрагментация проявляет себя амбивалентно. Во-первых, через институциональную структуру, создающую направление на отрицание силы собственной личности. Нерешительного индивида проще подчинить, используя его средством. Растерянность подчиняющегося обнаруживается не в критическом отношении к своим мыслям и поступкам, а в отказе от личности в пользу третьего лица, чей голос сильнее, чем внутренний глас слушающего. Во-вторых, фрагментация личности проявляется через моральные оценки, позволяющие определить за человека необходимые модели поведения, зависящие не от его опыта, а от внедренной в его сознание формы мышления. Поступки, подверженные внешним оценкам, могут сильно отличаться, поэтому фрагментация личности дает возможность сгладить возникающие противоречия. Личности «включаются», завися от ситуации и целей истеблишмента, напоминая переключение режимов на телевизоре или в музыкальном плеере. Один и тот же субъект, имеющий множество личностей, обретает склонность к совершению отличающихся поступков при схожих обстоятельствах и оцениванию, основанному на введенных в его сознание моральных представлениях. Сначала одна личность принимает навязанные поведенческие установки, а после этого другая личность того же индивида совершает поступок. Затем третья личность выносит оценочные суждения. Если появляются противоречия, то возникает еще одна личность, сглаживающая антагонизмы.

Фрагментация создает и судей, и защитников, и обвинителей, и обвиняемых в одном лице. И пока человек разбирается со всеми этими личностями, пытается понять собственные интересы, теряется адекватное восприятие реальности. Эта потеря позволяет истеблишменту запускать процессы централизации непривилегированных классов и децентрализовать самих себя.

Мораль как навязанный общественный договор

Классовая мораль оказывает глубокое воздействие на общество из-за тяготения к стратификации. Для истеблишмента ее использование позволяет ограничивать свободы индивидов ради нейтрализации склонности к конфликтному поведению. Привилегированные классы воспринимают собственные моральные суждения негласным или очевидным способом скрепления социального договора. Для этого их суждения становятся институциональными регуляторами, требующими безоговорочного подчинения.

Далеко не все оформленные проявления морали предполагают обязательное исполнение. Некоторые сферы деятельности и области мышления регулируются моральными предписаниями, имеющими рекомендательный характер. В одних случаях нарушение инструкций подвергается осуждениям и оценочным суждениям, в других — преследованию. Средства и результаты воздействия зависят от конкретных классовых интересов и силы их вторжения в социально-экономические отношения.

Результатом закладывания субъективных суждений, основанных на классовых интересах, становится общественный договор. Он должен быть фундаментом взаимодействия индивидов, но права и обязанности, негласно прописанные в нем, оказываются разделенными. Одни получают обязанности, другие — права.

В труде «Федерализм, социализм и антитеологизм» Михаил Бакунин определил социальный договор, основанный на классовом содержании, как способ поглощения общества⁸⁷. Для него общество предстает естественной склонностью к совместному существованию индивидов, не нуждающихся в контракте, поскольку они имеют собственные регуляторы, организованные через практику.

Предпосылкой объединения является не договор или схожие моральные оценки, а наличие общих интересов. Изначальное построение общества происходит не через классовые институты, направленные на стратификацию населения, а посредством инициативности индивидов и возможности свободного обсуждения. Но в дальнейшем формируются отчуждающие посредники, присваивающие себе управление через создание новых институтов, поддерживающих классовую основу

87 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 206.

разделения.

Соглашаясь с Бакуниным, следует признать наличие посредников отрицанием естественности в появлении общества, потому что внешняя сила, заменяющая свободное объединение, основывает свои притязания на отчуждение и доминирование через утверждения о недостижимости независимой и беспрепятственной организации без влияния классовой власти.

Когда внешняя сила обретает безграничный контроль, начинается процесс отрицания личных свобод. Инструментом отчуждения оказываются моральные оценки. Продолжающееся отрицание переходит в сферу отказа от признания любого объединения, находящегося за пределами институтов, созданных или отчужденных посредниками.

Противоречивые моральные оценки посредников становятся источником не только внутренних конфликтов, но и внешних антагонизмов. Их воздействие приводит к разделению общества на множество враждующих друг с другом групп. Конфликты могут проявляться как явно, так и скрыто. Последняя форма обнаруживается в конкурентной борьбе между наемными работниками, между предпринимателями и даже между потребителями.

Социальные посредники претендуют на истинность своих суждений, но истинность трактуется ими субъективно и детерминируется экономическими интересами. Ограничение свободы используется предлогом для мнимого всеобщего благосостояния. В действительности следует поставить под сомнение делимость свободы, поскольку ее свойство может иметь лишь два противоположных значения.

В классовых отношениях ограничения касаются исключительно непривилегированных классов, в то время как истеблишмент свои свободы ограничивает лишь внутренним побуждением. Для притеснений доминирующие классы используют субъективные моральные оценки, позволяющие подпитывать население страхом за невыполнение требуемых предписаний.

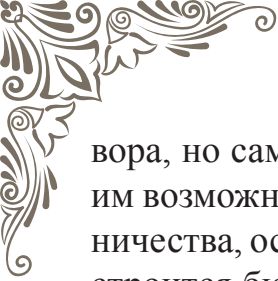
Классовое содержание морали всегда стремится стать угнетающей формой. Она порабощает эксплуатируемых с целью сохранения возможности реализации экономических интересов истеблишмента. Мораль воспринимает все иные виды суждений чуждой силой, необходимой к жесткому ограничению или истреблению. Она становится отрицанием всего, что не входит в ее границы.

Результатом распространения классовой морали оказывается уничтожение основы естественных форм общественной организации. Деструкции подвергается фундамент самоуправления и анархии.

Разрушительную силу классовой морали Бакунин называл трансцендентной, потому что она выходит за границы справедливости, вступая в прямое противоречие с ней⁸⁸.

Отчуждающие свободы посредники определяют содержание социального догово-

88 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 210.

вора, но сами они нуждаются в появлении еще одного слоя посредников, дающих им возможность отделить себя от остального общества. Создается система посредничества, основанная на иллюзорном перераспределении ответственности. На деле строится бюрократическая структура, стремящаяся к бюрократизму и реализации ответственности без ответственности.

Формируясь, навязанный социальный договор становится фундаментом для внедрения лишних и ненужных функций, имеющих склонность к закреплению. Согласно условиям посредников, их контракт отчуждает свободу, но взамен предоставляет гарантии в значимых для общества областях. Поскольку пункты незримого договора составляются одной стороной, то и исполнение обязательств оказывается односторонним. Происходит реальное ограничение свобод, но гарантии вознаграждения отсутствуют.

Для получения даже малой части прав индивиду нужно пройти процедуру идентификации, нередко предполагающую документальную проверку подлинности своего человеческого бытия. Лишь на следующем этапе дается возможность решения возникшей проблемы, но без гарантий ее устранения. Необходимость множественных подтверждений вынуждает обретать бытие отчетности. Социальные отношения становятся для индивида повторяющимся процессом составления документов, оправдывающих сам факт его существования.

Общественный договор, составленный на фундаменте классовых интересов, предполагает аутентификацию действий исключительно подчиняющихся классов. Истеблишмент освобождает себя от бюрократии, используя для этого создание вертикали посредников, находящихся в их управлении.

Привилегированные классы выглядят организованными, но внутри них можно обнаружить дезорганизацию. Удержание власти происходит не через централизацию истеблишмента, а через закрепощение всех остальных. Там, где трудящийся несет ответственность за каждый свой поступок, функционер не несет никакой ответственности. Отношения выстраиваются на переложении рисков. Чем выше положение, тем меньше рисков. Чем выше социально-экономический статус, тем меньше видов ответственности.

Воспроизводство институциональной структуры, основанной на классовом содержании контракта, позволяет внешним силам обретать безграничные возможности и права, перекладывая на подчиняющихся риски и ответственность. Поскольку удовлетворение посредников становится причиной неудовлетворенности всех остальных, то можно поставить под сомнение необходимость существования подобного общественного договора.

Огосударствление морали

Государство создается там, где привилегированный класс стремится законодательно закрепить власть. Сам закон являет собой оформленные моральные оценки одного или нескольких классов, желающих привить их всем остальным и считающих распространение своих идей о доминировании и подчинении самым действенным способом бытия.

Становясь законом, моральные оценки закрепощают одних, но наделяют безграничной свободой другой. В этих условиях форма устройства не дает никаких гарантий защиты от опасного поведения агрессоров. Она лишь предполагает наличие предполагаемого наказания после совершения действия. Но наказание не равно исправление. Результатом наказания без исправления может стать усиление опасности и новые вспышки насилия. Если законодательно закрепленные моральные оценки не защищают, а лишь предполагают наказание, то они не отвечают реальным народным потребностям. Честный индивид ищет не расплаты, а общественной организации, устраняющей зачатки антагонистической борьбы. Обнаружив это, Петр Кропоткин выявил невозможность исправления через насилие и поселение в местах, представляющих рассадники агрессии, ненависти и страданий⁸⁹, вскрыв несоответствие наиболее часто декларируемым целям видов наказаний, придуманных человечеством.

Классовые моральные оценки являются предпосылкой создания государственных институтов. Они же закладываются в процесс его функционирования. Однако это не результат взаимного соглашения индивидов, объединенных общими интересами или целями, а способ классового доминирования и реализации экономических интересов. В такой форме моральные оценки привилегированной части населения обретают вид орудия ограничения и преграды на пути к свободному волеизъявлению.

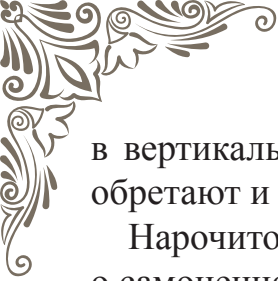
Как государственный институт мораль становится средством подчинения, обнаруженным Михаилом Бакуниным в предписании непривилегированным классам необходимости работать на благо других⁹⁰. Истеблишмент в этих социально-экономических отношениях живет за счет отчуждаемого труда.

Бакунин справедливо отмечал историческое сохранение и воспроизводство институтов, имеющих классовое основание. По его мнению, попытка сокрыть действительное положение дел происходит через создание новых понятий и лингвистических изменений. Если в античности рабство выступало способом отчуждения труда, то в современности сущностным его продолжением стал наемный труд.

Для привилегированных слоев населения содержание моральных оценок заключено в увеличении своего благосостояния через отрицание свобод нижестоящих

89 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 122.

90 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 212.

в вертикальной иерархии⁹¹. Собственную свободу функционеры не отрицают, а обретают и расширяют, что позволяет вскрыть классовый антагонизм.

Нарочитость служит истеблишменту прочной опорой для моральных суждений о самооценности и необходимости управления. Эти моральные оценки, оправдывающие эксплуатацию, деморализуют подчиняемые классы. Результатом морализирования доминирующих классов становится деморализация всех остальных.

Моральные суждения привилегированных индивидов всегда направлены в сторону мнимой необходимости передачи в их безвозмездное пользование земли, капитала, орудий труда. Но этим суждения и действия истеблишмента не ограничиваются. После отчуждения всего, что является условием свободного труда, они начинают заниматься распределением результатов общественного труда. Такой способ организации можно охарактеризовать источником гибели свободы.

Огосударствление моральных суждений приводит к нейтрализации народного волеизъявления. Ростки недовольства от этих мер закладываются в социальный нигилизм. Это начало отрицается теми, кто имеет доступ к законодательному оформлению моральных оценок. Распространение нигилизма способно привести к общественной реорганизации, но проблема огосударствления моральных оценок остается неизменной. Может меняться внешняя сторона, но сохраняется результат, проявляющийся в классовом навязывании суждений. Если сначала нигилизм становится основой для преобразований, то затем новой силой, использующей властные институты для доминирования, он признается реакционным. Получается замкнутый круг.

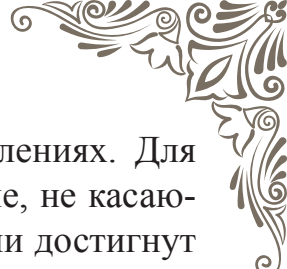
Огосударствление моральных оценок приводит к законодательному эгоизму привилегированных классов и правовому нигилизму сопротивляющихся. Если истеблишмент видит в нарушении закона непривилегированными классами склонность к аморальным моделям поведения, то нигилисты обнаруживают в отрицании борьбу с несправедливостью внешней силы, ломающей их волю и отнимающей свободу. В решающую стадию конфликт переходит только после того, как народный нигилизм к классово-эксплуатационным институтам оказывается основой бытия подчиняющихся классов.

Институт государства настолько глубоко внедряет свою мораль в индивида, что он становится невольником собственного бытия. Но если зависимость физического бытия от внешних обстоятельств обусловлена непреодолимыми для него обстоятельствами, то внедрение в сознание классово-доминирующих моральных оценок может привести к разрушению рефлексии, критического мышления и понимания своего истинного места в мире.

Через огосударствление даже намеренное искажение истины может определяться морально целесообразным. Причина кроется в утвердительных возможностях истеблишмента. Моральные суждения управляющих классов не нацелены на поиски

91 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 213.

истины и справедливости. Условия их существования в самопозволениях. Для отчуждающих результаты труда есть лишь всеобщее должностное, не касающееся их самих. Они определяют любые средства оправданными, если достигнут желаемый результат. Утвержденное ими следствие диктуется «высокоморальным», «морально важным» и «морально необходимым». В действительности наблюдается лишь достижение субъективного интереса, чаще всего экономического, поскольку сознание истеблишмента в условиях капитализма детерминировано не столько средой обитания или культурными особенностями, сколько пленом собственных потребностей, находящих отражение в рыночных отношениях и деформации восприятия реальности. Самопровозглашенная элита, подчиняющая и угнетающая нижестоящие классы, сама оказывается во власти ненасытной склонности к потреблению. Содержание этого потребления заключено в неумении сдерживать свои иррациональные, учитывая действительные биологические и социальные нужды, желания, подвергающиеся безумному масштабированию. Интеллектуальная приземистость замещается гигантской недвижимостью, а узость кругозора компенсируется парком элитных транспортных средств. Субститутами личностных искажений становятся драгоценные камни, дорогая дизайнерская одежда и отдых там, где закрыта дорога простому народу.

Для Фридриха Ницше проблема огосударствления морали заключена в созидании несчастных. В его размышлениях счастливый человек имеет склонность к творчеству и способен потянуть за собой окружающих. Государство такому индивиду нужно исключительно для предоставления средств к созиданию. Для описания подобных людей он вводил термины «высшая личность» и «высший индивид»⁹². По его мнению, ошибочно считать «высшим» или «великим индивидом» того, кто занимается управлением. Особенно это относится к тем, кто обретает власть через насилие и передает ее из поколения в поколение по родовой линии.

Если «великий индивид» не может созидать в государстве, то это означает формирование институтов, вызывающих нужду и основанных на разбое. В таких государствах, по утверждению Ницше, места «лучших» занимают наиболее адаптированные к социальному дарвинизму.

Всеобщая враждебность становится основой для истощения неугодных. Конфликт переходит из одной в сферы другую, распространяя корни настолько глубоко, что оказывается базой для построения общества. В таком пространстве мышления Ницше узрел потерю современной ему цивилизации благосостояния и счастья ее индивидов⁹³. Основную задачу государственных институтов он видел не в нравственности и морализировании, а в культурном созидании.

92 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 662.

93 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 51.

О социальном дарвинизме

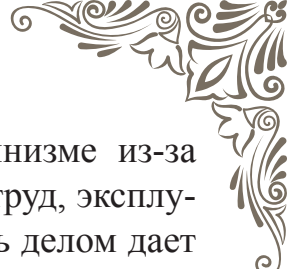
Социально-экономические отношения, выстраивающиеся на основе институциональной структуры, всегда имеют особенные свойства. Проявление последних зависит от действий и интересов тех, кто имеет доступ к созданию и изменению институтов. Изначально имеющиеся свойства находятся в «выключенном» состоянии, но могут быть активированы, если появляется подобная необходимость. При капитализме ответственность за «включение» свойств лежит на истеблишменте, чьи действия оказывают значительное влияние на построение институтов и их содержательные изменения.

Социальный дарвинизм можно назвать одним из наиболее эксплуатационных и жестоких свойств капитализма. Его активация предполагает институциональное приспособление к навязанным условиям для всех индивидов, находящихся в подчинении. Социальный дарвинизм нередко трактуется как выживание сильнейших, но в действительности это заблуждение, поскольку нельзя ставить знак равенства между терминами «адаптация» или «приспособление» и «сильнейший». Содержание последнего понятия далеко от качественных улучшений, потому что общественные отношения носят искусственный характер и далеки от тех изменений, что обретают животные в природе, когда адаптируются под меняющиеся условия. Социальное приспособление требует подчинения заранее установленным условиям, чье содержание основывается на регуляторах. Адаптация предполагает не только повиновение, но и изучение порядка функционирования средств, приводящих в действие процессы социального дарвинизма.

Поскольку приспособление основано не на силе ума, то интеллектуальная гибель происходит еще на этапе наделения личности свойствами. Социальный дарвинизм вынуждает отказываться от внутренних побуждений в пользу бытия человека-функции. Из-за этого индивид начинает стремиться к отрицанию умственного продвижения, способного углубить его понимание окружающего мира и своего места в нем. Результатом становится появление общественно-хищнических интересов, основанных на лицемерии и разрушительной корысти.

Фундамент социального дарвинизма можно обнаружить в слабости, а не в силе, потому что за построение его институциональной структуры несут ответственность индивиды, чьи умения и знания далеки от необходимых для выживания в условиях суровой природы. Не умея трудиться, они притворством создают институциональные регуляторы, позволяющие им иметь возможность отчуждать результаты деятельности трудящихся. Поскольку труд облагораживает, то незанятость им приводит к разрушительным последствиям. Деструкции подвергается личность нетрудащегося, а его ум ограничивается настолько сильно, что невежество ложится в основу процессов социальной адаптации. Это не качественное улучшение, а деградация общества, исходящая из односторонности взглядов истеблишмента, отрицающего критическое мышление и склонность к созидательной рефлексии.

Трудящиеся изначально не заинтересованы в социальном дарвинизме из-за нежелания конфликтовать с окружающими, отчуждать чужой и свой труд, эксплуатировать других ради достижения своих корыстных целей. Занятость делом дает им возможность не отвлекаться на процессы, имеющие для них разрушительные свойства. Но эта честность и справедливость используется нетрудящимися, имеющими время для использования собственных слабостей с целью навязывания трудящимся своих интересов.

Если в основе институциональной структуры лежат личностные дефекты ее создателей и доминирующих пользователей, то и социальный дарвинизм обретает фундамент, наделенный слабостями, недостатками и свойствами общественного паразитизма. Неисправность формы ведет к содержательным повреждениям. Ростки качественных улучшений уничтожаются, а их место занимают корыстные интересы, направляющие человечество на путь регресса. Социальный дарвинизм позволяет адаптироваться не лучшим, а тем, кто отказывается от труда в пользу эксплуатации, отчуждения, тунеядства и использования своих паталогических форм мышления и поведения в качестве индикатора абсолютной истины.

Диалог с институциональной структурой как отчуждение времени

О важности диалога и обсуждений говорили и писали самые разные теоретики построения общественной организации и практики социально-экономических отношений. Значимость беспрепятственного свободного диалога признавал Петр Алексеевич Кропоткин, указывая на естественное желание народа объединяться, обсуждать и приводить в исполнение свои решения⁹⁴. По его мнению, свободная организация, находящаяся за пределами институционального давления, приводит к качественным интеллектуальным переменам⁹⁵. В критическом диалоге сторон с разными мнениями он видел возможность созидания.

Касаясь вопросов общественного устройства, Кропоткин признавал необходимость далеко не каждого обсуждения. Для него диалог нужен только в том случае, если он нацелен на разрешение социальных, экономически и иных проблем. Такое обсуждение должно иметь целью освобождение труда, качественное улучшение здравоохранения, образования и науки. Оно должно быть устремлено на созидание свободы и преодоление эксплуатации меньшинством большинства. Особую важность Кропоткин видел в публичном рассмотрении фундамента бесклассового общества, основанного на отсутствии подчинения. Соединение теории с практикой занимало значимую часть его трудов.

94 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 79.

95 Там же. С. 238.

Кропоткин выступал за анархию, самоорганизацию трудящихся, децентрализацию и против представительного правительства. Из этих идей он выводил необходимость публичного пространства для свободного обсуждения социально-экономических вопросов, но только не с теми индивидами, чьи идеи направлены на отчуждение добавочной стоимости и навязывание своих суждений, имеющих целью реализацию собственных корыстных интересов через институциональное закрепощение.

По утверждению Кропоткина, нужно уметь оставаться принципиальным в вопросах общественной организации и быть жестким с теми, кто занимается эксплуатацией и подчинением народа. Для этого следует избавиться от внушенных предрассудков⁹⁶.

Значимость обсуждений признавал и Иосиф Виссарионович Сталин. Выступая с докладом на VII расширенном пленуме Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) 7 декабря 1926 года, он заявил о необходимости принятия свободного диалога, но только не в тех моментах, когда появляются принципиальные разногласия. Он был против конференций и съездов, превращающихся в «пустой маскарад парадного благополучия»⁹⁷, а в попытках сокрыть внутренние разногласия видел засорение умов, идейное обнищание и увядание. Все это, по его мнению, ведет к созданию бюрократического аппарата, оторванного от трудящегося народа⁹⁸.

Вспоминая противоречия, ставшие основой раскола партии на большевиков и меньшевиков, Сталин заявил о важности расхождения во мнениях, выступившего, по его мнению, нужным этапом для становления марксистской организации. Для него данный период смог продемонстрировать победу качества, а не количества.

Воспринимая необходимость обсуждений, Сталин видел достоинство диалога в преодолении внутренних противоречий, но призывал искать пределы, способные предупредить превращение управления в непрерывный дискуссионный клуб, основанный на рассуждениях, ведущих к разрушительным последствиям⁹⁹. Эти идеи были изложены им в докладе на расширенном собрании Краснопресненского районного комитета РКП(б) с групповыми организаторами, членами дискуссионного клуба и бюро ячеек 2 декабря 1923 года.

9 сентября 1927 года, проводя беседу с первой американской рабочей делегацией, Сталин рассказал о необходимости обсуждения вопросов практического содержания социально-экономических отношений и заявил о значимости борьбы критических мнений¹⁰⁰.

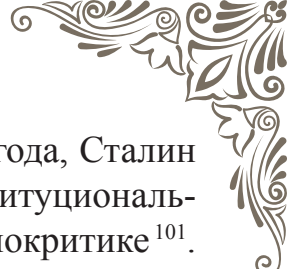
96 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 170.

97 Иосиф Виссарионович Сталин. Сочинения. Том 09. М., 1948. С. 4.

98 Там же. С. 5.

99 Иосиф Виссарионович Сталин. Сочинения. Том 05. М., 1952. С. 370.

100 Иосиф Виссарионович Сталин. Сочинения. Том 10. М., 1949. С. 117.

В докладе на XV съезде ВКП(б), проходившем 2–19 декабря 1927 года, Сталин высоко оценил обсуждения, ведущие к исправлению допущенных институциональных ошибок, но призвал основывать диалог на честной критике и самокритике¹⁰¹. Он выступил против публичных рассмотрений, имеющих разрушительное начало, поскольку подобные мероприятия ведут к ухудшению положения трудящихся и разложению управления.

Сталин видел преимущество большевизма в умении принимать критику и использовать ее для достижения поставленных целей. Большевик, по его мнению, находит силу в детальном разборе своих недостатков и в их устранении¹⁰². Для этого индивид должен быть открытым к диалогу и критически рассматривать разные точки зрения. Вместе с тем большевик должен быть принципиальным и не идти на диалог с реакционерами, капиталистами, эксплуататорами и лоббистами корыстных экономических интересов.

Кропоткин был против централизации и представительного правительства, вскрывая общественные противоречия в содержании классовых институтов, основанных на доминировании и подчинении. Он выступал за их элиминацию, призывая к анархической форме социальной организации. Сталин имел отличающееся мнение и видел освобождение труда через централизацию коммунистической власти и ее борьбу с противниками идеологии и вредителями. Несмотря на расхождение во взглядах и серьезные разногласия в вопросах, касающихся социально-экономического построения и институциональной организации, заметны пересечения их идей. И Кропоткин, и Сталин обнаруживали важность свободного и беспрепятственного диалога, основанного на критике и самокритике. Они признавали значимость обсуждений, имеющих целью созидание и улучшение благосостояния народа. Сталин и Кропоткин давали высокую оценку публичным слушаниям, основанным на практических вопросах, изучающих освобождение труда, уничтожение эксплуатации и отчуждения, качественное повышение образования, науки и здравоохранения. Но они отказывались признавать необходимость диалога с реакционерами, манипуляторами и теми, кто выступает категорически против установления бесклассового общества.

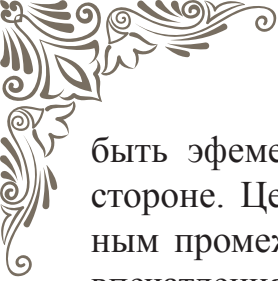
Для Кропоткина и Сталина далеко не любое обсуждение социальных вопросов может иметь ценность для теории или практики. Только конструктивный диалог способен обрести важность и полезность для всех участвующих сторон.

Обсуждение общественных вопросов не обладает самоценностью. Самоценность появляется, если принимающие участие в обсуждении могут использовать обмен мнениями и выводы в своих теоретических построениях или в процессе реализации практических отношений.

Полезность обсуждения обнаруживается в результатах. Во-первых, она может

101 Иосиф Виссарионович Сталин. Сочинения. Том 10. М., 1949. С. 334.

102 Там же. С. 335.

быть эфемерной, принося удовлетворение от самого процесса хотя бы одной стороне. Ценность такой полезности не отрицается, но ограничивается временным промежутком. Ее главный недостаток заключен в снижении субъективного впечатления, обусловленного временным «отдалением» от события. Чем больше проходит времени, тем меньше для индивида удовлетворение. В долгосрочном периоде минувшие события могут забываться или искажаться, что представляет опасность для самого носителя памяти и для тех, с кем он взаимодействует. Во-вторых, полезность может преодолевать эфемерные границы, проходя проверку временем. Это возможно, если социальное обсуждение практических вопросов будет восприниматься участвующими сторонами равным или примерно равным по значимости содержания. Когда обсуждающие заинтересованы в обмене мнениями и критическом осмыслении, то их обсуждение наделяется самооценностью. Если из двух участвующих сторон одна создает иллюзию принятия, отрицая любое альтернативное мнение, то обсуждение не только теряет ценность, но и становится деструктивным. Разрушительным оно оказывается только для стороны, желающей идти на диалог, но сталкивающейся с индифферентной реакцией, затуманивающей действительную цель стороны-организатора.

Широкое распространение коммуникационных путей стало предпосылкой для расширения пространства обсуждения, позволив увеличить количество проводимых конференций, конгрессов, круглых столов, форумов и иных публичных мероприятий, направленных на формирование диалога. Организация мероприятий стала проще для всех участвующих сторон, а технические достижения дали средства расширения охвата аудитории через трансляции.

Физическое присутствие докладчика нередко становится выборочным, завися от возможностей и желаний выступающего. Докладчик может организовать трансляцию из дома или личного кабинета. При необходимости он может заранее записать свою речь и отправить ее организаторам для воспроизведения во время проведения мероприятия. Докладчикам и зрителям предоставляются альтернативы.

Несмотря на технические достижения, довольно сложно узреть качественный рост обсуждений. Можно согласиться с расширением аудитории, обретением комфортных условий и увеличением выбора, но все перечисленное не влияет на результат, поскольку это предпосылки и процесс, имеющие важность, но не являющиеся определяющими для качества обсуждения и ценности полученного результата. Для результата ценность имеет умение сторон воспринимать взаимную критику, желание подвергать себя самокритике и склонность к практическому внедрению выводов, сделанных на основе обмена мнениями или молчаливого выслушивания. В ином случае, если реализуется обсуждение социально-экономических проблем и путей их преодоления, происходящее можно сравнить с повторяющейся и не оказывающей никакого созидательного воздействия постановкой.

Институциональные структуры, имитирующие значимость диалога, нередко основаны на воспроизводстве регулярных попыток вовлечения широкой аудитории

в обсуждение практических вопросов, имеющих ценность для социальной сферы и экономических отношений. Для формирования образа престижности мероприятия привлекаются зарубежные ученые и исследователи, обладающие авторитетом в академической среде, что позволяет организаторам создавать иллюзию важности мероприятия.

Наличие известных или авторитетных индивидов дает возможность расширить аудиторию и расположить к себе скептически настроенных зрителей или слушателей. Последнее происходит не во всех случаях, но необходимо отметить эту вероятность, потому что она находится в интересах организаторов.

Основными в проведении мероприятий, направленных на имитирование значимости обсуждения, становятся диалектические проблемы пространства и времени. Главный герой произведения «Машина времени», написанного Гербертом Уэллсом, говорил: «единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему»¹⁰³. Продолжая свое рассуждение, он пришел к выводу: «Наша нематериальная жизнь, не имеющая измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства — Времени»¹⁰⁴.

Несмотря на художественное содержание, размышления «Путешественника по Времени», как его имя перевели в советском Собрании сочинений под общей редакцией Ю. Кагарлицкого, основаны на диалектике, строгости ума и структурной методологии. Мысли персонажа демонстрируют движение времени и его значимость для человеческого восприятия. Для индивида время обладает самоценностью, поскольку имеет ограничения. Даже медицинские достижения, способные впечатлить своими возможностями, могут относительно незначительно увеличить продолжительность жизни. Бессмертие остается атрибутом бытия только в разновидностях фантастических произведений.

Организаторы публичных имитационных обсуждений имеют целью экспроприировать время индивидов-участников. Сущность имитационного обсуждения или диалога сводится к созданию иллюзии взаимного принятия критики, самокритики и потенциального внедрения результатов на практике. В действительности для одной стороны, чаще всего представленной привилегированными классами или их помощниками, значение имеет отвлечение стороны-оппонента. Иными словами, созидание самого процесса есть заранее предусмотренный результат. По этой причине такие обсуждения и следует называть имитационными.

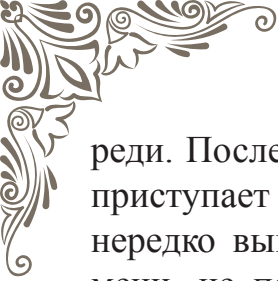
Трудно подсчитать временные потери из-за подобных мероприятий. Сначала индивид выделяет время на написание текста для доклада. Затем он проводит редактуру, стараясь уложиться в отведенные ему временные ограничения. Участнику нужно добраться до места проведения, пройти регистрацию и дожидаться своей оче-

103 Герберт Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 56.

104 Там же. С. 58.

реди. После выступления ему необходимо время на возвращение. Затем индивид приступает к оформлению тезисов доклада в научную статью. Эта цепь событий нередко вынуждает участников обсуждений выделять относительно много времени, не получая никакого результата, кроме возможной публикации статьи в соответствующем итоговом сборнике трудов участников мероприятия. Если цель этих сборников заключается в изменении социально-экономических отношений, но их результаты не нужны никому, кроме выпускающих редакторов, то ценность совокупности произведений, лежащих в основу программы мероприятий, можно поставить под сомнение. Если ценность публикации заключена в удовлетворении автора, тогда необходимо поставить под сомнение полезность пространства для обсуждения, предшествующего появлению статьи. Если ценность коммуникационной структуры заключена в субъективном удовлетворении от доклада или обсуждения его содержания, то под сомнение нужно поставить ценность публикаций.

Причина бесполезности имитационных обсуждений заключена в том, что организаторы закладывают в планы не содержание будущего диалога, а собственные умения отчуждать время, объединяя под ограниченным пространством индивидов, имеющих общие или схожие интересы и умозаключения. Экспроприация времени позволяет привилегированным классам координировать силы и волю участников мероприятий.

Имитационное обсуждение управляет временем, отвлекая от действительных целей участников, стремящихся к созиданию, решению проблем социально-экономических отношений и изменению институциональной структуры. Докладчики и слушатели занимаются обсуждением, надеясь на возможность практического применения результатов диалога, но в дальнейшем их итоги организаторами не принимаются. Поскольку цель координаторов заключена в отвлечении и экспроприации времени, то доминирующие классы не могут честно признать свое нежелание критически рассматривать и внедрять внесенные предложения. Для этого они используют понятие «временной лаг». Его содержание заключено в необходимости ожидания, потому что между предпосылкой к деятельности и результатом есть временной промежуток. По этой причине управляющие классы выдают публичное обсуждение за предпосылку к переменам. После оформления результатов мероприятия начинается процесс их изучения теми, кто имеет доступ к институциональным изменениям. Рассмотрение итогов проводится за пределами социального пространства, поэтому нет никакой гарантии действительного изучения их содержания. Именно на данном этапе вступает «временной лаг», навязывающий обществу необходимость относительно длительного изучения результатов обсуждения с целью критического и структурного восприятия. Этот процесс оказывается наиболее затяжным. Чем дольше он растягивается во времени, тем больше маневров появляется у доминирующих классов. В дальнейшем для оправдания медлительности внедряется термин «актуальность». Его содержание настолько широко, что позволяет давать различные субъективные интерпретации.

Впоследствии «временной лаг» дает привилегированным классам возможность определять полученные итоги обсуждения «потерявшими актуальность». Когда результаты публичного мероприятия называются «неактуальными», то начинается подготовка к новым обсуждениям. Предпосылкой необходимости их организации признается отсутствие «актуальных» предложений по изменению социально-экономических отношений.

Эти размышления подтверждают отчуждение времени в пользу привилегированных классов, использующих общественное пространство для распространения заблуждений и ложных надежд. Имитационное обсуждение может стать настоящей угрозой для вовлекаемой в диалог стороны, принимающей участие в мероприятии, поскольку декларируемые организаторами внешние цели вступают в антагонизм с реальным положением дел и внутренним побуждением докладчиков и слушателей. Потеря времени и сил, нужных для участия в обсуждении, не приводят к желаемым результатам, что становится предпосылкой к появлению неудовлетворенности или апатии.

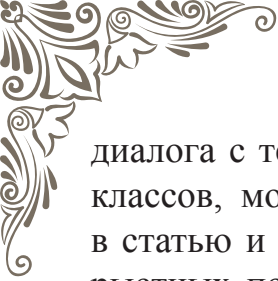
Диалог, больше напоминающий монолог, потому что сторона-организатор заранее занимает положение полного, но скрытого отрицания ценности обсуждения, может привести к глубоким экзистенциальным кризисам. Неуслышанный индивид начинает воспринимать окружающий мир лицемерным и враждебным. Сам он чувствует себя одиноким и потерянным. Отчуждение оказывается не только внешним, но и внутренним. Потерянное время является безвозвратно утерянной ценностью. В этом и кроется интерес организаторов имитационных обсуждений.

Активность в современности нередко становится псевдоактивностью, поскольку обсуждения обретают имитационную форму. Участие в публичных мероприятиях, направленных на экспроприацию времени, по-настоящему опасны для тех, кого пытаются вовлечь в пространство для обсуждения. Угроза обнаруживается для самих участников и всего общества, потому что участие оказывается позволением вовлекаемой стороны отрицать значимость своих рассуждений.

Имитационные обсуждения хоть и не скрывают истинное внутреннее положение институциональной структуры, служат лишь внешней декорацией, использующейся истеблишментом. Создание видимости решения проблем, по мнению Михаила Бакунина, помогает привилегированным классам обретать повышения, звания, ордена, деньги и иные средства, предназначенные для увеличения собственного благосостояния¹⁰⁵.

Невосполнимая потеря времени, напоминающая по содержанию отчуждение добавочной стоимости, приводит к колоссальным индивидуальным и общественным разрушениям, поскольку вместо участия в имитационном обсуждении докладчики и слушатели могли бы заняться созиданием, разработкой теоретических построений и практическими попытками изменения институциональной структуры. Вместо

105 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 145.

диалога с теми, кто не придает никакого значения словам непривилегированных классов, можно заняться расширением кругозора. Вместо оформления тезисов в статью и отправления тому, кто ее никогда не прочтет из-за безразличия и корыстных побуждений, можно сделать небольшие практические преобразования. Вместо публикации в бюрократизированном издании можно свободно поделиться мыслями с широкой аудиторией на специализированных площадках, не внося оплату и не требуя оплату за прочтение теоретических трудов других авторов. Здесь и обнаруживается институциональная перестройка. Она всегда начинается снизу и обретает силу через народное движение, находящееся по ту сторону от имитационных обсуждений.

Народные обсуждения предполагают действительную, а не мнимую активность. Они имеют в основе реальные обсуждения, а не имитационные. Такие обсуждения ставят целью поиск теоретических и практических предложений с целью изменения институциональной структуры. Они оперативны и отрицают «временной лаг», потому что индивиды живут в настоящем, а не в будущем.

Кропоткин и Сталин, несмотря на расхождения по многим вопросам, прекрасно понимали опасность имитационных обсуждений. Они обращали на это свое внимание и призывали вести диалог, если он имеет критическую основу. Они видели ценность общественных обсуждений в предложениях по преобразованию социально-экономических отношений и умении быстро реагировать на рекомендации. Сталин и Кропоткин рекомендовали участвовать в обсуждениях только в тех случаях, если существует конкретная польза. Они понимали сущность имитационных обсуждений, обнаруживающуюся в отчуждении времени, поэтому предлагали занимать принципиальную позицию к стороне, пытающейся вовлечь в такой диалог, отказываясь от ведения любой совместной активности, поскольку подобные мероприятия изначально направлены на реализацию интересов доминирующих классов, использующих пространство-время обсуждений для закрепощения и увеличения общественных потерь.

Наказание и воспитание

Бесконфликтное большинство, несмотря на периодически возникающие противоречия в суждениях и взглядах, чаще всего находит компромисс, поскольку существует взаимный интерес сохранения спокойствия и комфорта. Вопросы моральных оценок задаются на бытовом уровне и оказываются в плоскости саморегулирования, позволяя относительно быстро справляться с возникающими проблемами. Самоорганизация определяет многие социальные и экономические отношения, а объединение представляет собой необходимость для индивидов, вступающих во взаимодействие.

Конфликтное меньшинство, враждебно настроенное к большинству, объединяется для выгоды, потому что при капитализме предпосылка их поведения заключена в экономической детерминированности сознания, диктующей цели и способы их достижения.

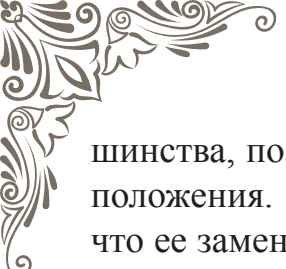
Союзы конфликтного меньшинства могут быть долгосрочным или краткосрочным, но прочность их организация далека от устойчивости взаимодействия неконфликтного большинства. Причина заключена в нацеленности на безграничное потребление, выходящее за границы адекватного восприятия. Увеличение материальных ценностей становится не столько желанием сделать жизнь комфортной, сколько самоцелью. Другими словами, средство превращается в цель. Такое мировосприятие формирует субъективизм и эгоцентризм. Эти характеристики редко могут быть твердой основой для беспрепятственного взаимодействия. Любая попытка претендовать на приватизированные материальные ценности будет пресечена одной из сторон, что создаст конфликт. Результатом столкновения станет победа одной из сторон, получающей возможность отчуждения имущества и привилегий побежденных. В дальнейшем победившая сторона привлечет нового компаньона, но на новых условиях, поднимающих ее положение в вертикальной структуре. Взаимодействие будет основано на более строгом подчинении и желании новой вовлеченной стороны беспрекословно исполнять требования победителя, соглашаясь претендовать только на разрешенные ей материальные ценности. Здесь обнаруживается строгая властная вертикаль, основанная на зависимости от авторитета. Если авторитет не обретаётся от окружения, то конфликтное меньшинство наделяет себя им самостоятельно. Для этого им необходимы субъективные моральные оценки, делающие их положение в обществе особенным. Использование морали позволяет им обрести желаемое место, укреплять его и подчинить остальных. Фиксирование статуса происходит на этапе институционального классового оформления моральных оценок.

При капитализме моральные оценки скрывают в себе классовые интересы. Мораль выражает частные экономические интересы, поскольку она проявляет стремление подчинять мышление индивида, формируя нужные истеблишменту образцы поведения. Внешние институциональные регуляторы при такой организации можно назвать причиной и следствием классовой стратификации.

Когда институционально оформляются интересы большинства объединенных индивидов, то результатом оказывается построение социально ориентированного сообщества, нацеленного на обеспечение нужд многих. Институциональные регуляторы при гуманистическом построении исходят из внутренних предпосылок и выражают интерес к всеобщему благосостоянию и равноправию.

При капитализме существует направление в сторону признания аморальным поведения каждого, кто индифферентен к нормам морали или выходит своим мнением за пределы заданных оценочных границ. В социально ориентированном обществе институциональные регуляторы формируются исходя из интересов боль-

шинства, поэтому требования относятся ко всем в равной степени, независимо от положения. Такая организация отличается отсутствием нужды в морали, потому что ее заменяют интересы большинства. Именно эти интересы и становятся предпосылкой для появления сообщества и его воспроизводства.

Гуманистическое построение находится по ту сторону от морали доминирующих классов, разделяющих население через социально-экономические отношения капиталистического устройства. Поскольку при капитализме благосостояние большей части общества воспринимается истеблишментом аморальным или лежащим в плоскости имморализма, то моральные оценки оказываются неотъемлемой частью классового разделения.

В бесклассовой форме социальной организации наказанием за неадекватное поведение становится понимание вреда поступка самим субъектом действия, в то время как классовая организация основана на стремлении только наказать за поведение, считающееся аморальным. Наказание не есть исправление. Содержание наказания заключено в применении мер за поведение, выходящее за пределы норм. Действительное исправление предполагает воспитание через понимание индивидами виновности деяния. Воспитательное наказание запускает процессы рефлексии, предупреждающие разрушительные действия. Классовое наказание, находящееся за пределами воспитания, позволяет подвергнутому наказанию обдумать не деструктивность поступка, а пути избегания наказания при повторном совершении действия. Результат такой рефлексии направлен не на исправление, а на создание профессионального закоренелого преступника, анализирующего собственные действия с целью совершения преступления без последующего наказания. Наказание в классовых отношениях имеет в своей основе формы мышления, дающие возможность избежать или минимизировать это наказание субъектом после совершения деяния, определяемого преступным.

Подобный институт наказания лишь на время ограждает бесконфликтных участников социума от опасных индивидов, создавая для последних фундамент обучения преступной деятельности у других наказанных. Их возвращение в общество может стать социальным саботажем с непредсказуемыми последствиями. Причина кроется не в самом возвращении, а в предшествующих этому действию событиях.

Противоречие обнаруживается там, где наказание элиминирует исправление. Обе категории различны по предпосылкам, процессам реализации, целям и результатам. Классовое наказание способно предупредить дальнейшее совершение преступлений только в том случае, если признанный виновным будет испытывать опыт внутреннего состояния, обусловленного сильным страхом. Но даже в этом случае преступник может преодолеть такое состояние, если цель для него будет казаться оправдывающей переживания. Наказание имеет схожесть с образовательной системой, предполагающей становление специалиста в одной или нескольких областях. Результатом наказания, нейтрализующего и подменяющего исправление, получается деструктивное мастерство, представляющее общественную угрозу и

опасность для самого носителя этого опыта.

Если наказание приводится в действие из-за классового разделения, то и сама классовая стратификация есть результат данного деяния. Классовое наказание за отказ от подчинения увеличивает разрыв в социуме между антагонистическими идеологиями. Противоречие находится в самом содержании исполнения наказания.

Опасность наказания, основанного на желании классового превосходства, заключена во внутреннем состоянии подверженного наказанию. Полагание несправедливости может стать побуждением к изменению моделей поведения и пересмотру своего места в социально-экономических отношениях. Изначальная нацеленность на созидание способна привести к направлению в сторону деструктивного поведения. Причина заключена во внешних оценочных суждениях. Даже самый законопослушный гражданин, избегающий любых конфликтов, может стать закоренелым преступником, если будет подвергнут наказанию, имеющему исключительно классовое содержание. Внутреннее состояние индивида, попавшего под руку классового наказания, будет формироваться не только из несправедливости, но и из обиды, вызванной наказанием.

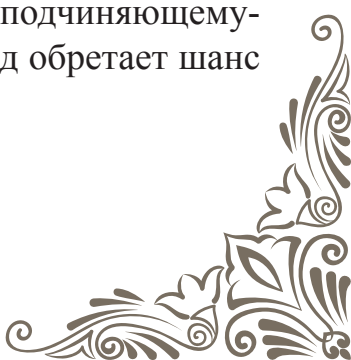
Классовое наказание при капитализме устроено так, что в дальнейшем наказанный ищет возможности для замещения наложенных на него санкций, если считает наказание несправедливым. Здесь можно обнаружить распад личности и ее последующую подмену на совокупность предпосылок к разрушительному поведению, основанному на внутреннем состоянии.

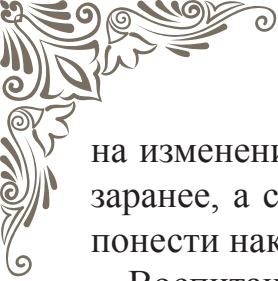
В бесклассовом гуманистическом обществе наказание сохраняется только с целью наложения ограничений на тех, кто ранее находился на позиции эксплуататоров и не желает подчиняться требованиям исправления. Аналогичные действия могут применяться к тем, кто относится к активным реакционерам. К менее активным «вредителям» используются методы исправления.

В социально ориентированном или бесклассовом обществе наказание применяется только как наиболее жесткий способ воздействия, теряющий свою необходимость из-за отсутствия классового угнетения, эксплуатации или отчуждения. Место наказания занимает воспитание, имеющее целью сформировать нужное мышление и поведение. Воспитание не может получать реализацию через наказание, поскольку индивид противодействует насилию. Противопоставление собственных поступков наказанию даст обратный результат, поэтому воспитание потеряет свое содержание.

В основе бесклассового воспитания, находящегося за пределами моральных оценочных суждений, лежит подробное объяснение, диалектический диалог и критическое осмысление поведения. Мышление, подвергнутое воспитанию, предполагает глубокое погружение в изучаемый предмет или исследуемое событие.

Бесклассовое воспитание дает возможность переосмыслить идеи и свое место в окружающем мире. Классовое наказание необходимо для указания подчиняющемуся его функционального бытия. В бесклассовом обществе индивид обретает шанс

на изменение собственного положения. В классовых отношениях все определено заранее, а сам эксплуатируемый может лишь согласиться с указанием извне или понести наказание за сопротивление внешней силе.

Воспитание может быть направлено на элиминацию классовых противоречий. Для внешнего воздействия не используется мораль, потому что она не обладает достаточной убедительностью. Вместо этого применяются методы, основанные на строгости суждений, исторических фактах, доказательствах, аргументации и примерах. Запускаются процессы критической рефлексии, поэтому внешнее воздействие применяется не как орудие наказания, а как средство для демонстрации направления.

Воспитание существует только в гуманистических социально ориентированных или бесклассовых обществах. В условиях классовых отношений то, что выдается за воспитание, в действительности оказывается идеологической обработкой, приправленной стратификацией, основанной на социально-экономической поляризации. Воспитание нельзя приравнивать к обработке, поскольку они различны по способам воздействия и целям. Воспитание не создает одномерного человека, в то время как классовая идеологическая обработка в капиталистическом обществе ориентирована на производство подчиняющегося индивида, обретающего бытие функции, предмета или средства.

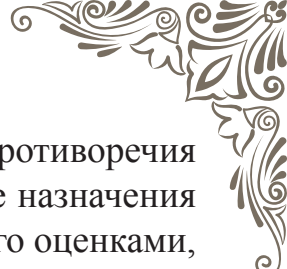

Убийство и мораль

Чаще всего убийство признается аморальным поступком. Бывают и исключения, если таковое действие считается вынужденной мерой, нужной для сохранения собственной жизни и противостояния тому, кто намеревался совершить убийство раньше. Эта тема подвергается постоянным обсуждениям, а из-за различных оценочных суждений была введена специальная статья, предусматривающая рассмотрение морального оправдания убийства в случае защиты жизни от агрессора.

Еще один вопрос, лежащий в этой плоскости, касается оценки необходимости наказания неисправимых убийц, не боящихся длительного наказания в условиях жестких физических ограничений. Можно ли наказывать убийством серийных маньяков, представляющих опасность для всего общества? Или следует сохранить им жизнь, оградив от социума и заставив существовать до конца жизни в небольших закрытых помещениях, выполняя каждое действие по строгому расписанию? Эти вопросы регулярно подвергаются моральному оцениванию на самых разных уровнях. Смертную казнь запрещают там, где убийство опасного преступника воспринимается аморальным. В такой системе на поведение убийцы, признаваемого аморальным, отвечают деяниями, считающимися моральными.

Моральные оценки о мере наказания проходят длительное обсуждение, лишь

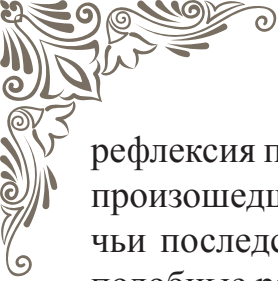
позже закрепляясь в официальных распоряжениях и требованиях. Противоречия в содержании мышления формируются у наказываемого только после назначения вида ограничений, поскольку они определяются не в соответствии с его оценками, а в результате обсуждений, становящихся для него внешней силой.

Морально ли вынуждать преступника вести жестко регулируемое существование, если он проявляет стремление к небытию и считает эту меру наиболее адекватным средством наказания? В этом вопросе моральные оценки, имеющие законодательную силу, внедряются в моральные оценки субъекта, испытывающего наказание. Мораль оказывается похожей на многослойный кулинарный продукт, потому что один слой морали закладывается между другими слоями.

Могут ли убийцы иметь мораль? Если признать убийство аморальным поступком, то, следовательно, их поведение означает аморальность. Моральны ли их суждения после совершения преступления? Деяние невозможно исправить моральными оценками. Если действие было совершено, а его последствия являются необратимыми, то последующие сожаления преступника не имеют никакого эффекта. Сожаление в этих условиях может стать амбивалентным. Способны ли мы распознать истинное содержание сожаления? Убийца может сожалеть не о совершении поступка, а из-за его раскрытия, ставшего причиной наказания. Если сожаление вызывает не преступление, но наказание, а языковые средства используются убийцей для попыток демонстрации противоположных суждений и введения в заблуждение, то такое поведение следует признать лицемерным.

Рефлексивное морализирование начинается после осознания субъектом своего наказания. Это осознание может наступить значительно позже, чем применение меры наказания, поскольку наказываемый теряет чувство реальности из-за состояния аффекта, не позволяющего объективно принять происходящее. Аффект может быть обусловлен сильным расхождением между желаемым исходом и реальностью и/или нежеланием принимать действительность. В первом случае вредоносным становится излишне иллюзорное понимание потенциального результата. Реалистичная оценка, нередко определяемая в философии пессимистичной, может сгладить удар по эмоциональному состоянию субъекта наказания. Во втором случае трудно найти средство возвращения адекватного восприятия мира, кроме исполнения самого наказания. Но даже в этом случае нежелание принимать действительность может сохраниться из-за построенного индивидом барьера, отделяющего вымышленный мир и настоящий. Отрицание реальности оказывается способом разграничения формы мышления и наказания. Выстроенный барьер не защищает от наказания, а позволяет сбежать от своей формы бытия. Подобные эффекты могут привести к появлению у наказываемого моральных оценок, дающих возможность создать наиболее благоприятные для него условия.

Морализирование после совершения деяния и принятия действительности не всегда, но очень часто можно подвергнуть сомнению, поскольку оценочные суждения переходят из области морали в сферу рефлексии: «а что, если бы». Эта

рефлексия представляет попытку сотворить в своих размышлениях реконструкцию произошедшего, чтобы пофантазировать о совершении иных деяний или действий, чьи последствия могли бы иметь меньшую степень наказания. Имеют ли смысл подобные размышления? Они не могут изменить совершенные поступки, но являются один из немногих источников для рефлексии, поэтому преступники находят в них новое содержание мышления, наделяя его особой значимостью. Смысл таких размышлений можно сравнить с желанием изобретения машины времени, способной изменить прошлое и, следовательно, настоящее. Это не моральная оценка, а создание фантастического произведения, основанного на идее перемещения во времени.

Мораль и Имморализм

Аморален ли имморализм?

Аморальными следует воспринимать поведенческие модели или поступки, противоречащие или выходящие за границы моральных оценок доминирующих классов. Если в общинах прошлого мораль являла собой совокупность оценок большинства жителей, то в условиях капитализма мораль обретает вид оценок разделенных социальных групп, сформированных через общие интересы. Участники управляющих объединений считают свои оценки наиболее важными и значимыми, внедряя их во многие сферы общества, находящиеся в границах подвластных им территориальных образований. Такую мораль можно признать не общечеловеческой, а классово-трансцендентной.

Истеблишмент является главным критерием оценок и регулятором ограничений. Но поведение доминирующих классов может выходить за любые границы, поскольку они сами определяют содержание и формы распространения оценок. Для них любая цель морально желательна, поэтому используемые средства и внедряемые способы достижения попадают в плоскость морально целесообразных. Так как средства подчинены цели, а цель признается «благом», то и сами средства получают соответствующую оценку. Это не утилитаризм, потому что на первое место выходят не аксиологические размышления, основанные на рефлексии индивида, совершающего действия, а безграничное чувство неудовлетворенности, исходящее из неадекватного восприятия окружающей действительности.

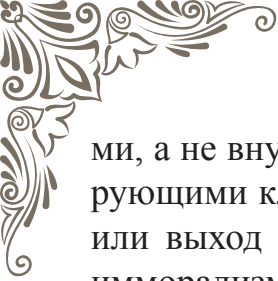
Мораль размыта для управляющих, но конкретна для подчиняемых. Оценкам подвергаются нарушители всех классов, кроме истеблишмента. История знает немало примеров о нетерпимости доминирующих классов к свободным оценкам со стороны управляемых. Пресекаются подобные попытки через формализацию, создание новых институтов с классовым содержанием и перенос субъективных желаний в законодательную область. Последнее и есть оформление классовых интересов и моральных оценок с целью доминирования.

Входящие в число истеблишмента не оценивают друг друга, но оценивают всех остальных. Мораль для них есть способ управления и разделения, позволяющий упростить процессы контроля и регулирования.

В капиталистических обществах мораль эксплуататоров основана на экономических интересах и субъективных желаниях. Первое обнаруживается в экономически детерминированном сознании и безграничном стремлении к накоплению материальных благ или благ, способных обрести материальную форму за короткое время.

Когда моральные оценки управляющих получают распространение в социально-экономических отношениях, то для управляемых классов они становятся внешни-

ми, а не внутренними. Подчиненность моральным оценкам определяется доминирующими классами как моральное поведение. Безразличие к моральным оценкам или выход за пределы заданных границ суждений признается истеблишментом, имморализмом или называется аморальным поведением.

Сущность конвенциональной морали угнетаемых классов понятна изначально и обладает строгостью. Она основана на принципах справедливости, берущих свое начало в природе. Она сурова и к истеблишменту, и к самим трудящимся. Ее границы всегда видны и не размываются, а средства не во всех случаях подчиняются цели. Даже если цель признается важной, то средства подвергаются обсуждению, поскольку их использование может стать вредоносным.

Так как управляемые классы состоят преимущественно из трудящихся, то вопросы морали или ее отсутствия возникают не слишком часто, поскольку трудящиеся индивиды заняты выживанием, не имея возможности подвергать обсуждению социально-экономические проблемы. Моральные оценки подчиняемых обусловлены не желанием доминировать, а интересом в справедливой общественной организации. Понимание справедливости основывается на соотношении «качество труда/оплата труда» и желании иметь комфортные условия получения здравоохранения, образования и науки. Социально-экономическое бытие воспринимается смыслом жизни, поэтому его условия становятся главным интересом. Впоследствии данный интерес может закладываться в моральные оценки. Следовательно, термины «интерес» и «мораль» для подчиняемых классов могут быть взаимозаменяемыми или взаимодополняемыми.

Содержание морали для управляемых классов чаще всего строится на классовом конфликте или столкновении интересов. Поэтому мораль угнетаемых необходимо описать рассуждениями, основанными на антагонизмах, заложенных в капиталистической форме социальной организации. Противоречие и есть фундамент морали подчиняемых. Значит, мораль непривилегированных классов находится в отрицании моральных оценок истеблишмента, а суждения и оценки управляемых, видящих противоречия капитализма, есть аморальность с позиции доминирующих классов. Здесь можно сделать предположение о внедрении понятий «интерес», «справедливость», «свобода», «равноправие» в содержание конвенциональной морали угнетаемых классов. Мораль становится собирательным образом стремлений к идеалам. Отказ от данного термина для непривилегированных классов не способен изменить направление движения или разрушить идеалы. Элиминация термина не приведет к изменению содержания идей угнетаемого класса. Иначе дело обстоит с моралью у управляющих классов, поскольку она нужна им для разделения, регулирования, надзора и наказаний. Трудящиеся, становящиеся на противоположной стороне, заинтересованы в создании системы самоорганизации и коллективизме без деперсонализации. У них нет нужды в управлении другими через вынесение суждений и потребности в разделении посредством вынесения моральных оценок. Следовательно, непривилегированным классам нет необходимости использовать

термин «мораль», внедряя его в свою практику.

Имморализм подчиняемых классов проявляется в безразличии к моральным оценкам доминирующих классов. Истеблишмент оценивает подобное индифферентное отношение аморальным поведением, а не имморализмом. Аморальность для управляющих классов заключена в безразличии к навязываемым ими ценностям или в их отрицании. С позиции управляемых здесь обнаруживается не аморальность, а имморализм, потому что основа последнего в диалектическом отрицании. Несмотря на это, истеблишмент определяет подобное поведение «моральным разложением», что есть заблуждение, поскольку «разлагаться» может только подверженный морали. Имморалист не находится во власти такого влияния. Здесь подтверждается классовое антагонистическое содержание морали капиталистических обществ.

Мораль доминирующих классов направлена на разделение и управление, а ее исполнение проявляется в надзоре и наказании. Диалектика рассуждения дает возможность увидеть в моральных оценках классово-трансцендентное содержание, потому что их форма выходит за границы разумного, адекватного, логического восприятия. Это же рассуждение позволяет обнаружить отсутствие общечеловеческого характера морали в классовых отношениях. Причиной тому — классовое содержание моральных оценок и зависимость их интерпретирования от действий и желаний истеблишмента.

Имморализм управляемых классов есть аморальность для доминирующих. Мораль привилегированных классов есть аморальность для управляемых. Подобные суждения подтверждаются в социально-экономических отношениях, подчиненных институтам с классовым содержанием, но элиминируются в бесклассовых обществах, основанных на устранении бюрократии, бюрократизма, обезличивания и отчуждения.

Куда ведет имморализм?

Чем больше закрепощение индивида, происходящего из непривилегированных классов, тем меньше у него желания реагировать на управление социально-экономическими отношениями. Если его устраивает общественное бытие, то предпосылка для интереса к изменениям не обнаруживает себя. Склонность к переменам появляется после того, как навязанные модели поведения и оценок оказываются силой, стоящей над ним и приводящей регуляторами его жизнь к состоянию дискомфорта, стресса и раздражения. За угнетением следует реакция. Содержание реакции может быть различно, находясь в культурных особенностях, пространстве и времени, субъективных нуждах, интересах и социально-экономическом положении. Если одни индивиды имеют желание безоговорочного подчинения, воспри-

нимая навязываемые им стандартны без отрицания, то другие проявляют полное безразличие к происходящему, отказываясь от внедрения в свои модели поведения предписания моральных оценок истеблишмента. Индифферентные могут отрицать навязываемые им ценности полностью или частично. Во всех случаях отрицание хоть и является реакцией на принуждение, обнаруживается в безразличии и в свободомыслии. Некоторые группы индивидов отказываются от навязываемых им способов мышления и подчинения, формируя противодействие.

Имморализм представляет не столько действие, сколько индифферентность. Но результатом безразличия становится реакция, исходящая от тех, кто вынужден принимать моральные оценки доминирующих классов. Индивиды, чье поведение признается имморальным, подвергаются наложению санкций со стороны тех, кто предпринимает попытки сделать свои моральные оценки всеобщими.

Индифферентность к морали воспринимается истеблишментом аморальностью, что приводит к подмене понятий и приравниванию содержания разной по смыслам терминологии. Это не только результат заблуждений, но и предпосылка для широкого распространения и насаждения новых иллюзий. Основанные на управлении, моральные оценки оказываются причиной подчиненного образа мышления, поэтому происходит потеря склонности к критическому оцениванию самого себя и своего места в окружающем мире. Рефлексия подвергается внешнему влиянию и направляется не во внутрь, а во вне, поскольку извне приходит ее содержание и мыслительные стереотипы.

В условиях внедрения моральных оценок доминирующих классов имморализм становится прибежищем свободомыслия. Индифферентное отношение к моральным оценкам позволяет избавиться от стереотипов и заблуждений. Диалектическое отрицание дает средство адекватно воспринимать окружающий мир в его многообразии, в то время как полное подчинение внешним оценочным регуляторам вынуждает видеть мир с одной стороны или с позиции одного суждения. Последнее означает отрицание смыслов, лежащих за пределами установленных извне нормативов.

Следствием отрицания противоречивости внешних моральных оценок и их классового содержания оказывается обезличивание по собственной воле. Отказ от критического восприятия мира и частичная потеря личности дает индивиду возможность идентифицировать себя с определенной социальной группой. Так как модели поведения заданы заранее, то субъекту остается принять на себя заготовленную роль, если на нее существует спрос.

Имморализм, напротив, позволяет осмыслить происходящее и рассмотреть его под разными углами. Индивид оценивает распространяемые суждения и установки, обдумывает свое место в них и определяет субъективное отношение к ним.

Имморализм не ведет к отсутствию подчинения, демонстрируя безразличие к происходящему. Индифферентный субъект может подвергаться угнетению и управлению, но восприятие этих процессов не делает его удовлетворенным. Если

моралист дает согласие на эксплуатацию, то immoralный индивид находится за пределами моральных оценочных суждений, предпочитая устремлять мысли в другую сторону.

Мораль как иллюзия счастья

Может ли быть счастливым индивид, предпочитающий подчиняться моральным оценкам? Способен ли быть счастливым тот, кто с безразличием относится к морали? Полагает ли себя счастливым тот, чье поведение оценивается моралистами аморальным? Ответы на эти вопросы можно получить через абстрагирование.

Сначала нужно попытаться понять, чем является «счастье» и «несчастье». Содержание терминов исходит из субъективных интересов и потребностей. Если биологические причины определяются самой природой, то предпосылки интересов можно найти в социально-экономических отношениях, детерминирующих сознание.

Киники находили счастье человека в умеренности и умении жить в гармонии с природой. Счастливым для них был индивид, презирающий роскошь. Идеал жизни они видели в природе, мире животных или примитивном коммунизме¹⁰⁶.

Исследуя зависимость несчастья от социально-экономических отношений, Михаил Бакунин восхищался представителями физического труда, сохранившими ум, справедливость и здравый смысл. Обнаруживая несчастных среди угнетенного народа, он сочувствовал трудящимся и высоко оценивал тех, кому удалось не испортиться политическими обманами и «софизмами доктринерской науки»¹⁰⁷.

Для Бакунина счастье заключалось в нейтрализации институтов, позволяющих эксплуатировать народ. Счастливыми он называл индивидов, обретающих свободу, дающую возможность углублять и расширять знания и умения. Эта свобода, по его мнению, находится в социально-экономическом равенстве и солидарности¹⁰⁸. Лишь в такой форме она способна порвать с принципом авторитета.

Схожие мысли можно узреть у Петра Кропоткина, считавшего несчастными тех, кто ввергнут в нищету и невежество не по своей воле. Он сочувствовал тем, кто погибает «под тяжестью труда и лишений»¹⁰⁹. Счастье Кропоткин видел в равенстве для всех¹¹⁰.

Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) описывал несчастье «архитектором мирового

106 Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М., 1984. С. 11.

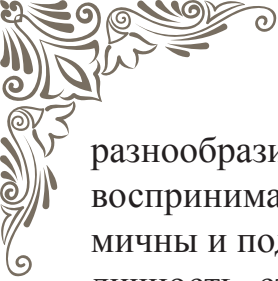
107 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 174.

108 Там же. С. 432.

109 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 142.

110 Там же. С. 156.

разнообразия»¹¹¹ и обнаруживал в нем сильнейшую предпосылку поведения. Он воспринимал несчастье основой всего живого¹¹². Для него формы несчастья динамичны и подвержены изменениям. В современном ему человеке Сиоран наблюдал личность, страдающую из-за несчастий, но испытывающую гордость за уникальность пережитого опыта. Это, по его мысли, заставляет индивида терпеливо переносить страдания.

Сиоран полагал несчастными всех людей, но был уверен, что не каждый способен понять свою участь. Осознание собственного несчастья он называл слишком тяжелой болезнью¹¹³. Состояния, воспринимаемые «негативными», он признавал причиной интенсификации деятельности сознания. В его мыслях побуждение к счастью рано или поздно приводит к апатии. Поэтому «скука», по мнению Сиорана, оказывается естественным термином для обозначения состояния счастья¹¹⁴.

Эрих Фромм видел счастье в удовлетворении потребности к созиданию. Исходя из этой мысли, он считал основой страданий разрушительность, поскольку деструкции вынуждают страдать разрушителя и тех, на кого он воздействует¹¹⁵.

Артур Шопенгауэр обнаруживал своеобразное и искаженное счастье в силах, позволяющих стремиться к поддержанию «вечного перехода от желания к удовлетворению и от него к новому желанию»¹¹⁶. Удовлетворением он считал быстрый ход данного процесса, а несчастьем называл замедление движения.

Как видно из указанных выше примеров, термины «счастье» и «несчастье» могут отличаться и оказываются в зависимости от социально-экономических отношений, институциональной структуры, интересов и субъективных взглядов на фундаментальные принципы бытия. Что можно утверждать о счастье в современности? Вероятно, капиталист станет искать счастье в отчуждении добавочной стоимости и эксплуатации трудящихся. Проявляющие симпатию к справедливой общественной организации будут добиваться равенства возможностей и прав. Аскеты станут снижать свои потребности. Находящиеся во власти неконтролируемой тяги к увеличению потребления отдадут предпочтение наращиванию объема покупок. Академики могут видеть счастье в ученых степенях и званиях, а спортсмены обнаружат искомое в рекордах и соревновательных победах. Подверженные внешнему локусу управления обретут счастье в их признании окружающими. Популисты найдут желаемое в росте известности и обретении необходимой им репутации.

Счастье весьма индивидуально, поэтому его содержание сложно подвергнуть точному определению. Сама оценка понятия находится в субъективной плоскости, но объективно можно выявить эфемерность. Другими словами, счастье всегда неп-

111 Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) . Искушение существованием. М., 2003. С. 63.

112 Там же. С. 27.

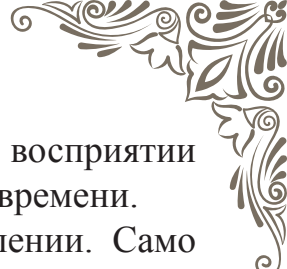
113 Там же. С. 34.

114 Там же. С. 118.

115 Эрих Фромм. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005. С. 48.

116 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1999. С. 151.

родолжительно. Несчастье, являясь противоположным событием в восприятии окружающей действительности, имеет тенденцию к растягиванию во времени.

Предпосылка счастья обнаруживается в деятельности или мышлении. Само счастье есть результат, хотя и подверженный времени как атрибуту бытия. Несмотря на субъективность восприятия, следует признать существование иллюзорного счастья. Оно заключается в подчиненности предписанным внешним оценкам, а не внутренним побуждениям. Определение счастья обусловлено индивидуальными впечатлениями и зависит от совокупности событий, оказывающих влияние. Это дает возможность выявления содержания счастья через внутреннее побуждение, а не внешнее воздействие, основанное на формах навязывания идей.

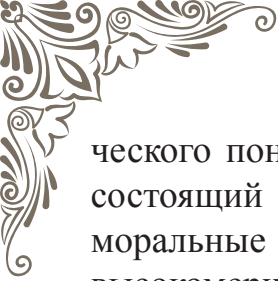
Когда восприятие счастья попадает под зависимость от внешних оценочных суждений, то происходит переход от субъект-субъектной или субъект-объектной модели к объект-субъектной. Независимое внутреннее состояние формируется через отношения субъекта с субъектами или объектами. Зависимое внутреннее состояние выявляется через взаимодействие субъекта восприятия с другими субъектами, но сам он определяется воздействующими индивидами как объект, поскольку для них имеет значение предписание собственных оценочных суждений. В последнем случае модель поведения становится субъект-объектной исключительно для тех, кто навязывает свое мнение, но она подвергается инверсии при изучении взаимодействия со стороны воспринимающего. Превращение в объект субъекта, заменяющего внутреннее стремление к счастью внешними оценочными суждениями, обретает форму объективации. Вчерашний созерцатель в таких отношениях оказывается предметом без каких-либо свойств, потому что они элиминируются теми, кто осуществляет объективацию а не подчиняется ее воздействию.

Опасность объективации через моральные оценки заключена в отрицании воздействующей стороной свойств бытия тех, кого они превращают из субъекта в объект. Для истеблишмента свойства бытия управляемых классов не имеют никакого значения из-за перехода последних из области бытия живых индивидов в сферу бытия вещей. Время подвергается уничтожению, а пространство становится только местом реализации интересов, чаще всего экономических, поскольку объективация обнаруживается там, где уже запущены процессы коммодификации.

Может ли субъект, превращенный в объект, быть счастливым, принимая навязанные ему внешние оценочные суждения? Если признать счастье свободным внутренним побуждением, то зависимость от внешних оценок следует назвать иллюзорным или имитационным счастьем. Содержание иллюзорного или имитационного счастья заключено в попытках стандартизации. Субъекты, полагаящие всех остальных объектами, приводят к единой форме восприятие окружающего мира. Предпосылкой данного процесса является желание внедрить субъективные суждения, оценки и впечатления в общество. Именно так создаются унифицированные стандарты определения термина «счастья».

Объективируя других, субъекты классовых отношений отказываются от крити-

ческого понимания окружающего мира. Они рассматривают его как мир вещей, состоящий из неживых объектов, нуждающихся в регулировании. Собственные моральные оценки и суждения на этапе навязывания становятся проявлением высокомерия, потому что иные мнения не воспринимаются или определяются враждебными из-за содержательных различий.

Принимая чужие стандарты счастья, подчиняющиеся теряют склонность к рефлексивному осмыслению своего места в социально-экономических отношениях, собственных интересов, предпосылок к опыту счастья и способов получения удовлетворения. Это не счастье, а несчастье.

Иллюзорное или имитационное счастье можно сравнить с диалогом. Если индивид соглашается с собеседником по своей воле, то не будет внутренних противоречий и отторжений. Если он вынужден соглашаться с собеседником из-за давления, заставляющего его это делать, то будут обнаруживаться внутренние противоречия. В случае появления внутренних разногласий наносится вред личности, поскольку индивиду приходится говорить то, что от него ждут, а не то, что он сам думает. Если из-за давления ему приходится совершать поступки, оказывающиеся за пределами своих интересов и внутренних желаний, то поведение воспринимается им самим лицемерным, потому что деяния находятся в антагонизме с внутренним гласом. Данный пример можно использовать для понимания иллюзорного или имитационного счастья, предписываемого через внешнее давление, создающее антагонистические противоречия.

Забывая или отторгая внутренние побуждения, индивид теряет личность и принимает бытие объекта, предмета, средства или управляемой марионетки. Он может ошибочно полагать себя счастливым или удовлетворенным, но в действительности его восприятие диктуется внешними оценочными суждениями. Оказываясь в плену у иллюзорного или имитационного счастья, индивид теряет адекватность осмысления себя самого и окружающего мира. Когда пелена спадает с глаз, то человек остается наедине с осознанием бесполезности своего бытия и впустую потраченного времени, поскольку его действия были подвержены внешним оценочным суждениям, унификации и моральной стандартизации. Это становится предпосылкой для появления апатии и глубоких экзистенциальных кризисов, поэтому существует необходимость познания и разделения внутренних побуждений, дающих собственное определение термина «счастье», не вынуждая подчиняться внешним суждениям, отчуждающим от своей сущности.

Мораль как заблуждение

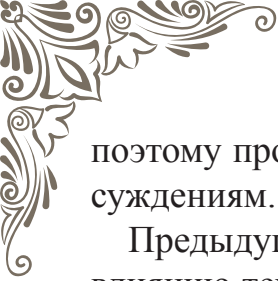
Несовершенство человеческого разума ведет к формированию предрассудков. Сами предрассудки приводят к несовершенству человеческого разума. Взаимная обусловленность может становиться основой конфликтных моральных оценок. Не затрагивая историю появления морали и ее продвижения до сегодняшнего дня, причины можно найти в склонности индивида основывать суждения на собственных желаниях, интересах, нуждах и оценках. Происходит переход из субъективной области мышления в формально объективную. Объективность воспринимается данным фактом, но мнимость обнаруживается в субъективном начале. Ошибочность результата основана на заблуждениях процесса.

Субъект ограничен в восприятии окружающего мира, поэтому и познание некоторых предметных областей изначально ограничено. Границы отодвигаются и размываются со временем, когда формируются соответствующие научные достижения.

Моральные оценки при ограниченности индивида следует трактовать как создание границ внутри границ. Это напоминает устройство тюрем, где после одной стены начинается другая, чтобы снизить склонность заключенных к побегу. Подобная тюремная архитектура нужна не только для физического предотвращения бегства, но и для устрашения, чтобы отбить у заключенного даже мысль о возможности побега.

Заблуждения могут появляться при расхождении моральных оценок. Противоречия способны существовать даже в одном классе, хотя его представители чаще всего детерминируют поведение негласно, основываясь на общих выгодах и взаимных интересах.

В капиталистических обществах управляющий класс может наделять другие классы, близкие по интересам, привилегией на навязывание субъективных идей, суждений и оценок. В краткосрочном периоде идеи этих классов пересекаются, не создавая взаимных конфликтов. В дальнейшем они могут демонстрировать значительные расхождения, приводя к антагонизму в моральных оценках между привилегированными классами. Тогда ситуация становится похожей на отношения родителя с проблемным ребенком, чьи действия идут в противоречие с его собственными суждениями. В таких случаях ребенок подвергается перевоспитанию. Но из-за нежелания подчиняться, основанного на стремлении совершать противоположные поступки, ребенок вступает в открытый конфликт с родителем. Каждый из них будет пытаться доказать правильность своей субъективной позиции. При капитализме подобный классовый антагонизм между эксплуататорами приводит к распространению множества моральных оценок, имеющих разное содержание, но одинаково претендующих на истинность. Если основа этих оценок в заблуждениях, то взаимное переплетение, пусть и в конфликтной форме, приведет к мультипликативному эффекту. Человеческая личность хрупка и зависима от внешнего влияния,

поэтому противоречие в моральных оценках приводит к расхожим рефлексивным суждениям.

Предыдущий пример может стать особенно опасным, если индивид подвержен влиянию тех, кого он считает авторитетами. Их противоречия между собой могут образовать конфликт не столько в моральных оценках, сколько в самом способе мышления. Если столкновение моральных оценок доминирующих классов сопровождается исключительно в лингвистических формах, а практические действия их распространителей оказываются иными, то это может привести или к потере адекватности восприятия окружающего мира, или к росткам нигилизма. Второй случай кажется наиболее оптимальным, потому что отрицание станет основой диалектического мышления, то есть научного, критического, предметного, структурного, методологически выверенного и опирающегося на строгость ума.

Разрушительная сила подверженности субъективным моральным оценкам находится в их самости, поскольку даже размышления о навязанных формах морали могут представлять опасность. Независимо от выбранной модели поведения, человек мыслит о моральной оценке его поступков окружающими. В процессе размышлений он теряет время, представляющее для него субъективную ценность. Этим моралисты если и не одерживают победу над суждениями или поведением, беспощадно крадут часть бытия. Речь в данном случае идет не о любых размышлениях о морали, а о принятии поведенческой модели, обусловленной доминирующей в обществе моралью, навязанной меньшинством с целью сдерживания большинства.

Мораль и истина

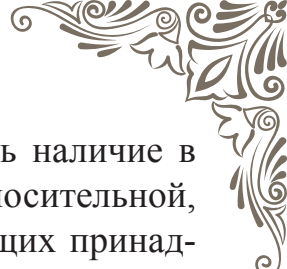
Может ли мораль признаваться истиной? Для ответа на поставленный вопрос необходимо определиться с пониманием содержания термина «истина», имеющего взаимосвязь с понятиями «абсолютность» и «относительность».

Абсолютность означает переход от одного состояния к другому, но этот процесс не предполагает отбрасывания прежних результатов, так как даже их ошибочность является этапом на пути к истине. Моральные оценки меняются в зависимости от интересов морализирующих индивидов, а прежние установки отбрасываются. Здесь можно обнаружить отсутствие диалектической преемственности и структурной целостности. Подверженность моральных оценок временному и пространственному критериям показывает относительность.

Если мы признаем моральные оценки индивидуальными суждениями, направленными на регулирование быта, то их предпосылка лежит в субъективной ограниченности и порыву к управлению. Такие оценки следует назвать относительными, поскольку они воспроизводят опыт и мышление приближенно.

Ограниченность моральных оценок лежит в их стремлении к фрагментарности

и отказе от объективной упорядоченности. Даже если предположить наличие в подобных оценках зачатков истины, то сама она будет оставаться относительной, репродуцирующей действия и мысли группы лиц, чаще всего имеющих принадлежность к доминирующему классу.

Если определить истину соответствием содержания мышления и высказывания, а главным критерием назначить опыт, то в моральных оценках можно обнаружить противоречие между субъективными представлениями и действительным опытом.

Если описать истину исключительно прагматическим опытом, основанном на мыслительных предпосылках и воле, то моральные оценки элиминируются из-за отсутствия их необходимости в практической деятельности.

Если за основание взять когерентность, признав истину согласованностью знаний, то моральные оценки вступят в противоречие сами с собой из-за отсутствия непротиворечивости в пространстве и времени. Их субъективность и относительность выявляются через отличия в формах мышления у разных народов и общественных групп. На одних и тех же территориальных образованиях моральные оценки могут меняться после социально-экономических изменений и смены управления, что позволяет утверждать об относительности оценок и во времени, и в пространстве.

В конвенциональной истине, признающей основным критерием истинности согласие между субъектами деятельности или мышления, противоречие в моральных оценках может обнаружиться в несогласованности между разными социальными группами. Для трудящихся истина будет антагонистической по отношению к истине истеблишмента. Истина здесь не столько фрагментарна, сколько ассиметрична из-за своей классовой принадлежности. Абсолютность будет трактоваться по-разному, завися от формы классового мышления. Антагонизмы станут появляться в классовых отношениях.

Исключение могут составить только альтернативные трактовки истинности моральных оценок, требующих отказа от чувственного опыта, прагматизма, практической пользы и согласованности знаний в пользу субъективно-мыслительного преодоления существующего разрыва между действительностью и соответствием внутренних убеждений, противоречащих собственным наблюдениям. Это означает признание истины через необъективное отношение. Критерием истины окажется не форма мышления, а убежденность, обусловленная безоговорочным принятием.

Если в науке исходная предпосылка становится основой для дальнейших поисков, предполагая изменения, отрицания, усложнения, углубления и расширения, то безоговорочное принятие моральных оценок предполагает исходные образы как неизменный фундамент. Они позволяют не только организовывать свой быт и окружающий мир, но и обретать самоидентификацию, поскольку суждения дают возможность принимать бытие элемента группы, объединенной общими интересами.

Истина предполагает отсутствие зависимости от интересов индивидов. Она

учитывает преэминентность знания. Истина процессуальна, точна, предметна и неабстрактна. Весьма сложно вскрыть в моральных оценках, подверженных абстрактным размышлениям и различным интерпретациям, не учитывающим значимость определенности, выявить даже относительную истину. Следовательно, моральные оценки необходимо рассматривать как субъективно отвлеченные размышления, принимающие трансцендентную форму. Их результатом становится уход в беспредметную область, позволяющую спекулировать на различных интерпретациях, поэтому потеря истины обнаруживается в приоритетности формы, а не содержания.

Мораль как внешний локус контроля

Причиной потери личности через моральные оценки может стать подверженность внутренним влечениям и желаниям, продиктованным извне. Импульсы побуждения происходят из интересов субъекта, но их причина во внешнем окружении. Среда обитания, особенно социальная, воздействует на эмоциональное восприятие, чувства, потребности и интересы. Она же являет собой источник желаний. Подчиненность воздействию окружения может выражаться в отказе от личности с целью принятия моделей поведения, оцениваемых морально целесообразными.

Мир бросает вызов через усиление процессов коммуникации. Если человек видит необходимость соответствовать требованиям окружающих, то их моральные оценки оказываются для него основополагающими. Восприятие окружающего мира через суждения других индивидов становится фундаментом для личностных изменений и подверженности внешнему локусу контроля. Одновременно с этим образуется склонность к популизму, позволяющему высказывать мысли или совершать действия, ожидаемые большинством.

Современность дает возможность заметить личностные изменения через мгновенные коммуникационные сети, являющиеся площадкой для обмена мнениями, суждениями и оценками. Один и тот же человек может использовать разные модели поведения и лингвистические формы, находясь в зависимости от доминирующих оценок и привычек сегмента сети. Личность в этих условиях не только множится, но и расщепляется. Расщепление в цепочке изменений появляется раньше, чем увеличение моделей поведения, обусловленных моральными оценками окружающих.

Если раньше между действием и реакцией окружающих был временной промежуток, то сейчас реакция может последовать незамедлительно. Причина этого заключена в необходимости избавления индивида от собственной личности, чтобы высвободить пространство для последующего наполнения новыми личностями.

Моральные оценки становятся фундаментом для популизма, проявляющегося в разных формах, но с одинаковой предпосылкой. Оценки окружающих обосновыва-

ют собственные суждения и поступки. Желаемым поведением называются модели, находящие публичную симпатию.

Опасность подверженности внешней, а не внутренней воле заключена в признании не своих нужд и склонностей, а желаний других. Ценность личности приравнивается к оценкам окружающих. Платой за поощрение и подчинение оказывается сведение существования к функционально-постановочному исполнению. Бытие принимает форму совокупности предрассудков и соответствий чужим ожиданиям.

Внешние критерии и боязнь подвергнуться осуждениям становятся внутренним регулятором к стандартизированным моделям поведения. Они же являются направляющими средствами для определения целей и путей их достижения.

Моральные оценки выступают оправданиями ограничений и одновременно с этим дают индивиду почувствовать собственную важность. В этом их социальная функция, относящая к обществу не по интересам, а по суждениям. Социализация дает возможность сгладить противоречия, возникающие в содержании морали. Принадлежность к сообществу позволяет принять ограничивающую силу моральных суждений как необходимый элемент отказа в пользу социального атрибута.

Может ли индивид сделать отказ от ценностей и суждений окружения, не подвергаясь внешнему локусу управления? Ответ на данный вопрос обусловлен силой личности. Слабая личность будет продолжать подчиняться изменениям, проявляя склонность к расщеплению или умножению личностей, в то время как сильная личность сможет совершить отрицание, основанное на адекватном восприятии действительности. Сильной личности нет нужды зависеть от внешних суждений, поскольку она уже сформирована и продолжает углубляться в познание. Слабая личность не погружается в самообразование, предпочитая оценивать себя исключительно через оценочные суждения окружающих.

Мораль и время

Для Иммануила Канта законы свободы, находящиеся в этической плоскости, отличаются природных законов. Когда они касаются внешних поступков, то становятся юридическими. Когда они выдвигают требование формировать основание поведения, то оказываются этическими.

Свобода, основанная на юридических законах, является внешней; свобода, основанная на этике, признается внешней и внутренней, поскольку определяется человеческим сознанием. Петр Кропоткин описывал свободу как «возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно

не исходит от друга)»¹¹⁷.

Классовая стратификация предполагает разделение социума на элементы. Средством для этого процесса нередко оказывается разделение труда, позволяющее доминирующим классам оправдывать любую поляризацию и эксплуатацию. Когда в дело пускаются моральные оценочные суждения, то рано или поздно они обретают форму правовых регулирующих институтов.

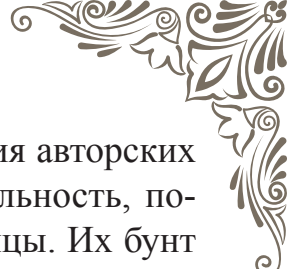
Преступным поведением считаются образцы действий, нарушающие границы, установленные извне и охраняемые институциональной структурой исполнения и наказания. В капиталистических классовых обществах законы лишь частично основаны на создании всеобщих моделей поведения для защиты мирного большинства от хищнического меньшинства.

Существуют индивиды, имеющие откровенно агрессивное и враждебное поведение, представляющее опасность для большинства. Необходимость их отделения понятна из содержания угрозы и находится за пределами оценочных суждений. Но есть особый вид регулирования, позволяющий изолировать неугодных доминирующим классам. Для этого используется законодательное оформление морали, дающее возможность истеблишменту наказывать тех, кто воспринимается ими угрозой, но исключительно для их собственного комфорта. Эти размышления обнаруживают подтверждение в историческом изучении изменения оценочных суждений. Теоретики анархизма, социализма и коммунизма, проводившие пропаганду своих идей до февраля 1917 года, отправлялись под стражу, высылались на периферию, лишались прав и осуждались доминировавшими классами. У народников забирали их привилегии и экспроприировали имущество.

Теоретики бесклассовой социальной организации подвергались гонениям исключительно из-за своих идей, считавшихся истеблишментом аморальными. Можно ли назвать действительно неэтичным поведение того, кто призывал ко всеобщему равенству прав и возможностей? Является ли аморальным тот, кто хотел честной оплаты труда, соответствующей принципу «от каждого по способностям, каждому — по труду»? Следует ли признать аморальными слова тех, кто имел желание освободить труд и внедрить в практику коллективные хозяйства, основанные на беспрепятственных обсуждениях? Можно ли назвать неэтичными статьи теоретиков, предлагавших организовать общество так, чтобы отчуждение труда было немыслимым? Были ли аморальными авторы, рассматривавшие нейтрализацию классовой эксплуатации? Перечисленные выше вопросы касаются только теоретических построений организации хозяйственных отношений, а не средств достижения.

Пропагандисты бесклассового общества, чье поведение признавалось доминирующими классами аморальным и незаконным, после октября 1917 года обрели уважение нового высшего руководства. Их теоретические труды стали печататься

117 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 355.

относительно большими тиражами с целью широкого распространения авторских идей. Многие из народников, особенно тех, кто вел активную деятельность, получили известность, а их именами повсеместно стали называться улицы. Их бунт стал восприниматься новой властью значимым этапом и необходимым подвигом. Это стало возможным через уничтожение старого пространства моральных оценок, основанного на классовой эксплуатации. На передовую попали вопросы прагматизма, организации общества и новых социально-экономических отношений. В условиях бурных перемен моральные оценки оказались лишними. Важностью стали наделяться идеи справедливости, предполагающие отказ от всех ценностей, продиктованных классами, доминировавшими в недавнем прошлом. Преступниками стали определяться капиталисты, сторонники империализма и царизма, кулаки, привилегированные аристократы и индивиды, выступавшие за сохранение предыдущей формы общественной организации. Значимость приобретали не столько слова поддержки, сколько конкретные действия. Классовая борьба, вставшая на передний план, отодвинула моральные оценки, но не смогла их полностью нейтрализовать. Когда предыдущая эпоха была полностью закрыта, дав начало новым формам мысли, прошлое стало восприниматься трагическим для народа временным периодом.

Все, считающееся законным сегодня, могло быть незаконным в прошлом. Моральное сегодня может стать аморальным завтра. Индивид, воспринимающийся высокоморальным в одно время, может называться аморальным после смены очередной парадигмы мысли. Затем, когда произойдет очередное социальное изменение, его поступки станут признаваться морально целесообразными.

Моральные оценки всегда подчинены динамике. Сравнивая моральные суждения с эпидемией, Фридрих Ницше вскрывал их зависимость от времени¹¹⁸. Для него динамика морали обнаруживается в исторических и культурных различиях условий сохранения общин¹¹⁹, диктовавших и продолжающих требовать подвергающиеся переменам формы социальной организации. Поэтому Ницше не проявлял сомнений в изменении содержания морали.

Учебники по истории переписываются, наверное, с момента их появления, завися от субъективных моральных оценок авторов, выбирающихся в соответствии с умением угодить интересам заказчиков. Новый уклад приводит за собой других составителей учебных пособий, меняющих содержание в соответствии с мышлением доминирующей силы.

Подчиняясь динамике во времени, моральные суждения могут определять эпохи или как утопические, или как мрачные. Гиперболизация свойственна человеку с его желанием усилить восприятие прошлого. Узрев это, Ницше выявил зависимость передачи звания «наиболее темная эпоха» от сохранившихся свидетельств ее суще-

118 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 448.

119 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 434.

ствования¹²⁰.

Мораль можно сравнивать с разделением литературы на качественную и некачественную. Качественная литература проходит проверку временем, поскольку создается авторами, умеющими подвергнуть себя отчуждению от самого времени. Противоположный вид литературы становится результатом своего времени и уходит в небытие с окончанием эпохи, не проходя проверку на долговечность.

Мораль обусловлена не только временем, но и пространством. В каждой стране человек сталкивается с разными видами морали и ее оценками. На разных территориальных образованиях принимаются меняющиеся во времени формы моральных суждений, предполагающих изменение содержания понятий «правильно» и «неправильно». Эту склонность Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) называл империализмом¹²¹.

Моральные оценки историчны, динамичны и подчинены времени. Они меняются и подстраиваются под нужды доминирующих классов, становясь инструментом для эксплуатации и изолирования неугодных субъектов социального бытия. Мораль меняется вместе с обществом, следовательно, ее основание недолговечно. Ее содержание подвергается структурным изменениям, обусловленным социальными и экономическими переменами. Меняется не только ее сущность, но и восприятие окружающими. Средневековые инквизиторы, вероятно, полагали свои деяния выскоморальными и правильными. Много ли сейчас найдется тех, кто назовет их действия таковыми?

Изменение главенствующих интересов приводит к перемене моральных суждений. Человек живет во времени и пространстве, а именно он и является источником размышлений о морали, поэтому следует признать зависимость моральных суждений от пространственно-временных характеристик.

О категорическом императиве Канта

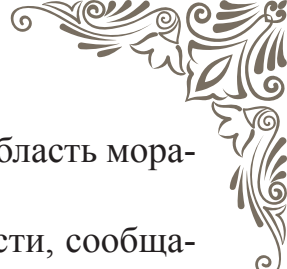
Иммануил Кант описывал императив (велеие или запрет) как практическое правило, наделяющее случайный поступок необходимостью. Категорический (безусловный) императив есть императив, делающий мыслительные предпосылки и действия необходимыми не через представления о возможном достижении цели, а посредством представления о поступке (о его форме)¹²². Важность поступка выявляется через полагание о необходимости его совершения. Кант называл кате-

120 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 651.

121 Эмиль Мишель Сиоран (Чоран). Испытание существованием. М., 2003. С. 288.

122 Иммануил Кант. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. М., 2014. С. 67.

горический императив выражением обязательности, определяя его в область морали¹²³.

Категорический императив, выражающий содержание обязательности, сообщает: поступай согласно максиме, способной иметь силу всеобщего закона¹²⁴. Основание категорического императива напоминает содержание золотого правила нравственности, но с расширенной областью мышления и действия. Его воплощение в действительность позволяет избежать последующего обсуждения необходимости симметричного возмездия за совершенное деструктивное деяние.

Категорический императив Канта воспринимается как понятие, лежащее в плоскости морали и определяющее формы мышления и модели поведения. Несмотря на принадлежность к этической области, его содержание выходит за эти пределы. Категорический императив предполагает изучение возможного поведения в разуме мыслящего субъекта и опирается не на чувства, а на строгость функционирования в обществе. Он основан на понятном лингвистическом построении с простой мыслью.

Кант предложил не столько этическое основание, сколько организацию социально-экономического бытия индивида, встроенного в структуру отношений, независящих от него. Находясь в обществе, субъект вынужден не ограничивать себя, а искать возможности уменьшения своих страданий, доставляемых ему бытием. Следовательно, он старается найти наиболее приемлемые для него способы бытия.

Снижение страданий входит в понятие «интерес» и основывается на субъективных потребностях. Если назвать предпосылкой индивидуальной формы бытия субъективные интересы, то и категорический императив Канта оказывается подверженным представлениям субъектов, вынужденных или предпочитающих вести совместное существование. Это не ограничение, а желание расширить границы, заданные заранее.

Категорический императив можно описать способом регулирования жизни, но его склонность к институционализации следует поставить под сомнение, поскольку он не становится надличностным или надобщественным институтом, если только не подвергается законодательному оформлению. Причина заключена в пересечении индивидуальных и взаимных интересов, не предполагающих наличия эксплуатации. Основание категорического императива в симметричном понимании справедливости.

По категорическому императиву побуждения исходят не из-за воздействия внешних регуляторов, а из формы мышления, базирующейся на опыте взаимодействия и адекватном восприятии окружающего мира. Способы взаимного существования исходят из желания снизить причиняемые бытием страдания, поэтому категорический императив изначально направлен на удовлетворение субъективных интересов,

123 Иммануил Кант. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. М., 2014. С. 69.

124 Там же. С. 75.

становящихся основой для общественного регулирования. Социальное управление в этих условиях основывается на саморегулировании.

Категорический императив следует рассматривать не в категориях «добро» и «зло», а как представления о необходимости поступка, имеющего предпосылкой мышление, воспринимающее справедливость. Готов ли вор быть обворованным? Желает ли грабитель быть ограбленным? Сможет ли вынести унижения тот, кто любит унижать окружающих? Способен ли принять физические страдания тот, кто предпочитает доставлять их другим? Необходимость поступка определяется рефлексией и взаимной ответственностью.

Являясь одним из основных понятий философии Канта, категорический императив не устремлен в сторону сужения умственных границ и не уничтожает склонность к критическому мышлению. Он не элиминирует рефлексию и не заставляет подчиняться общественным институтам, направленным на эксплуатацию и отчуждение. Категорический императив лишь вводит понимание ответственности за свои поступки. Осознание ответственности предполагает изучение социальных связей и рефлексивное погружение в исследование собственных впечатлений от совершения поступков или реакции на внешние воздействия других. Такое изучение углубляет знания, расширяет кругозор и не требует наличия моральных оценочных суждений. Критическая оценка своего поведения и поступков окружающих, освобожденная от навязанных извне ценностей, нейтрализует одномерность мышления. Это дает возможность рассматривать категорический императив как способ организации, исходящий из пересекающихся индивидуальных интересов и интересов окружающих, не подвергающий формы мышления, средства достижения целей и результаты поступков моральному осуждению, позволяя критически изучать модели поведения.

Отчуждение

Об отказе от воспроизводства

Современный человек постоянно сталкивается с соблазнами иллюзии необходимости воспроизводства потомства. В создании нового бытия человек нередко видит возможность продолжить собственную личность. Страх перед смертью и желание оставить след, пусть даже и в виде сотворения жизни, толкают его на необдуманные поступки. Индивиду хочется жить в чьей-то памяти, а наиболее простой способ реализовать желание заключается в воспроизводстве потомства.

Бытует ошибочное мнение, что отказ от продолжения рода есть признак эгоизма. Это поразительная иллюзия и фиктивная подмена содержания предмета, поэтому здесь следует остановиться подробнее.

Опыт человеческой жизни вряд ли можно назвать настолько увлекательным, что он должен стать действительной предпосылкой для созидания бытия из небытия. Он может быть таковым для привилегированных слоев населения, но все остальные вынуждены вести борьбу за биологическое существование. Классовые антагонизмы приводят к постоянной вражде с окружающими за обладание благами. Если мир организован так, что борьба между индивидами за материальные блага неизбежна, то бытие следует признать не счастьем, а величайшей трагедией и злобной сатирой.

Серен Кьеркегор, размышляя о жизни, выявил основное несовершенство человека в непонимании достижения объекта желаний через свою противоположность¹²⁵. Любое желание появляется из потребности, представляющей нужду. Нужда предстает перед нами в виде неудовлетворенности, то есть страдания. Последнее нейтрализуется после получения удовлетворения. Но и это чувство мнимо, так как оно быстро сменяется очередной потребностью¹²⁶. Длительного удовлетворения не может дать ни один достигнутый результат. По мнению Артура Шопенгауэра, такая жизнь напоминает подавание, отдаваемое нищему исключительно для продления его невыносимых страданий всего на один день.

Получается замкнутая цепочка, основанная на страданиях. Шопенгауэр сравнивал подобный жизненный процесс с постоянным переходом от желания к удовлетворению и от него к новому желанию¹²⁷. По его мысли, это похоже на игру, в которой быстрые ходы представляют собой счастье, а медленные — страдание. Суждение показывает тяжесть совокупных страданий, перевешивающих совокупное удовле-

125 Серен Кьеркегор. Или — или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб., 2011. С 42.

126 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1999. С. 173–174.

127 Там же. С. 151.

творение.

Соглашаясь с Шопенгауэром, следует признать борьбу за существование и реализацию желаний основой для страданий. Эфемерное удовлетворение есть лишь результат длительного нахождения в состоянии неудовлетворенности. Поэтому созидание бытия из небытия оказывается поразительно корыстным актом, предполагающим обречение индивида на страдания. Созидатели бытия по собственному желанию бросают новую жизнь на каторгу.

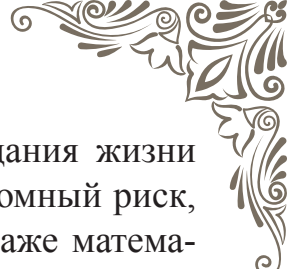
Страдания воспринимаются нами значительно продолжительнее и сильнее, чем удовлетворение, выступающее эфемерным. Осознание такого положения способно наделить человека ответственностью за дальнейшее воспроизводство. Конечный пункт бытия находится не в насыщении, а в прекращении бытия, в небытии. Удовлетворение потребностей и чувство счастья на данном пути становятся лишь небольшими временными промежутками. Но действительное положение скрывается из-за боязни ослабления ценности человеческой жизни.

Можем ли мы оградить новую жизнь от страданий? Это невозможно сделать из-за многочисленных опасностей. Внешний мир, в том числе и построенный самим человеком, слишком враждебен к и направлен на воспроизводство новых страданий, не покрывающихся редкими удовольствиями. Средства для получения удовлетворения в современности чаще всего рассчитаны лишь на эфемерную реакцию, притупляющую неудовлетворенность.

Предлагаемый нам досуг не равен свободному времени, поскольку претендует на отчуждение части бытия. В него нередко закладываются моральные оценки привилегированных классов и/или доминирующие идеологические формы. Из-за этого предпосылки для удовольствий в настоящем могут стать источником страданий в будущем. Даже если попытаться оградить индивида от внешнего мира с целью избавления от угроз, то само ограничение может стать источником неудовлетворенности.

Можно ли ожидать невозможность созданной жизни быть причиной страданий других? Далеко не каждый диктатор, угнетатель или убийца происходит из неблагополучной семьи. История человечества знает эксплуататоров, чьи действия являют противоположность ценностей, прививаемых им родителями с детства. Окружающая среда шире семейного дома, оказывая сильнейшее влияние на личность. Под ее воздействием новая жизнь может стать причиной ограничений свобод других, жестокости и страданий. Не существует возможности спрогнозировать каждый шаг потомства. Есть лишь возможность попытаться спланировать отдельные общие события.

Уменьшение страданий может быть достигнуто только в том случае, если существует взаимная договоренность или имеется знание о способах снижения их воздействия. Созидание бытия не отвечает этим признакам. Воспроизводство потомства никогда не осуществляется с целью уменьшения или нейтрализации страданий, потому что бытие еще не совершено. Следовательно, нет никаких нужд

и потребностей. Нет и свободного волеизъявления. Результат созидания жизни приводит к их формированию в течение жизни. Несомненно, это огромный риск, напоминающий игру в рулетку. Шансы на выигрыш есть и можно даже математически высчитать вероятность достижения желаемого результата, но она низка. На сто процентов выигрыш можно обеспечить исключительно через ведение нечестной игры. Мошенничество возможно, но лишь в социально-экономических отношениях. Нельзя купить избавление от глубоких экзистенциальных страданий. Исключается и приобретение вечной жизни для того, кто имеет сильный страх перед небытием.

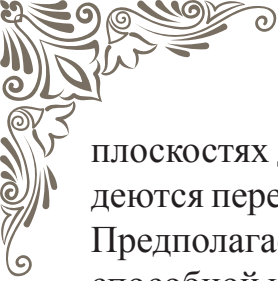
Создание новой жизни всегда обусловлено страданием других. Рост народонаселения требует увеличения потребления. Рост потребления приводит к ухудшению экологии, разрушению природы и эксплуатации животных. Даже в младенчестве индивид приносит страдания окружающему миру, делая это косвенно и отказываясь от взятия на себя ответственности. В каком возрасте он сможет осознать разрушительность удовлетворения своих потребностей, являющих собой источник страданий других живых организмов? Этого может и не произойти, но если осознание придет, то станет неиссякаемым источником самотерзаний до конца жизни.

Размышления о совокупности длительных страданий бытия, перекрывающих эфемерное удовольствие, являющееся источником для неудовлетворенности в будущем, перекликаются с мыслями о недостижимости прогнозирования действий потомства. Страдающий может сам стать причиной для страданий остальных. Можно ли найти в этом хоть немного бескорыстного поведения и отсутствия эгоизма? Вопрос не кажется риторическим, а в его содержании обнаруживается ответ.

Можно ли гарантированно обещать новому бытию отсутствие физических страданий? В современности система здравоохранения позволяет лечить множество заболеваний, считавшихся ранее смертельными. Она дает средства для выявления дефектов и устранения их без боли. Несмотря на это, далеко не все заболевания могут быть вылечены. Не все болезни могут быть диагностированы в зародышевом состоянии. Существует обширный список заболеваний, заставляющих страдать с самого рождения. И даже если патологии будут выявлены еще до появления новой жизни, может отсутствовать возможность их предупреждения. В условиях классового капиталистического общества достижения медицины доступны далеко не всем. Привилегированные классы могут без затруднений обеспечить себе устранение проблемы, являющейся смертельной для непривилегированных классов. Институциональная структура позволяет предоставлять лечение тем, у кого есть средства, но оставляет умирать тех, кто отчуждает результаты своего труда на ее воспроизводство. Элиминирование этого факта при принятии решения о создании бытия может стать источником не только экзистенциальных, но и физических страданий. Корысть созидателей бытия станет предпосылкой для страданий новой жизни.

Можем ли мы понять, каким вырастет индивид? Вопрос лежит в самых разных

плоскостях деятельности и формах мышления. Созидая новую жизнь, родители надеются передать ей собственные качества личности, считающиеся ими «лучшими». Предполагается, что их совокупность может сделать личность нового индивида способной на то, чего не смогли достичь созидатели бытия. Данное предположение показывает несостоятельность из поколения в поколение, иначе мы бы уже давно смогли победить невежество, а нашим умам позавидовали бы выдающиеся интеллектуалы человечества. Представители новых поколений могут не согласиться с этим утверждением и привести в пример регулярное использование современной техники, но это лишь адаптация, не имеющая ничего общего со способностью глубинного научного погружения в предмет, основанного на диалектическом мышлении и использовании структуралистского подхода. Очень сомнительно, что обитателю античной цивилизации пригодились бы умение проводить онлайн оплату ради покупки кружки с печатью «лучший дедушка в мире».

Создание нового бытия не дает никакой гарантии формирования личности, подходящей его родителям. Нет оснований полагать безоговорочное воздействие созидателей, поскольку нахождение в социуме оказывает значительно больше влияния. Воспитание родителей имеет воздействие на их детей, но чаще и сильнее воздействует общество, используя для этого детские сады, школы, учебные заведения и работу. Обязательная образовательная система, основанная на интересах истеблишмента, может вступить в противоречие с ценностями, прививаемыми родителями ребенку. В такой борьбе не каждая семья сможет постоять за свои убеждения. Самовоспроизводящаяся образовательная структура в классовом обществе наносит массированный удар по личности несозревшего индивида, используя его сознание для создания подчиненного локуса контроля. Здесь обнаруживается пассивная форма эксплуатации разума. Нужно быть сильным нигилистом для сдерживания подобной атаки.

Созидание новой жизни требует осмысления ответственности перед ней. Необходимо глубоко погрузиться в размышления о возможных формах восприятия бытия тем, кто еще не существует. Если бытие создается ради собственного удовольствия, то это не взятие на себя ответственности, а безответственность перед новой жизнью и обществом.

Найти и отличить бескорыстное поведение не слишком сложно. Если действие совершается по свободной воле, а в содержании цели отсутствует желание получить выгоду, то такое поведение следует признать бескорыстным. Созидание бытия не подходит под это определение, потому что действие совершается с целью удовлетворения субъективного интереса и без учета нужд будущей жизни. Потребности, желания и волю новой жизни невозможно сформировать заранее, а их выявление может занять не одно десятилетие. Но даже их обнаружение не дает гарантии наделения новой жизни счастьем. Здесь можно узреть противоречие, возникающее в утверждениях, касающихся отсутствия эгоизма при принятии решения о создании бытия.

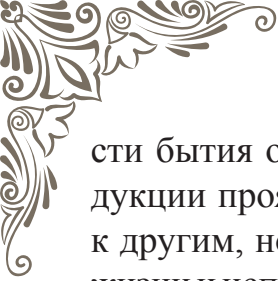
Другой попыткой сокрыть эгоизм может стать заявление о готовности совершения любых действий ради сотворенной жизни. Подобные утверждения имеют обратное содержание, поскольку желание самопожертвования ради обеспечения потомства не может быть бескорыстным. В нем заключается готовность совершения поступков, направленных на поддержку исключительно своего создания, являющегося результатом эгоцентричных действий. Это желание расширяет границы для одного рода, но сужает их для всех остальных. Модель поведения напоминает конфликт художников, желающих выставить свои произведения на лучшие места для всеобщего обозрения. Каждый из них считает, что именно его творения отвечают требованиям окружающих и могут принести пользу. Произведения принадлежат только им, а внутреннее побуждение основано на желании получить привилегированные места для удовлетворения собственных потребностей.

Следует ли подчиняться желанию оставить после себя «наследство», если подобным действием индивид пытается сохранить память о себе? В фильме «Star Trek II: The Wrath of Khan» (1982) доктор Леонард «Боунс» МакКой, размышляя о гибели товарища, пришел к выводу об окончательной смерти только после того, как умершего перестают помнить. Воспроизводство потомства напоминает эти мысли, но в масштабах целой планеты. Это похоже на попытку удержаться за жизнь, испытывая страх к небытию. Создание бытия становится способом оказывать влияние на других после окончания существования.

Классовый антагонизм, заложенный в капитализм, предполагает обусловленность жизни подчиняющихся классов количественному показателю народонаселения. Отсутствие сдерживания демографического прироста ведет к систематическому снижению значимости бытия тех, кто вынужден отчуждать результаты труда. Доминирующая социально-экономическая парадигма предполагает возможность замены одной жизни десятками других. Поэтому созидание бытия наделяется субъективной значимостью для продолжателей потомства, но становится незначимым для классовых эксплуатационных институтов, готовых переработать новую жизнь под свои нужды или избавиться от нее. В результат уже заложена предпосылка наделения будущего субъекта квазизначимостью. Из этого вытекает чувство потери содержания бытия и опыт страданий. Следует ли обрекать того, кто еще даже не существует, на подобное испытание? Попытки достижения иного результата могут выглядеть эмпирическим экспериментом с высоким уровнем неопределенности в процессе и следствии.

При капитализме качество существования подчиняющихся классов имеет прямую обусловленность количественными показателями. Чем меньше индивидов, тем больше они обретают ценность друг для друга. Это может стать причиной для ослабления классовых антагонизмов и формирования новой социально-экономической системы, предполагающей важность природы, животных и индивидов.

Происходящий рост народонаселения приводит к обесценению жизни, поэтому воспроизводство потомства следует рассматривать вкладом в разрушение значимо-

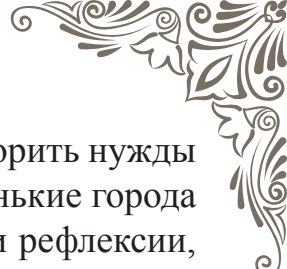
сти бытия окружающих. Созидая бытие из небытия, автор биологической репродукции проявляет корыстный и разрушительный эгоизм не только по отношению к другим, но и новой жизни. Созданное бытие становится причиной обесценения жизни и испытывает данное следствие на себе. Родитель по собственной инициативе возлагает на потомство ответственность за свои действия, не слишком утруждаясь размышлениями о последствиях, нередко приводящих новое бытие к состоянию глубокого экзистенциального кризиса.

Нуждается ли планета в приросте населения? Доступные ресурсы сильно ограничены и далеко не все из них могут быть возобновлены. Готовы ли вы взять на себя ответственность за то, что потомки будут испытывать нехватку чистой воды или свежего воздуха? Возможно, все эти проблемы затронут человечество через много поколений, но когда-нибудь они обнаружат себя, и дальние родственники ощутят их на себе в полной мере. Индивиды, выбирающие воспроизводство потомства, самовольно перекладывают эту ответственность на других. В указанной проблеме видны следы биологической бюрократии и родительского бюрократизма.

Нуждается ли в нас природный мир? Когда-то человек был частью природы и рассматривал ее домом, но выбрал отчуждение. Со временем эта связь стала отрицаться и даже порицаться, став источником неудобств и страданий. Самоотчуждение от природы привело к попыткам ее захвата и использования себе на благо. У нас лишь создается иллюзия ее полного подчинения. Человеку удалось использовать для себя ее законы и провести масштабную захватническую атаку там, где она предпочитает давать возможности, оставаясь наблюдателем, не отбиваясь и не причиняя вреда своим обидчикам. Наша популяция вышла из-под контроля и практически не подвергается регуляции. Человечество представляет угрозу для экологической системы планеты. Наши прямые или косвенные действия ведут к вымиранию редких растений. Из-за нас жестоко эксплуатируются животные. Иллюзорное признание самоценности бытия дает мнимое позволение становиться источником разрушений.

Планета с трудом выдерживает постоянно увеличивающуюся антропогенную нагрузку, а биосфера прекрасно справится без нас. Из этого выводится значимость выявления не только наших потребностей, но и потребностей природы. Нуждается ли Земля в притоке новых людей? Вопрос, подлежащий глубокому обдумыванию каждым перед отчаянным шагом.

Существует ли необходимость заселения новых территорий? Хотя вопрос и появляется достаточно часто, следует понимать его содержание, скрытое в урбанизации и ее противоречиях. Большие города становятся еще крупнее, а небольшие территориальные образования стремительно прекращают активность. Появление новых индивидов не решит эту проблему, а усугубит. Причина в возможностях, предлагаемых мегаполисами. В крупных городах заработная плата выше, чем на аналогичных должностях в провинции. В густонаселенных социальных образованиях можно быстрее подняться по карьерной лестнице и обратить на себя внима-

ние. Они отличаются сложной инфраструктурой и способны удовлетворить нужды индивида, имеющего потребность в регулярной коммуникации. Маленькие города и сельскую жизнь выбирают индивиды, склонные к тишине, покою и рефлексии, отрицательно оценивающие суету и безумный ритм жизни, видя самоценность бытия в созерцании и размышлениях. Но такой выбор делают немногие, поэтому рост населения ведет к усилению урбанизации и вымиранию загородных поселений.

Существует ли необходимость в новой жизни для поддержания социально-экономической активности? Эта проблема заключена в количественных и качественных свойствах. Рассматривая качественную сторону, важно признать низкую вероятность оказаться без работы для исполнителя, имеющего хорошее самообразование. Но бывают исключения, когда такие трудящиеся не могут найти возможность приложить знания и умения. С другой стороны, рост количественного показателя усиливает процессы конкурентной борьбы за одно лишь право работать и отчуждать результаты своей деятельности в пользу внешней силы. Конкуренция противоположна социалистическому соревнованию и оказывает отрицательное воздействие на класс трудящихся. Рост заявок на вакансии позволяет заказчикам услуг увеличивать требования к потенциальным работникам и уменьшать гарантии, включая заработную плату. Один класс выигрывает там, где проигрывает другой. Так есть ли предпосылка усиливать этот антагонизм?

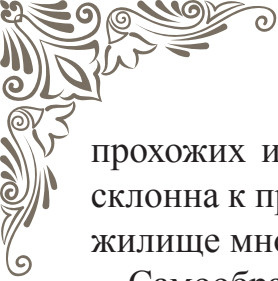
Мир слишком опасен для живого существа. Каждый день нам приходится удовлетворять биологические потребности, сталкиваться с вызовами несправедливой социально-экономической системы, экзистенциальными кризисами, страданиями из-за иллюзорных или завышенных ожиданий. Наше восприятие мира асимметрично, поскольку неудовлетворенность влияет на личность сильнее, чем редкие удовольствия.

Мизантропия, описываемая отрицанием ценности человеческой жизни, в этих условиях кажется фундаментом гуманизма. Антинатализм, основывающийся на отрицании необходимости воспроизводства потомства, становится фундаментом ответственности и бескорыстия, демонстрируя отсутствие склонности к неадекватным эгоистичным моделям поведения. Мизантроп оказывается филантропом, а антинаталист воспринимается величайшим гуманистом.

Предпосылкой страданий современного человека является сам человек. Индивид страдает сам и может причинить страдания окружающим. Если созидание бытия есть предпосылка для такого эмоционального реагирования, то отказ от воспроизводства оставляет несуществующую жизнь в небытии, не вынуждая ее страдать и не причиняя страдания окружающим.

Не существует проблемы там, где нет индивидов. Отсутствие влияния человека дает шанс природе вернуть безграничное управление. В своем естестве она не позволяет тунеядцам отчуждать добавочную стоимость у трудящихся и не крадет собственность, называя ее частной. Она не придумывает принудительный труд. Природа не загрязняет сама себя и не убивает ради удовольствия. Она не грабит

прохожих и не ворует ради нежелания трудиться. Природа не субъективна и не склонна к предвзятости. Она выступает нам домом. Но человек сам строит в своем жилище множество пустующих комнат и не впускает в них никого.

Самообразование способно помочь нам в понимании действительной необходимости воспроизводства потомства. Рефлексия и критическое отношение к окружающему миру делают человека созерцателем бытия. Появляется возможность наблюдать за жизнью со стороны, глубоко погружаясь в обсуждаемый предмет. Этого вполне достаточно для сравнения длительности страданий, вызываемых самим фактом своего существования, с эфемерным чувством удовлетворения, нередко иллюзорным и являющимся предпосылкой к новой цепочке страданий.

Если почва пессимизма лежит в бытии, то отказ от воспроизводства потомства представляет акт проявления отсутствия эгоизма. Созидая жизнь ради обречения ее на уныние, индивид увеличивает скорбь. По этой причине следует воспринимать увеличение народонаселения способом умножения страданий.

Фридрих Ницше, размышляя над выбором между биологическим и интеллектуальным потомством, рекомендовал сделать выбор в пользу последнего. По его мнению, небιологическое продолжение своей личности не нуждается в воспитании, постоянной опеке и заботе¹²⁸. Появившись однажды, такое потомство может обрести бессмертие. Основное преимущество подобного продолжения заключено в сохранении личности, а не в косвенных оценках и смутных воспоминаниях, передающихся через созидание нового бытия.

Отчуждение человека от природы

Что делает человека человеком? Много ли существует отличий между нами и природным миром? Эти вопросы нередко встречается в литературе самых разных жанров, затрагивая философские размышления интеллектуалов и художественные авторские вымыслы.

В трактате «Или — или» Серен Кьеркегор назвал человека хищным животным¹²⁹. Метафорически он предлагал убедиться в этом самостоятельно через изучение наших клыков. Разговоры об обществе и товариществе, по его мысли, есть «унаследованное лицемерие» и «утонченная хитрость».

В произведении «Афоризмы житейской мудрости» Артур Шопенгауэр нашел основу человеческого существа и счастья в природе и животном происхождении¹³⁰.

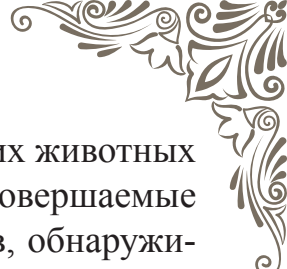
В труде «По ту сторону добра и зла» Фридрих Ницше определил человека изол-

128 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 08. М., 2008. С. 397.

129 Серен Кьеркегор. Или — или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб., 2011. С 313.

130 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 2001. С. 261.

гавшимся и искусственным животным, имеющим опасность для других животных из-за своей хитрости, но не силы¹³¹. По мнению Ницше, действия, совершаемые индивидами, склонными к моральной оценке собственных поступков, обнаруживаются и у животных¹³². Предпосылки поведения животных не попадают в моральную плоскость, поскольку через мораль человек пытается отделить себя от природы и животного естества. Для Ницше моральное существо есть результат фантазии, поэтому он призывал учиться у животных и растений «процветанию»¹³³, а не заниматься «чванством» перед природой¹³⁴. Превращение природы в средство Ницше видел в научных областях, дающих возможность исследователям рассматривать окружающую среду материалом для эксплуатации¹³⁵.

По утверждению Фридриха Энгельса, человек не способен властвовать над природным миром. Для него индивиды отличаются от остальных живых существ умением познавать и применять законы природы в своих интересах¹³⁶.

Для Михаила Бакунина отчуждение человека от природы находится в том, что природа не призывала никого к доминированию и не назначала угнетателей на их места. Она не наделяла привилегиями и не позволяла одним эксплуатировать других. Природа не была причиной, сделавшей человека слугой и средством для достижения чьих-то целей¹³⁷.

Михаил Шахнович, указывая на экологические проблемы, говорил о важности бережного отношения к природе, поскольку от нас зависит, «станет ли Земля цветущим садом или превратится в выжженную пустыню»¹³⁸. Для него «общество есть часть природы»¹³⁹.

Мы научились применять относительно сложные средства для изменения быта, а лингвистические особенности помогают нам доносить почти любые мысли до собеседника, поэтому умение пользоваться инструментами и склонность к лингвистическому восприятию можно признать наиболее значительными отличиями человека от остальных живых существ. Но и животные способны применять простые средства для достижения своих целей и использовать знаковые системы для обмена сообщениями, поэтому различие находится в плоскости сложности восприятия, а не в содержании.

Человек нередко отделяет себя от природы и животных через моральные оценки, но Ницше и Кропоткин обнаруживали совершение одинаковых поступков и людь-

131 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 218.

132 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 09. М., 2013. С. 257.

133 Там же. С. 308.

134 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. М., 2010. С. 81.

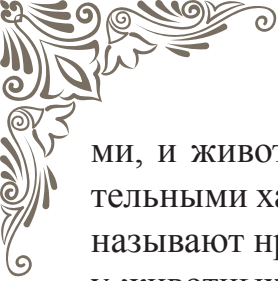
135 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 11. М., 2012. С. 182.

136 Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. М., Том 20. 1961. С. 496.

137 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 94.

138 Михаил Иосифович Шахнович. Библия в современной борьбе идей. Л., 1988. С. 123.

139 Там же. С. 129

ми, и животными. Тогда почему мораль и нравственность признаются исключительными характеристиками человечества? Если индивид помогает другому, то его называют нравственным, добродетельным и морально высоким, но взаимопомощь у животных не подвергается подобной оценке. Существует множество примеров, когда животные оказывают друг другу поддержку. Они могут быть из разных стай и даже принадлежать к разным видам, но их поступки не получают нравственных и моральных оценок. Причиной тому — эгоизм человека, не позволяющий ему воспринимать нравственность и мораль у животных. Люди сами выдумали себе отличие, чтобы тысячелетиями ставить себя выше всех остальных видов живых существ на планете. В таком мышлении и поведении вскрываются противоречия. Если животные и люди в похожих ситуациях ведут себя одинаково, то следует или принять, что те и другие имеют мораль и нравственность, или необходимо отказаться от этих категорий, признавая их полную несостоятельность и иллюзорность.

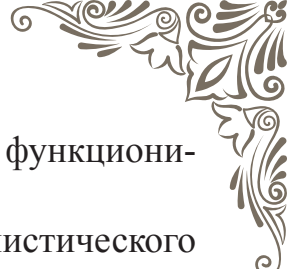
Когда-то человек по собственной воле решил уничтожить в себе природное начало, используя для этого усложнение применяемых инструментов и расширив лингвистический диапазон. Результатом стало появление цивилизации, представляющей собой результат отчуждения человека от природы. Внедрив свойства цивилизации в повседневную жизнедеятельность, сделав ее неотъемлемой частью бытия, были разрушены важные связи, отвечавшие за подлинную сущность со своим естеством.

О сострадании к животным

Следует ли нам проявлять больше сострадания к животным? Вопрос, кажущийся одним из наиболее значимых. Трудно отрицать выход человека из природного мира, а нас вполне можно охарактеризовать существами, выбравшими путь отчуждения от природы и животных. Сейчас мы чуть качественнее используем средства для труда и имеем обширные лингвистические построения, позволяющие углублять процессы коммуникации. Все это дает человечеству предпосылки ставить себя над остальными живыми существами, создавая вертикальную иерархию, переходящую на многие сферы деятельности.

Выйдя из природного мира, человек совершенно забыл о корнях. Природа и животные стали рассматриваться им средством для достижения интересов. Отчуждение от истинного происхождения сделало человека существом, считающим свое положение привилегированным исключительно через принадлежность к цивилизации. В нынешнее время принято воспринимать природное начало чем-то постыдным, поэтому индивид всячески старается показать цивилизованность и отдаленность от того, чем его когда-то наделило естество. Подобное мышление кажется больше вредоносным, чем полезным, напоминая самовольную попытку

избавиться от жизненно важного органа, отвечающего за полноценное функционирование всего организма.

Отчуждение от природы похоже на сущность классового капиталистического общества, где непривилегированные трудящиеся обретают бытие средства для достижения чьих-то целей. Отказываясь принимать значимость животных и природы, человек сам становится эксплуататором.

Если мы признаем несправедливым классовые отношения, построенные на фундаменте капитализма, то нам следует признать пренебрежение к животным аналогичной формой угнетения. В этом понимании может крыться преодоление многих социальных и экзистенциальных проблем. Признав в животных равных себе, мы сможем осознать важность равноправия, действительной свободы и понять необходимость бережного отношения к природе.

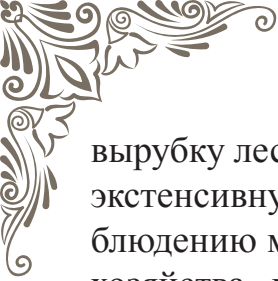
Нередко животные оказываются бесправными из-за того, что человек якобы превосходит их достижениями и умом. Действительно ли это так? История, несомненно, знает немало гениев, чей размах мысли способен поразить воображение. Но как можно определить тех, кто от рождения до прекращения существования живет в плену у своего невежества? Электронные устройства и интернет дали человечеству средства для стремительного умственного продвижения через доступ к поразительному количеству знаний, накопленных с античности, но эти инструменты относительно часто используются для развлечений, приводящих к фрагментации личности.

Если бы животные научились полностью понимать любые наши лингвистические средства, то смогли бы мы объяснить им необходимость регулярного прозябания по 12 часов в сутки на работе, вызывающей отвращение к себе и окружающему миру, чтобы иметь возможность накормить себя? Смогли бы они понять абсурдность социально-экономической системы, позволяющей одним экспроприировать землю, чтобы потом тунеядствовать и разрешать трудиться на этой земле другим индивидам, вынужденным платить лишь за одно право пользования и отчуждать предпосылки, процесс и результаты труда в пользу нетрудящихся? Можно ли как-то доходчиво объяснить животным важность бессмысленной офисной работы, заполнения бесконечных отчетов о каждом своем действии и значимость ношения с собой удостоверений, подтверждающих сам факт нашего социального бытия?

Отчужденный наемный трудящийся работает лишь для получения эквивалента, дающего доступ к благам или их имитационным формам. Для этого приходится выполнять множество лишних действий, забирающих время, здоровье и жизни. Животные берут благо тогда, когда им это необходимо. Между их волей и результатом труда нет посредников. Между волей человека и ее исполнением всегда находится множество третьих лиц, средств и сложных обходных путей.

Животные не занимаются разрушением природы, выступающей им средой обитания и домом. Современный человек выбирает путь прямой или косвенной деструкции окружающего мира. Цивилизация несет ответственность за массовую

вырубку лесов, уничтожение редкой флоры и фауны, осушение пресных водоемов, экстенсивную вредоносную эксплуатацию почвы. Контраргументом к этому наблюдению могут стать рассуждения с примерами интенсивных методов сельского хозяйства, массового выращивания деревьев, искусственного очищения воды и попыток восстановления умирающих видов растений и животных. Но основа для побуждения к созиданию обнаруживает себя в предшествовавших этим изменениям разрушениях.

Человек все еще продолжает разрушать и загрязнять природу, в то время как животные берут лишь самое необходимое. Стараясь взять как можно больше, человек взывает к своему неадекватному эгоизму и теряет способность разумно воспринимать реальность. Мы непрерывно ломаем крышу над головой, стены и фундамент собственного дома. Когда станет поздно, то кто-нибудь, возможно, сможет предложить новый путь. Но и индивид, склонный к азарту, всегда думает, что вот-вот сможет отыгаться после оглушительного проигрыша. И когда достигается точка невозврата, трагедия становится неизбежной. Следует ли нам доводить ситуацию до крайности?

У нас не получается объяснять друг другу необходимость существования несправедливых форм социально-экономических отношений, основанных на эксплуатации, угнетении и отчуждении. Мы не можем понять значимость появления многих бессмысленных товаров, наполняющих рынки. Мы не понимаем причину наших экзистенциальных страданий и пытаемся искать ответы там, где обретаем еще больше заблуждений.

Возможность адекватного объяснения животным многого из того, что мы считаем достижениями цивилизации, стремится к нулю. И причина кроется не в умственных недостатках животных, а в детерминированности нашего сознания.

В произведении «Утренняя заря» Фридрих Ницше обнаружил много общего между человеком и животным. По его мнению, «с животным человека равняет даже стремление к истине»¹⁴⁰. Это побуждение у Ницше принимает форму склонности к обретению безопасности и проявляется в умении животных адаптироваться к меняющимся условиям. Аналогично поступает и человек, оценивая окружающую среду и подстраиваясь под ее внешние регуляторы.

Так ли велика современная цивилизация? Стала ли наша жизнь наполнена смыслом, если сравнивать ее особенности с бытом античных или пещерных людей? Мы все еще обитаем в платоновской пещере, увеличившейся в размерах и уже достигнувшей планетарных масштабов. Эта пещера сохранила содержание, но обрела новые формы, поэтому у нас не получается перенести мыслительную аллегорию на собственное бытие.

Отказ от неадекватного эгоизма, критический взгляд на наши жизни и на достижения цивилизации позволят понять многие из наших заблуждений. Одно из таких

140 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 03. М., 2014. С. 34.

ошибочных представлений заключено в отказе от признания прав у остальных живых существ, поскольку мы сами являем собой лишь способ социально-экономического бытия, отчужденного от природных и животных основ через средства и лингвистические формы. Если мы принимаем права окружающих индивидов, то должны согласиться и с правами животных. Осознание нашей подлинной сущности станет путем к разрешению относительно большого количества накопившихся из-за нас проблем.

О прогрессе

Существует ли прогресс? Или термин «прогресс» являет собой лишь лингвистическое средство, необходимое для оправдания разрушительных действий? Ответы на эти вопросы имеют сильное расхождение, завися от классовой принадлежности, особенностей воспитания, субъективных взглядов на мир и свое место в нем.

Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) сомневался в существовании прогресса, видя в нем мираж, дискредитирующий «притязания на изощренность ума»¹⁴¹. Прогресс он обнаруживал только в качественном улучшении гигиены, отрицая его необходимость в иных сферах. «Кто сможет искренне сделать выбор между каменным веком и эпохой современной техники?»¹⁴², — задавая себе этот вопрос, он определял научные открытия совокупностью действий, «пользующихся дурной славой»¹⁴³. В идее прогресса Сиоран видел превращение человека в «троглодита»¹⁴⁴.

Функционеры предпочитают утвердительно отвечать на вопрос о существовании прогресса, не имея ни капли сомнений в своих словах. Они отказываются от поиска противоречий в содержании термина, поскольку сами хотят быть «прогрессивными», идущими в ногу со временем или опережающими всех остальных. В действительности любые заявления о прогрессе от них становятся попыткой морального оправдания субъективных деяний.

Противоречие, обнаруживаемое в изучении содержания термина «прогресс», заключается в поразительном классовом расслоении. Фридрих Энгельс видел новую ступень движения человечества в появлении производительных сил, способных обеспечить удовлетворение самых необходимых нужд. Но производительность сил должна быть заложена в идею всеобщего равенства. Страны, нередко называемые «передовыми», уже обладают такими возможностями, но они не используются для нейтрализации классовых антагонизмов. Истеблишмент продолжает беспорядочно накапливать материальные и нематериальные ценности, в то время как беднейшие

141 Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) . Искушение существованием. М., 2003. С. 140.

142 Там же.

143 Там же.

144 Там же. С. 141.

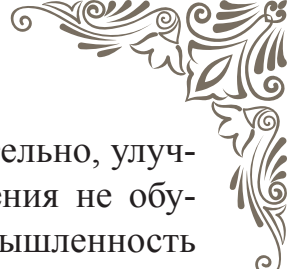
слои населения закрепощаются и обедняются.

Быт современности может быть в чем-то комфортнее, чем условия существования человека, жившего много веков назад. Но на каждый аргумент можно обнаружить диалектический контраргумент. Современный человек имеет доступ к относительно большому количеству пищи, продаваемой в супермаркетах и гипермаркетах. Разнообразие способно поразить даже самого заядлого гурмана, но полезность многих продуктов и их качество ставятся под сомнение. Все чаще покупатели отдают предпочтение продуктам в специализированных торговых точках, где реализуют «здоровую пищу» или «фермерские продукты». Подобная пища обходится значительно дороже, чем та, что продается в обычных продуктовых магазинах. Абсурд ситуации заключен в том, что за здоровую пищу теперь приходится платить больше, а ее поиски могут стать настоящим испытанием. Сталкивались ли с подобными проблемами античные греки или римляне? Была ли в древности массовая искусственная модификация, предназначенная для ускорения роста пищи, оказывающая разрушительное воздействие на ее качество? Получается, современный человек, считающийся гражданином «прогрессивной цивилизации», больше не может регулярно питаться здоровой пищей, как это делали в античности. Количество стало преобладать над качеством. Это свойство не прогресса, а регресса и деградации.

Рост потребления, обусловленный постоянным увеличением народонаселения, требует роста производительности. Предпосылка формирования потребления становится надличностным образованием, оказываясь выше ценностей, присущих если не всем, то большинству. Здоровье и благосостояние индивидов уже мало кого волнуют. Производители идут на любые ухищрения с целью повышения прибыльности. В современной литературе этот процесс принято называть «рационализмом» и «оптимизацией». Шагая в ногу с иллюзорным прогрессом, рационализм и оптимизация выпадают из реальности. Производители пищи считают рациональным лишь рост прибыли, а средства их не интересуют. Отражение на покупателях, приобретающих искусственную и вредную продукцию, в расчет не принимается. В показатели рационализма входит не удовлетворение двух сторон, а наращивание капитала продавца и/или производителя.

Капиталистов редко заботят проблемы здоровья конечного покупателя и разрушения природы. Их цель заключена в прибыли. Именно она признается рациональной, а средства для ее достижения становятся производственной «оптимизацией». Из мыслительной цепочки выпадает осознание капиталистами сути денег как средства для достижения цели. Цель подменяет средство. Здесь можно усмотреть ограничение мышления. Трудно представить доисторического человека, бесконечно накапливающего примитивные орудия из-за своего неадекватного восприятия средства и цели.

В странах, определяемых «передовыми», технологии позволяют освободить индивидов от принудительного труда, поскольку внушительная часть производства перекладывается на автоматизацию. Но труд все еще остается принудительным,

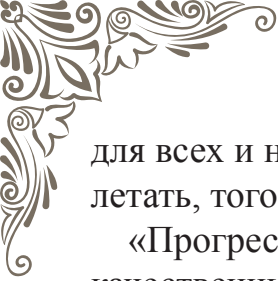
независимо от технических и технологических достижений. Следовательно, улучшение социально-экономического положения большей части населения не обусловлено научно-техническими достижениями и их влиянием на промышленность и торговлю. Причина кроется в отсутствии свободы. Михаил Бакунин понимал это и заявлял о важности элиминации институтов, делающих труд принудительным¹⁴⁵.

Труд сохраняет положение подчиняющегося власти капитала и собственности, а свобода дана лишь небольшой горстке индивидов, использующих ее в ущерб большинству. Результатом воспроизводства такой институциональной структуры всегда становится увеличение состояния привилегированных слоев населения с одновременным разрастанием нищеты среди трудящихся.

В программах функционеров можно увидеть обещания увеличить количество рабочих мест. Подобные утверждения нередко оказываются основой для их кампаний. Но зачем нужны новые рабочие места, если производство механизмуется и автоматизируется? Автоматизация дает возможность освободить человека и побудить его к тому, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс называли творческим трудом. Полет мысли человека уничтожается навязыванием ему необходимости поиска новой работы, а потеря рабочего места из-за автоматизации воспринимается им в форме страдания. Функционер, используя страх перед реальностью и неопределенностью будущего, применяет отточенные тысячелетиями методики, позволяющие заклеить неработающего тунейдцем, обещая ему путь исправления и помощи, но только в том случае, если он откажется от своей воли и согласится быть в полном подчинении. После этого угнетаемый обретает новое рабочее место, но суть эксплуатации не меняется. Подчиненному приходится отчуждать добавочную стоимость в пользу нанимателя, хотя автоматизация должна была дать ему средство для свободного труда. Цель автоматизации при капитализме находится не в улучшении положения трудящихся, а в ухудшении, делая их бытие невыносимым. В условиях классового общества автоматизация сама имеет классовое содержание и подчинена нуждам истеблишмента.

Научно-технические достижения позволили современному человеку получить доступ к относительно большому количеству знаний, накопленных со времен первой фиксации наблюдений. Сейчас мы ограничены в своих поисках значительно меньше, чем ранее. Еще несколько десятилетий назад библиотеки были пристанищем для ищущих знаний, но теперь интернет заменяет миллионы научно-образовательных учреждений, вмещая в себя поразительные объемы данных. Несмотря на это, средства для доступа к знаниям стали амбивалентными. С одной стороны, искатели знаний избавляются от невежества и демонстрируют уверенный рост знаний, с другой — склонные к тунейдству и лени становятся еще более ленивыми и апатичными. Рост одних сопровождается падением других. Это напоминает содержание слов из произведения Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга

145 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 171.

для всех и ни для кого»: «что падает, то нужно еще толкнуть... кого вы не научите летать, того научите — быстрее падать»¹⁴⁶.

«Прогрессивное» образование стало ориентировано на количественные, а не качественные показатели. Лучшим считается тот, кто набирает больше баллов. Нацеливая учащегося исключительно на количество, элиминируется побуждение к критическому восприятию изучаемого предмета. Теряется склонность к познавательной деятельности. В прошлом человек смог построить цивилизацию через познание, но сейчас ему приходится думать исключительно о проходных баллах, а не о своем вкладе в предмет изучения. Здесь можно обнаружить не только индивидуально-познавательные, но и общественные потери. В зачатке уничтожается бескорыстное желание знать и навязывается побуждение к освоению средств, дающих для учащегося лучший количественный результат. Система знаков для записи значений чисел становится над человеком. Теряется понимание средства и цели. В такой институциональной структуре обучающийся обретает бытие способа описания количественных показателей и его составной частью. В итоге реализуется массовое насаждение невежества.

Для Ницше «экзамены с их требованиями, предъявляемыми к массовому интеллекту, — средство этической обработки массы с целью подготовки человека к будущему служению государству. Тот, кто привыкает к покорности, уже отмечен»¹⁴⁷. «Ученым может стать каждый, образованным — только немногие. Всеобщее распространение учености — старинная цель образования. Довести до учености максимально больше людей — издавна высшая задача воспитания. Жизнь, превращенная в рабыню науки»¹⁴⁸.

Вскрывая широкое распространение предрассудков в социальных науках, воспроизводящееся из поколения в поколение, Петр Кропоткин призывал обнаруживать идеи, распространяемые с целью обмана и дезорганизации народа¹⁴⁹.

Невежество имеет цену, но исключительно в абстракциях. Оно дорого обходится своему носителю, но дешево покупается остальными. Глупец с легкостью теряет время и труд из-за плохого образования и нежелания вдаваться в детали. Человека, испытывающего тягу к самообразованию, провести значительно сложнее, поэтому мораль и переходит из плоскости неформальных абстракций в институциональную структуру, регулирующую жизнь от рождения до смерти и сдерживающую через ограничения склонных к созиданию и глубоким размышлениям индивидов.

146 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 04. М., 2007. С. 213.

147 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 07. М., 2007. С. 345.

148 Там же. С. 344.

149 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 170.

Долг, честь и страдания

Долг

Классовый антагонизм конфликтующих форм морали можно обнаружить в динамике изменений содержания понятий «долг», «честь» и «страдания».

При капитализме для привилегированных классов сущность понятия «долг» субъективна и основывается на их желании выстраивать отношения доминирования и подчинения. «Долг» для истеблишмента есть некий внутренний зов, направляющий к эксплуатации и проявляющийся в управлении. Для привилегированных классов между подчинением других и «долгом» находится знак равенства.

Воспринимая управляемых необразованными и нуждающимися в помощи, доминирующие классы самостоятельно берут на себя всю полноту руководства. Поскольку понятие «долг» имеет классовое содержание, то и свойства термина могут меняться, завися от классовых интересов. Если привилегированные классы «должны» подчинять, то все остальные полагаются ими «должниками», принимающими на себя односторонние обязательства, сформированные истеблишментом и обслуживающим их аппаратом. Эксплуатируемые классы «должны» подстраиваться под навязанный им образ мысли, потому что инакомыслие пресекается в зародышевом состоянии.

С целью создания иллюзии о необходимости наделения термина «долг» антагонистическим содержанием, обусловленным классовыми интересами, обслуживающим персоналом истеблишмента вводятся идеалистические оправдания, использующиеся для нейтрализации общественной мобильности. Понятия, имеющие классовую сущность, становятся способом формирования социального дарвинизма.

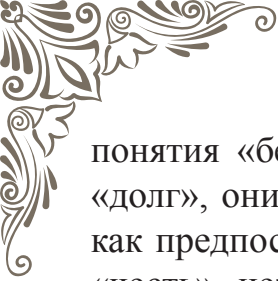
Использование классовой терминологии для самооправдания позволяет истеблишменту называть свое положение легитимным, независимо от источников происхождения и средств обретения. В дальнейшем классовый понятийный аппарат оказывается слугой бюрократии, давая возможность привилегированным классам отказываться от несения ответственности, перекладывая риски на классы, находящиеся в подчинении. Проникая во многие области деятельности, бюрократия приводит к бюрократизму, еще больше стратифицируя общество.

Честь

Содержание термина «честь» обусловлено классовыми интересами и местом индивида в социально-экономических отношениях. Сущность понятия подвержена динамике и может меняться во времени и пространстве. «Честь» вытекает из понятия «долг» и является его продолжением, но не результатом, а лишь следующим звеном в цепочке действий, представляющих классовый процесс.

Поскольку приемлемые модели поведения исходят от истеблишмента, то доминирующие классы не могут подстроить сами себя под границы определения

понятия «бесчестие». Видя в «чести» основание, заложенное ими в категорию «долг», они используют ту же формальную риторику, наделяющую их «честью» как предпосылкой к эксплуатации. Истеблишмент находится в границах понятия «честь», независимо от действий, потому что привилегированные классы могут сужать или расширять ограничения, подстраивая их под свои оценочные суждения. Но для подчиняемых классов границы точно обозначены и не имеют склонности к расширению.

Попытки представителей непривилегированных классов избежать ответственности или уйти от проблем могут признаваться «бесчестием», в то время как доминирующие классы способны позволить себе подобное поведение, поскольку их «честь» находится в другой плоскости и обусловлена собственными интересами.

Чем дольше воспроизводится восприятие окружающей действительности, зависящее исключительно от эксплуатационных форм оценочных суждений истеблишмента, тем глубже укореняются социальные предрассудки. В произведении «Афоризмы житейской мудрости» Артур Шопенгауэр описал необходимость избавления от таких заблуждений. В своем теоретическом труде он обнаружил зависимость удовлетворения индивида от животного естества. Для Шопенгауэра благо находится в самом значимом для бытия — здоровье¹⁵⁰. Средства к существованию он считал нужными, но определял вторичными по отношению к важнейшему условию жизни. Основываясь на этих рассуждениях, Шопенгауэр пришел к отрицанию поверхностных суждений о рангах, славе и внешних оценках, внедряющих в общество новые заблуждения, мешающие выявить наиболее необходимые блага.

Счастье Шопенгауэр видел в понимании бытия через свое сознание, а не во мнении окружающих. Субъективное реальное состояние у Шопенгауэра значимее моральных оценочных суждений других индивидов, поэтому он высмеивал тех, кто ставит чужие мнения выше собственного благосостояния или бытия.

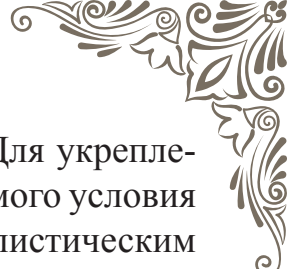
Страдания

Результат исполнения «долга» и подчинения поведения «чести» вскрывается в содержании термина «страдание». В капиталистических социально-экономических отношениях «страдание» выступает не только субъективным, но и амбивалентно-антагонистическим понятием. Истеблишмент обнаруживает свои «страдания» в привилегированном положении. Эта фантомная предпосылка позволяет им накапливать блага сверх меры, перераспределяя ресурсы в собственных интересах. Увеличение благосостояния мыслится ими компенсацией за «страдания». Для управляемых классов определяется иная форма страданий. Страдания трудящихся «вознаграждаются» низкой заработной платой, а отчуждаемая добавочная стоимость выступает «наградой» за подчинение истеблишменту.

Страдания от принудительного труда выдаются за «долг» производству, подвер-

150 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 2001. С. 261.

гаясь постоянному содержательному расширению внешних границ. Для укрепления этого положения добавляется объяснение страданий как необходимого условия бытия, выступающего частью «долгового обязательства» перед идеалистическими категориями. Использование размытой и противоречивой терминологии открывает пространство для внедрения иллюзорного «счастливого» будущего, требующего принятия на себя смирения ради «благой цели». Подмена предпосылки заключена в сокрытии действительной причины страданий и определении их как основания возможного получения награды в будущем. Идеализм этой лингвистической конструкции заключен в отказе от построения комфортных условий для подчиняющихся классов с целью созидания благосостояния истеблишмента.

Для смягчения социальных антагонизмов доминирующие классы активно используют идеалистические построения, позволяющие им навязать остальным классам страдание от принудительного труда условием для счастья. Аналогичные воззрения применяются для оправдания неравномерного перераспределения материальных ценностей и их отчуждения. Мораль используется ими средством закрепления ограничений и разрушения побуждений к свободному волеизъявлению. Моральные оценки, выступающие средством, выдаются за самоцель. Страх становится основой закрепощения и способом навязывания антагонистического содержания оценочных суждений. Использование страха в связке с моралью ограничивает не только поведение, но и склонность к критическому мышлению. Ницше признавал лицемерной мораль, направленную на осуждение разнообразия чувств¹⁵¹. Эту мысль он оформил в набросках летом 1875 года. В них он показал упадок морали как результат отсутствия внимания к различию между причинами поведения и предпосылками взаимоотношений.

Категории «долг», «честь» и «страдание» приручают и умирят. Самоограничение и самоотчуждение являют невежество, оказывающееся следствием нейтрализации мышления. Созидаются покорные индивиды, утрачивающие склонность к самостоятельным умозаключениям. Все это подается «стремлением к чистоте в морали», но обусловленным конкретными экономическими интересами. Следовательно, используя лингвистические построения Ницше, записанные им в черновике в сентябре 1876 года, можно выявить «чистоту» на словах, сокрытую «нечистотой» в помыслах и деяниях¹⁵². Может ли тогда быть мораль «чистой»?

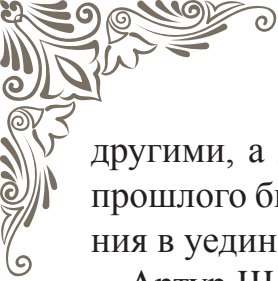
Об одиночестве

Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) видел в одиноких индивидах не тех, кто покинут

151 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. М., Том 08. 2008. С. 210.

152 Там же. С. 390.

другими, а личностей, страдающих среди окружающих¹⁵³. Для него отшельники прошлого были счастливы, потому что умели обнаруживать источник удовлетворения в уединении и возможности общаться только с самим собой.

Артур Шопенгауэр замечал в одиночестве силу для обладающих глубоким внутренним миром. Для него человек, склонный к самообразованию, может получать удовлетворение от процесса мышления, тогда как необразованные не способны испытать ничего подобного¹⁵⁴. Первые, по его мнению, стремятся к освобождению своего существования от тревог и отчаяния, направляя взор в сторону покоя и досуга. Эти предпосылки оказываются основой для поиска одиночества. У Шопенгауэра: «чем больше кто имеет в себе самом, тем меньше нуждается он во внешнем и тем меньше также имеют для него значение остальные люди»¹⁵⁵. Поэтому для него склонность к необщительности обусловлена умом, а общительность является следствием посредственности¹⁵⁶.

Поскольку взаимодействие предполагает социальную адаптацию, то в прямой коммуникации между индивидами Шопенгауэр видел предпосылку к обезличенности. Отказ от одиночества для него равносителен отказу от свободы. В его теоретических построениях принуждение становится свойством общества и предпосылкой для принесения в жертву своей индивидуальности. Чем сильнее индивидуальность, тем тяжелее человек переживает адаптацию. Самоценность личности определяется через зависимость от побуждений или их отсутствия к социальным компромиссам, элиминирующим отдельные характеристики индивида. В своих размышлениях Шопенгауэр обнаружил понимание внутреннего восприятия самого себя, поэтому, по его мысли, наедине с собой примитивный ум чувствует собственную примитивность, «а великий ум — всю свою глубину: словом, всякий тогда сознает себя тем, что он есть»¹⁵⁷.

В произведении Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» в переводе Юлиа Антоновского одиночество выступает не ограничением, а возможностью наделения содержанием персональной добродетели, отвергаемой теми, кто не способен к принятию иного мнения¹⁵⁸. Стремление к уединению может проявляться или как «бегство больного», или как «бегство от больных»¹⁵⁹. Но «дурная любовь к себе» приводит к созданию тюрьмы из одиночества¹⁶⁰.

В книге «По ту сторону добра и зла» Ницше направил читателей на путь внутреннего побуждения к выбору одиночества, предоставляющего возможность сохране-

153 Эмиль Мишель Сиоран (Чоран) . Искушение существованием. М., 2003. С. 43.

154 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 2001. С. 234.

155 Там же. С. 242.

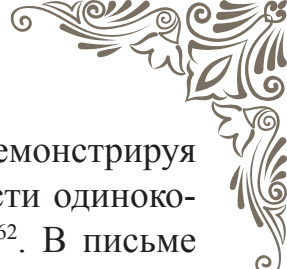
156 Там же. С. 243.

157 Там же. С. 313.

158 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 04. М., 2007. С. 66.

159 Там же. С. 180.

160 Там же. С. 63.

ния свойств личности¹⁶¹. В произведении «К генеалогии морали», демонстрируя свое разочарование в современном обществе, он увидел в потребности одинокого существования способ защиты себя от внутреннего разложения¹⁶². В письме Матильде Майер в Майнц (Базель, 15 июля 1878) он признался в стремлении к одиночеству для «созревания» в себе «философа жизни»¹⁶³. Все это позволяет глубже понять причину становления Заратустры в его произведении как «дифирамб одиночеству»¹⁶⁴.

Склонность к уединению может восприниматься формой ограничений, но в действительности она представляет собой средство освобождения от социальных границ и навязанных лингвистических конструкций, детерминирующих человеческое сознание во время выполнения общественных функций. Получая возможность выйти за пределы поведенческих и мыслительных установок, появляется не только время для рефлексии, но и открывается путь к отрицанию отрицания, что позволяет наделить личность новыми свойствами и углубиться в уже существующие.

Самовольное одиночество нельзя трактовать как внутреннее отклонение, поскольку выход за пределы социальных стандартов есть внешнее колебание. Унифицированные практики могут определять предпосылки к поведению и способности взаимодействия, но сами нередко оказываются отклонением от внутренних побуждений из-за своего содержания, формируемого конкретными индивидами, чье мышление и действия еще предстоит осмыслить на предмет адекватности в восприятии окружающего мира.

О справедливости

Что такое справедливость? Это довольно сложный вопрос, находящий отражение в изучении социально-экономических проблем и выступающий предметом философских размышлений. Нельзя приравнивать справедливость к истине, поскольку истина выступает критерием восприятия окружающего мира и нередко проявляет себя в оценочных суждениях субъекта.

Вопросы справедливости и несправедливости лежат за пределами моральной плоскости. Они исходят из особенностей воспитания, общественного влияния и структуры окружающей культуры. Но вместе с тем сущность понятия «справедливость» имеет основу в природных процессах. Природа дала животным одновременно и место обитания, и средство для удовлетворения потребностей. Ее земля не

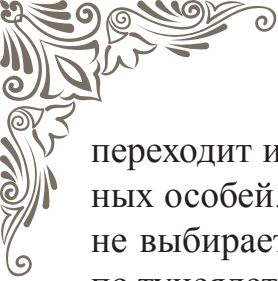
161 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 05. М., 2012. С. 39.

162 Там же. С. 344.

163 Фридрих Ницше. Письма. М., 2007. С. 148.

164 Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 06. М., 2009. 203.

переходит из поколения в поколения через привилегированное положение отдельных особей. Природа не знает кумовства и наместничества. Она беспристрастна и не выбирает тех, кто ей нравится. Она вознаграждает за труд и беспощадно бьет по тунеядству. Безусловно, бывают и исключения, а сама природа может поступать несправедливо, но такое поведение нередко подвержено случайным событиям.

Законы природы универсальны и относятся ко всем обитателям в равной степени, в то время как законы в институтах капиталистических обществ имеют классовый характер, а сила их воздействия определяется в зависимости от социально-экономического положения, известности, привилегий, родственных и дружеских связей. В своем естестве индивид был действительно свободен.

Перед силой природы равны все. Она бывает одинаково благосклонной и к слабым, и к сильным. Природа бывает одинаково грозной и к наиболее адаптированным, и к тем, кто не умеет приспосабливаться. Она может заставить страдать или сделать удовлетворенным и вожака стаи, и изгнанника. Отчужденный от природного мира человек сам придумывает себе законы и использует на благо своей стаи. В этом существенное отличие природных законов от классового социального регулирования. И в этом же обнаруживается понимание несправедливости.

Познать содержание категории «справедливость» можно лишь через понимание природных особенностей дикого мира. Из этого следует вывести значимость честного труда, независимо от его формы; стоическое умение отказываться от лишнего потребления, довольствуясь самым необходимым; понимание важности длительных наблюдений за окружающим миром; отсутствие склонности к ненужным разрушениям; осознание ценности природных благ. Когда все перечисленное становится постоянными свойствами человека, определяющими его личность, тогда происходит понимание содержания термина «справедливость».

Особенно важно воспитание трудом. Он может быть свободным или принудительным, но само его наличие наделяет трудящегося осознанием ценности труда для изменения себя и окружающего мира. Честный труд дает возможность понять значимость созидания. Свободный труд воспитывает, облагораживает, расширяет кругозор, избавляет от экзистенциальных страданий. Принудительный труд имеет обратный результат. Противоположность этих двух форм труда позволяет обнаружить различия между понятиями «справедливость» и «несправедливость».

Образование как средство моральной идеологической обработки

Надежда Крупская признавала особую значимость окружающей среды для воспитания индивида. Воспитание она определяла планомерным воздействием с целью получения необходимого типа человека¹⁶⁵. Имея похожие мысли, Михаил Калинин называл воспитание процессом влияния на облик индивида для формирования нужного сознания и восприятия окружающего мира¹⁶⁶.

Для Крупской воспитание в капиталистическом обществе всегда носит классовый характер. Оно не только разделяет учащихся, но и внедряет содержание социальной стратификации в образовательный процесс¹⁶⁷. Поэтому образовательные учреждения становятся способом навязывания принципов доминирования и подчинения. По ее мнению, учебные заведения, построенные при классовом капитализме, есть производные капиталистического строя¹⁶⁸. Цель, ставящаяся в образовательных учреждениях при капитализме, — создание орудия классового гнета¹⁶⁹. Результат не расширяет знания и не углубляет специализацию, а подавляет личность.

Образовательные учреждения находятся во власти истеблишмента. Смена одной элиты приводит к изменениям в содержании преподаваемых предметов. Больше всего это относится к социальным и гуманитарным наукам. Остальные области образования хоть и подвергаются меньшему воздействию, их средства и пути достижения задаются в соответствии с целями истеблишмента.

Определение перспектив и места индивида начинается в образовательных учреждениях. Именно там устанавливается его роль в будущих производственных отношениях. Обработка происходит по нескольким направлениям, затрагивая как склонных к социальным и гуманитарным наукам, так и тех, кто проявляет интерес к естественным наукам и техническим специальностям.

Инструментом для внедрения идей и знаний выступает преподавательский состав учебных учреждений. Несмотря на наличие у преподавателей некоторой степени свободы во взаимодействии с учащимися, в действительности она очень мала и не имеет значения. Основная часть содержания их работы определяется

165 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 5.

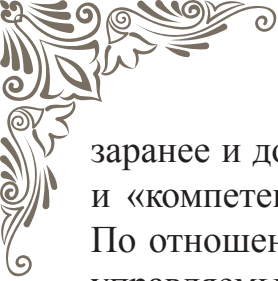
166 Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 19.

167 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 6.

168 Там же. С. 7.

169 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 23.

заранее и доносится в виде уже сформированных учебных программ, требований и «компетенций». Преподаватель оказывается и управляемым, и управляющим. По отношению к тем, кто навязывает ему содержание его работы, он становится управляемым и вынужден или подчиняться, или искать другое место работы в иной области. По отношению к ученикам он выступает управляющим, но регулирование осуществляет из готовых нормативов. Здесь вскрывается потеря личности преподавателя и наделение его бытием инструмента идеологической обработки.

Умение быть верным к управляющим дает возможность сохранения рабочего места и продвижения по карьерной лестнице. Неумение быть лояльным находит отражение в санкциях, накладываемых на обучающего. Нежелание быть верным обнаруживает отражение в изгнании из образовательной системы. Эти же отношения экстраполируются на иные сферы, имеющие на себе отпечаток присутствия истеблишмента.

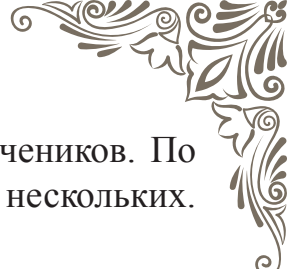
Отказ от принятия классовых регуляторов далеко не всегда приводит к наказанию. В некоторых случаях, являющихся исключениями, обратного воздействия из-за неподчинения не происходит. Чаще всего причина кроется в желании истеблишмента поддерживать иллюзорное восприятие свободного диалога, основанного на разнице во мнениях. Этим невидимая рука позволяет сохранять фантомное чувство справедливости. Создается имитационная свобода, основанная на отсутствии социальной связи между структурами. Иногда эта связь может быть минимальной, но она постоянно подвергается формализации.

Инструмент управления внедряет моральные оценки доминирующего класса через предметную область, формы мышления, способы субъект-субъектных отношений и содержание образовательной программы. Проявление идеологической морально-оценочной подоплеки особенно заметно в предметах, требующих обсуждения действий реальных исторических личностей или выдуманных персонажей. Пространство диалога в таких предметах редко находится в нейтральной плоскости. Дискуссия предполагает наличие мнений, но инструмент управления не создает площадку обсуждения, а выносит оценочные суждения, основанные на моральном восприятии озвученных учащимися суждений. Выставленная им оценка и есть средство идеологической обработки. Она может поощрить или наложить санкции. Высокая оценка становится средством внедрения в сознание моральных суждений истеблишмента или обучающего. Преподаватель не только обучает, но и воспитывает определенный тип индивидов.

Калинин указывал на важную роль обучающихся, поскольку в решении конфликтных и проблемных ситуаций они способны дать понять учащимся о «правильном» и «неправильном» поведении, используя свой авторитет¹⁷⁰. По его мнению, это всегда накладывает глубокий отпечаток на сознание учащихся.

Крупская смогла заметить направленность оценочных суждений на разъедине-

170 Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 19

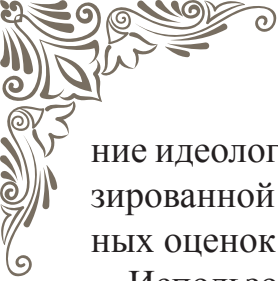
ние учащихся с целью упрощения процессов управления группой учеников. По этой причине из всех учащихся обучающие постоянно выделяют всего нескольких. Крупская называла такой прием «отвратительным»¹⁷¹.

В технических специальностях морально-оценочная идеология не настолько сильна, как в социальных и гуманитарных предметах. Она навязывается не через пространство для диалога, а с помощью рыночного спроса, стимулирующего специалиста мыслить в ключе, нужном привилегированным классам, определяющим «востребованность». При капитализме «востребованность» основывается не на нуждах большинства, а на интересах истеблишмента. Содержание данного термина активно раскрывается в образовательных учреждениях, потому что оказывает влияние на подготовку будущих специалистов. В этом можно обнаружить сходство между рынком и образовательной системой. Следовательно, рынок и образование могут использоваться для внедрения морально-оценочных суждений доминирующих классов.

Когда управление ориентировано на качественное улучшение общественных сфер, то техника и технология используются как средства, обслуживающие человека и помогающие ему создавать комфортную среду обитания. Когда управление ориентировано на демонстрацию научно-технических или технологических достижений, то человек сам становится обслуживающим персоналом. Функции обслуживания проявляются в отношениях «управление – труд» и «достижения – труд». Во всех этих формах управление и достижения оказываются над трудящимся. Такие системы регулирования нередко называют технократическими, но это заблуждение, поскольку технократия предполагает управление техническими специалистами. Если управляющие таковыми не являются, а техника нужна для победы в марафоне с другими функционерами, то подобные отношения больше похожи на имитационную технократию. В этих забегах нет победителей, а трудящиеся, вынужденные реализовывать интересы истеблишмента, всегда заранее оказываются на стороне проигравших.

Технические достижения, создаваемые с заложенными в них классовыми интересами, позволяют использовать их в качестве средства для идеологической обработки. В современности их выпуск обусловлен внедрением классовых моральных оценок в само содержание. Это напоминает автоматизацию. Еще до внедрения автоматизации человек использовал инструменты для трудовой деятельности. Затем у него появилась возможность быть сторонним наблюдателем процесса и выполнять функции не двигателя, а оператора. Весь процесс стал реализовываться без его прямого участия. Инструмент, нуждавшийся в человеке, потерял эту необходимость с широким распространением процессов индустриализации. Аналогичные тенденции обнаруживаются в создании новой техники, предполагающей внедре-

171 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 10.

ние идеологии еще на этапе разработки. Применение инновационной или модернизированной техники оказывается вторым шагом в процессе навязывания моральных оценок истеблишмента.

Использование классовых моральных оценок в образовательных учреждениях на замыкается на учащих. Они хоть и являются объектами воздействиями, воспринимаемые ими оценки передаются их окружению. Идеи или суждения, поселившись однажды в уме учащегося, могут повлиять на его семью, родственников, друзей и знакомых. Произойти это может не только в том случае, если учащийся будет транслировать навязанные ему суждения, — достаточно лишь оказать на него влияние и его действия будут подчинены внешним оценкам. В дальнейшем его моделируемое поведение станет оказывать воздействие на окружающих индивидов и среду обитания. Из этого можно сделать вывод о существовании переноса моральных оценок из образовательной среды в иные публичные и личные сферы.

Еще одна проблема классового образования заключена в навязывании выполнения непосильных заданий. Делается это для воспитания у обучающегося небрежного отношения к изучаемым предметам или для безоговорочного выполнения своих обязанностей. Непонятная цель основывается на непонятных заданиях, что приводит к непониманию предмета. Теряется глубина познания. Разрушается желание смотреть на предмет с разных позиций. Результатом становится формирование человека с примитивным мышлением. Другими словами, появляется бюрократ. Для классовой капиталистической системы это и есть желаемый результат, потому что элементом системы оказывается исполнитель, готовый подчиняться тем, кто предоставляет ему работу, одновременно с этим создавая барьеры для всех остальных. Здесь обнаруживается не только результат классового разделения, но и предпосылка для классовой поляризации.

Есть ли действенный способ решить возникшую проблему? Ответ на вопрос предполагает обращение к опыту построения советской образовательной системы.

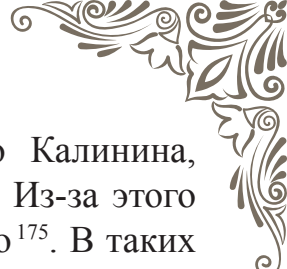
Калинин указывал на значимость удовлетворения потребностей самих учащихся и формирования у них альтруистических отношений. Это требует отсутствия противопоставления интересов. Для Калинина важным было созидание уважения к труду и трудящимся¹⁷².

8 июля 1939 года, присутствуя на вечере, посвященном чествованию учителей-орденоносцев сельских школ, Калинин высмеял идеологическую обработку прошлого, вспомнив мудрость: «семья воспитывает человека, среда воспитывает человека, школа накладывает свой отпечаток на человека»¹⁷³. Основываясь на труде Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг», он пришел к выводу о невозможности внеклассового воспитания в классовых отношениях¹⁷⁴.

172 Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 14.

173 Там же. С. 19.

174 Там же. С. 32.

Образование в капиталистических обществах, по утверждению Калинина, заключено в создании покорных слуг, несущих бремя эксплуатации. Из-за этого учащимся прививаются качества, нужные безропотному исполнителю¹⁷⁵. В таких институциональных структурах необходимо существование ведомого и легко управляемого индивида.

Когда образовательные учреждения превращаются в рынок, где всем правит конкуренция, то начинается процесс разделения на хищников и жертв. Совершенно иным представляется соревнование, основанное на лозунге «каждый по способностям». Соревнование хоть и находится по ту сторону капиталистической конкуренции, может потерять свой смысл, если направлено не на углубление знаний и достижение общих целей, а на переход в форму гонки, где есть победители и проигравшие.

Выход Калинин видел в понимании значимости трудовой деятельности и честного вознаграждения за нее. По его мысли, индивиды должны осознавать, что труд — необходимое условие жизни. Но он не должен быть принудительным и приносить трудящимся страдания. Достигнуть этого можно исключительно через освобождение труда. Только в таких условиях он перестанет быть тяжелым и невыносимым бременем¹⁷⁶.

Для Крупской в учебных заведениях при капитализме нередко даются не действительно нужные знания, а «чрезвычайно подробно всякий хлам, который только засоряет головы»¹⁷⁷. Повышение качества образования она видела не в усвоении учащимися совокупности фактов, а в диалектическом восприятии содержания.

Крупская обнаружила решение в создании нового типа образовательных учреждений. Она предлагала закладывать сезонность в образовательные программы. По ее мнению, в летнее время учебные учреждения можно организовывать в сельскохозяйственных коммунах, чтобы дать понять учащимся важность гармоничного сосуществования с природой. Она видела необходимость переноса учебных заведений в деревню, чтобы укреплять зрение, осязание и слух, способствующих познанию внешнего мира¹⁷⁸. Зимой, по ее предложению, можно предоставлять учащимся возможность проходить практику на производстве¹⁷⁹. Вместе с тем Крупская призвала не ставить знак равенства между производством и учебными заведениями¹⁸⁰.

175 Михаил Иванович Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1959. С. 33.

176 Там же. С. 62.

177 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 6.

178 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 25.

179 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 9.

180 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 106.

Для Крупской было важно отказаться от подавления личности учащегося. Она выступала против обезличивания и настаивала на том, «чтобы не была затуплена роль» индивидов в процессе деятельности¹⁸¹. Каждый, по ее мнению, должен чувствовать принадлежность к коллективу и быть готовым к ответственности за свой труд. Преодоление этой проблемы она видела в наделении обучающихся возможностями свободного обсуждения недостатков организации с последующим изменением способов ее функционирования.

Крупская предлагала уделять внимание самоорганизации учащихся. Если учащиеся смогут понять необходимость самостоятельного выявления предпосылок, средств и целей труда, то этот навык впоследствии будет использоваться в интересах трудящихся¹⁸².

Значимостью Крупская наделяла понимание содержания труда в разных возрастах. У взрослого человека труд имеет конкретное значение, в то время как для ребенка труд нужен исключительно для познания окружающего мира. Основываясь на этом суждении, она обратила внимание на изменчивость отношения к труду. Эти особенности она предлагала учитывать в образовательном процессе.

Созидательное воздействие образовательных учреждений Крупская видела в укреплении здоровья и сил обучающихся¹⁸³. Она была уверена в необходимости обеспечения образовательных учреждений здоровым питанием, гигиеническим уходом, свежим воздухом и предоставления возможностей для активной деятельности.

Крупская выявляла важность наблюдательной деятельности. Она призывала поощрять и учить индивидов созерцать, чтобы лучше понимать окружающий мир. Крупская хотела учить «не рабскому терпению, а сознательному отношению к труду»¹⁸⁴.

При формировании домашних заданий Крупская рекомендовала учитывать индивидуальные особенности учащихся. Следует углубляться в их пробелы и выявлять сильные стороны. Если кто-то из обучающихся значительно ушел вперед от остальных, то нужно побудить его к углублению в осваиваемый предмет.

Для преподавателей Крупская видела важность в понимании и принятии главной цели образовательных учреждений — «воспитание сознательных и активных строителей бесклассового общества»¹⁸⁵. Она была уверена в необходимости подчинения данной цели методов труда и способов организации учебного материала, поскольку

181 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 92.

182 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 11.

183 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 25.

184 Там же. С. 64–65.

185 Там же. С. 40.

ку так можно создать внутреннюю связь между предметами.

В этих условиях важным кажется значимость строгого содержательного разделения терминов «образование» и «воспитание». Когда институциональная структура выстраивается через сопоставление этих понятий, предполагающее наделение их знаком равенства, то за воспитание берутся невоспитанные, а образование попадает в руки необразованных.

О литературе

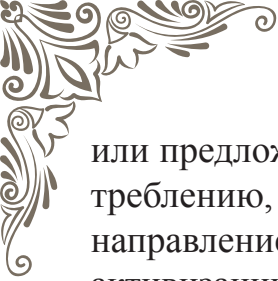
Литература одновременно является и результатом человеческой деятельности, и средством для выражения идей. Она способна стать инструментом для воздействия на умы читателей. В ней мы находим отражение идей авторов. Через нее мы понимаем мировосприятие сочинителей. Литература может научить всему необходимому в жизни. Она влияет на наши побуждения, наделяет новыми навыками или улучшает уже имеющиеся. Литература позволяет морализировать и распространять имморализм. Она не только выступает средством для донесения авторских суждений, но и сама оказывается предметом для обсуждений. Литература влияет на человеческое поведение и субъективное восприятие окружающего мира. Она дает возможность смотреть на многое с другой точки зрения, а иногда полностью меняет мировоззрение.

Обозначенные выше причины являются предпосылкой для обнаружения и определения направлений литературного движения, имеющих своей целью распространение классовых идей, поскольку через произведения происходит побуждение к принятию мыслей, суждений и моральных оценок.

Смена эпох приносит и смену в содержании изучаемых предметов. Образовательные учреждения вынуждены подстраиваться под доминирующую идеологию. Происходит это не только через выбор соответствующей литературы, но и через постановку вопросов, требующих обсуждения или рефлексии. Результаты индивидуальных рассуждений обретают разные формы и сами подвергаются оценочным суждениям, основанным на субъективных предпочтениях или интересах обучающего. Суждения преподавателя формируются исходя из заранее заданного ему плана, базирующегося на интересах вышестоящих в образовательной структуре.

Литературное обсуждение может показаться горизонтальной организацией, позволяющей каждому высказать собственное мнение, но оценочные суждения обучающихся основаны на строгой вертикали, поэтому горизонталь не столько условная, сколько мнимая или имитационная.

Изменение литературного движения меняется со сменой временных периодов. Перемены отражаются не только на образовательных учреждениях с их педагогическими программами, но и на рынке. Перманентный вопрос о первичности спроса

или предложения тяготеет к последнему, потому что создается побуждение к потреблению, представляющему выгоду для истеблишмента. Сначала определяется направление движения. Затем выбираются способы и средства воздействия для активизации спроса. После этого проводится реализация стимулирования спроса. Когда достигается желаемый результат, то начинается удовлетворение полученного спроса через предложение. Но предложение уже было сформировано на первом этапе разработки идеологической программы, что указывает на контролируемость рынка идеологией.

Самоценность литературы, если она изначально не создана для идеологической пропаганды, заключена в критическом подходе ее изучения. Она сама должна вырабатывать склонность к рефлексии и критическому мышлению.

При диалектическом восприятии литература может дать возможность изучить совокупность научных методологий и художественных приемов. Обращая внимание на время и место действия, читатель способен оценить быт, социально-экономические отношения и культурные особенности. Через персонажей он может понять влияние окружающей среды. Прототипами художественных произведений, в том числе и фантастических, нередко оказываются реальные личности. Автор всегда ищет источник вдохновения в своей фантазии, но предпосылкой для вымысла являются настоящие места и события. Перечисленное выше позволяет выявить в литературе результат воздействия окружающей среды и совокупности событий, взаимодействий и впечатлений. Исходной точкой художественных произведений становится описание внешних влияний на внутреннее состояние автора, но конечный пункт литературы обнаруживается во внешнем воздействии на внутреннее состояние читателя. Получается замыкающая цепочка, имеющая внешние предпосылки, но внутренние впечатления. И автор, и читатель выступают как объектами воздействия, так и субъектами восприятия.

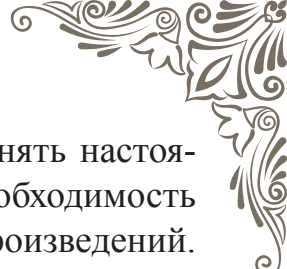
Испытав влияние литературы на себе, читатель переносит полученные впечатления на внешнюю среду — он начинает воспринимать ее сквозь опыт прочтения произведений. Поэтому восприятие литературы есть и основа побуждения, и направление рефлексии.

Надежда Крупская смогла найти в литературе детальное описание окружающей действительности. По ее мнению, многие литературные произведения способны дать настолько подробное представление социального устройства, как никакие научные сборники¹⁸⁶. Она настаивала на необходимости повышения значимости художественной литературы, предлагая внедрять курс литературы в пространство общественного диалога.

Указанное выше позволяет определить важность изучения литературы, поскольку через нее можно изучать и менять мир. Через литературу можно узнавать других

186 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 49.

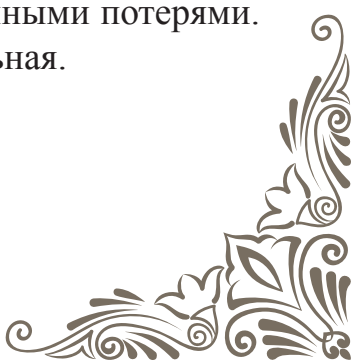

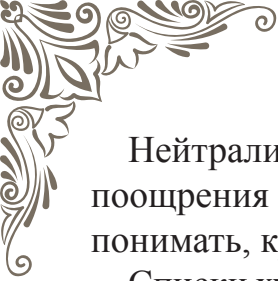
и меняться самостоятельно. Через неё можно изучать прошлое и менять настоящее, оказывая воздействие на будущее. Следовательно, существует необходимость внимательного, вдумчивого и детального изучения художественных произведений. В этих условиях кажется недопустимым количественное нагромождение в образовательных учреждениях. Когда количество доминирует над качеством, то это приводит к отказу учащимися от признания значимости изучения содержания произведений. Поверхностное запоминание становится над глубоким исследованием. Формализм перекрывает тягу к познанию. Нейтрализуется желание заниматься поиском, что приводит к уничтожению познавательной функции, являющейся одной из важных для образования и воспитания. Создается образовательная бюрократия для обучающего и формализм для обучающихся. Поощряется не глубина и склонность ко всестороннему изучению предмета, а умение социально адаптироваться и принимать заорганизованность. Это и есть внедрение классовых моральных оценок с целью формирования нужного истеблишменту типа индивидов.

Количественная нейтрализация качества приводит разрушению смысла художественной литературы. Если читатель ничего не выносит для себя из произведения, то оно теряет свою цель и возможность воздействия на читающего, а необходимое восприятие содержания искажается или вовсе элиминируется. Зачем нужна литература, если она не позволяет увидеть окружающий мир в его многогранности и неоднозначности?

Еще одна проблема количественного навязывания заключается в последующем отказе от критической оценки прочитанной литературы. Читателю становится тяжело отделить поверхностную литературу от качественной. Вероятно, здесь можно попытаться привести мнимую аргументацию о субъективности вкусов в изучении художественных произведений, но это будет заблуждением. Не только в литературе, но и в музыке, кинематографе и иных сферах деятельности сопоставление является основой для обнаружения качества. Именно глубокое и детальное изучение предмета познания позволяет отсеивать в своем сознании лишнее, поверхностное и захламляющее, чтобы освободить место для первого сорта. Так и формируется то, что принято называть на бытовом уровне «вкусом». Его субъективность весьма сомнительна и чаще всего используется в качестве оправдания теми, кто не желает погружаться в подробное изучение предмета, основанное на диалектическом подходе.

Доминирование количества над качеством в литературе приводит к незащищенности от влияния вредоносных произведений. Если читатель не сможет разделять качественную и некачественную литературу, то результатом станет нейтрализация критической оценки изучаемого. Поскольку индивид существует в социуме и сам оказывает на него влияние, то этот результат распространится на общество. Интеллектуальные пробелы у одного человека способны привести к формированию аналогичных пробелов у других. Потери индивида станут общественными потерями. Следовательно, проблема не только индивидуальная, но и социальная.

Нейтрализация затруднения может быть обнаружена в понимании необходимости поощрения к изучению литературы. Важно созидать желание читать, вчитываться, понимать, критически осмысливать, улавливать основные идеи и делать выводы.

Списки художественных произведений в образовательных учреждениях должны быть не обязательными, а рекомендательными. К литературе должны даваться письменные аннотации, дополняемые устным раскрытием содержания обучающим.

Следует не заставлять принимать оценочные суждения преподавателя, а давать учащемуся самостоятельно фиксировать размышления в форме эссе, статей и рецензий. Обучающиеся сами должны обретать интерес к раскрытию содержания идей, а не выступать перед аудиторией из сокурсников из-за требования обучающего. Самодеятельность предполагает наличие свободы в выборе и формах изложения. Это прямой путь к низовой самоорганизации.

Изучение литературы имеет особенное значение. Учитывая количество накопленных произведений, сохранившихся еще с античных времен, необходимо признать вредоносность поверхностных методик, используемых обучающими в научных и образовательных учреждениях. От них следует отказаться в пользу диалектики и структурализма.

О популяризации науки

Популяризация науки является трендом уже не один год, повышая количество докладчиков, слушателей и зрителей. Авторы, занимающиеся популяризацией определенных исследований, регулярно наращивают свою аудиторию, обретая признание и уважение публики. Расширение материалов происходит благодаря увеличению спроса на подобные каналы, сообщества, группы, форумы и выступления, позволяя докладчикам собирать полные залы, становясь относительно востребованными. Популяризация науки происходит как в пространстве глобальной паутины, так и за ее пределами.

Увеличение спроса на научные исследования можно назвать субъективным благом, но популяризация науки находится на противоположной стороне.

Научное познание нацелено на поиск и/или созидание знаний об окружающей действительности. Оно должно быть направлено на объективность и истинность, иначе окружающий мир будет восприниматься познающим неадекватно.

Завися от содержания и целей, научное познание основывается на описании и/или объяснении, но может быть использовано для планирования действий или событий, поскольку ориентировано на теоретические построения, имеющие практическое применение. Любому научному познанию присущи строгость форм мышления, скрупулезная доказательность, понятная аргументация, структурированность, диалектичность и истинность выводов. Это требует созидания лингвистических

конструкций, позволяющих фиксировать и углублять исследования.

Наука может быть обусловлена интересами индивидов или преобладающими общественными потребностями. Нередко она детерминирована социально-экономическими отношениями и институциональной структурой.

Проникая в общество, наука оказывает воздействие на жизни многих, определяя мышление и предпосылки поведения. Являясь трудом, наука формирует наше сознание и представления об окружающем мире.

Достижение научного знания зависит от условий познавательной деятельности. Предпосылки для поиска могут лежать в неудовлетворенном чувстве любопытства субъекта познания, в стремлении к изменению окружающей действительности, в желании улучшить свое социально-экономическое бытие. Несмотря на существование различных причин исследований, цель, заключающаяся в обнаружении объективного знания, остается неизменной. Исследователь хоть и может служить чьим-то экономическим интересам, в действительности находится в поисках истины.

Сама по себе истина бескорыстна, но средства достижения и ее результаты могут подвергаться коммерциализации. Последнее может менять социальные отношения, но не соответствие действительности и мышления.

Когда в поиск научного знания вмешиваются экономические интересы, направленные на коммерциализацию результатов труда ученых, это приводит к разрушительным последствиям. Если в крупных корпорациях происходит отчуждение труда на законодательном уровне, то иные области, включающие популяризацию науки, наносят вред другими способами.

Содержание термина «популяризация» заключено в изложении знания в доступной для широкой аудитории форме. Переложение данных предполагает упрощение и, возможно, переход с глубины на поверхность. Поскольку научное знание устремлено в сторону структурного погружения в предмет, то обобщение можно воспринимать двумя шагами назад после одного шага вперед. Сопровождаемое лингвистическое упрощение, требуемое для создания научно-популярных текстов, воздействует аналогично, приводя не столько к потере языковых средств, сколько к их намеренному сокрытию для широкой аудитории.

Методологические упрощения и отказ от необходимого лингвистического инструментария могут стать причиной торможения перехода количественных изменений в качественные. В иных случаях созидание подобных препятствий способно привести к переходу от качественных изменений в количественные повторения. Все это вступает в противоречие с диалектикой. Опасность заключается в побуждении к нейтрализации критики из-за лингвистических адаптаций, становящихся основой для навязывания догматизма. Проблема не в простом донесении сложных понятий, а в их изменении с целью обретения собственной выгоды, потому что научный популяризатор, исходя из содержания термина, тяготеет не к распространению знания, а к популизму. Последнее явление находится вне беспристрастного поиска

истины из-за субъективности и подверженности внешнему локусу контроля.

Тот, кто изучает научно-популярную литературу, внедряет в сознание методологию, мнение и языковые средства автора, детерминируя себя не научным знанием, а его адаптацией, теряя наиболее важную предпосылку для исследования — стремление к познанию истины.

Другое противоречие обнаруживается в создании условий для познания. Когда для научных поисков реализуется комфортная институциональная структура, то элиминируется проблема привлечения исследователей и будущих ученых. Благоприятные условия труда, независимо от его содержания, сами формируют предпосылку для прорастания побуждения к нему. Следовательно, благоустройство научной области способно привлечь в среду как состоявшихся ученых, так и заинтересовать тех, кто только находится в поисках своего места.

Научно-популярные мероприятия нередко отличаются наличием комфортных условий для докладчиков и слушателей. Одновременно с этим ученые, занимающиеся только научными исследованиями, имеют неадекватные условия труда из-за отсутствия альтернатив. Нужда в обретении благоприятных условий толкает последних на изменение деятельности в пользу коммерческой адаптации знаний. Когда происходит переход из области поиска истины в сферу упрощения, то потери несет общество, поскольку тормозится исследовательский процесс.

Популяризаторы обретают славу и признание, часто занимаясь приспособлением чужих идей, не внося никакого вклада в науку. Создатели научных методологий, авторы глубоких структурных исследований, систематизаторы знаний и иные исследователи продолжают оставаться в безызвестности из-за своего желания сделать вклад в науку. Жажда познания последних может стать предпосылкой для качественного скачка в научных исследованиях. Экономический интерес первых способен стать преградой для исследовательского движения.

Наука нуждается не в популяризации, а в обретении благоприятных условий, являющихся предпосылкой для раскрытия стремлений к познанию. Создав адекватную среду для ученых, произойдет распространение научного знания.

Комфортные условия для популяризации науки вступают в антагонизм с отсутствием адекватной институциональной структуры для научных исследований. Ведется пропаганда института, подвергающегося разрушению. Наука нуждается в структурной организации, направленной на формирование предпосылок к познавательному созиданию, но вместо этого наблюдается популяризация, ставящая перед собой задачу коммерциализации, а не исследовательского интереса.

Моральное содержание правообладания

Иммануил Кант признавал возможность смущения даже опытного правоведа в попытках раскрытия содержания термина «право»¹⁸⁷. По его мнению, понятие «право» выходит из морали и относится к обязательности, что предполагает наличие оценочных суждений. Являясь внешней формой, регулирующей поведение, право проникает в практику и определяет способы влияния субъектов друг на друга. Оно касается формы отношения двустороннего произволения и наделяет оценкой поведение, раскрывая допустимость поступка и необходимость ограничения свободы.

Изначальным правом Кант называл свободу, проявляющуюся как независимость от подчинения¹⁸⁸. По его умозаключению, прирожденное равенство, определяющееся в независимости, можно описать свойством бытия, дающим возможность индивиду быть хозяином своей жизни.

Право обусловлено принуждением и исходит из внешних источников. Обретая институциональное регулирование, оно навязывает осознание обязательств, содержание моделей поведения и санкций при нарушениях.

Семантика термина «правообладание» демонстрирует соединение понятий «право» и «обладание». Если первое понятие было раскрыто выше, то второе требует краткого рассмотрения.

«Обладание» предполагает владение определенной собственностью и чаще всего относится к капиталистической форме социально-экономического устройства. Содержание понятия вводит и разделяет термины «мое» и «твое». «Мое» становится недоступным для всех, кроме субъекта-владельца и тех, кого он наделяет правом пользования. Термин «твое» имеет ту же основу, но делает недоступным собственность для всех, кто не обладает правом пользования.

Соединяясь, понятия «право» и «обладание» наделяют владельцев материальной или нематериальной собственности возможностью самостоятельного определения условий обретения, распространения и использования. Собственники назначают ограничения и круг лиц, имеющих доступ к их имуществу.

Следует разграничивать понятия «правообладатель» и «автор». Нередко границы между понятиями размываются через термин «авторские отчисления». Правообладатели используют его для введения в заблуждение и сокрытия действительного отчуждения добавочной стоимости, получаемой через нормативное закрепление

187 Иммануил Кант. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. М., 2014. С. 85.

188 Там же. С. 107–109.

морали.

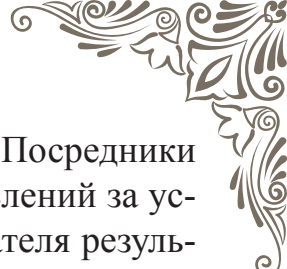
Правообладатель обретаёт или отчуждает чужой труд, используя свое стремление к бюрократии и бюрократизму. Контрактная форма, основанная на необходимости отчислений автору отчужденного труда, наделяет правообладателя возможностью вводить в заблуждение всех, кто находится по ту сторону понятия «мое». Используя моральные оценки, он навязывает суждение о важности полного подчинения заданным правовым границам. Автор выдается за основного получателя и правообладателя, но, в действительности, существует множество посредников, обретающих внушительную часть того, что могло бы стать гонораром создателя. Особо примечательным становится средство не частичного, а полного отчуждения результатов труда автора. В этом случае все отчисления пойдут тем, кто смог институционально оформить моральные оценки и заполнить в свое пользование чужой труд.

Значимость авторского вознаграждения не оспаривается ни в анархических, ни в коммунистических, ни в социалистических организациях общества, поскольку все они основываются на принципах справедливости: «от каждого — по способностям, каждому — по труду» и «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Во всех этих формах бесклассовых отношений авторские вознаграждения приравниваются к качеству результата трудовой деятельности. И лишь при капитализме оплата и оценка труда обусловлена возможностью морального навязывания третьими лицами, отчуждающими добавочную стоимость через государственные институты и рыночный хаос, не имея никакого прямого отношения к автору труда, кроме желания использовать его в виде средства для достижения денежной цели.

Следует уметь различать понятия «авторское вознаграждение» и «авторские отчисления». Первый термин, характерный для гуманистических форм экономической организации, предполагает справедливое обеспечение автора, основанное на качестве и важности его труда. Второе понятие, часто применяемое при капитализме, означает необходимость оплаты не за качество труда, а за сам факт деятельности. Если в социально ориентированных обществах вознаграждение можно рассматривать проявлением благодарности и побуждением к труду, то при капитализме отчисления становятся инструментом для разграничения на «мое» и «твое».

Отчисления можно воспринимать не только способом разделения результатов деятельности, но и формой социально-экономических отношений, основанной на навязывании обязательств, выступающих действием, подчиненным внешним условиям. Обязанность поступка определяется через категорию «долг». Воспринимающий «должен» совершить обязательное действие. Долженствование в этих условиях выступает внешней принудительной предпосылкой, действие оказывается процессом, а результат закладывается в требованиях автора или владельца прав.

Вознаграждение предполагает прямую передачу блага, но отчисления могут подвергаться структурной фрагментации. Это означает наличие одного или множества

посредников, получающих блага за выполнение связующих функций. Посредники могут быть как помощниками, получающими небольшую часть отчислений за услуги, так и капиталистами, отчуждающими у действительного создателя результат его труда. В последнем случае автор принимает бытие средства, получающего возможность обретения добавочной стоимости.

Применение структурной методологии в изучении термина «отчисления», применяемого к понятию «правообладание», позволяет обнаружить существование цепи посредников, зарабатывающих не трудом, а на труде других. Начало данной цепи находится в моральных оценках. Посредники навязывают обществу одномерное мышление, разделяя все на «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное», «доброе» и «злое». Через использование размытой терминологии они распространяют примитивную риторику, направленную на подчинение через эмоциональное восприятие. Здесь особую важность обретает «громкость» транслятора идей. Нередко поддержку получает не тот, чьи слова и поступки не вступают в противоречие и основаны на критическом понимании окружающей действительности, а тот, кто умеет истеричнее кричать. Это похоже на дебаты, чьи победители выявляются не через соответствие мыслей действительности, а через повышение голоса на оппонента. Субъективные экономические интересы чаще всего лоббируются именно через подобные тривиальные средства.

На следующем этапе происходит правовое закрепление моральных оценок, суждений и осуждений. «Правильность» поступка определяется по соответствию или несоответствию деяния понятиям «долг» и «обязанность». «Правильные» поступки не имеют вознаграждения, кроме одобрения лоббистов и тех, кто отчуждает результаты труда. «Неправильность» поступка может привести к накладыванию санкций на совершившего деяние, оцениваемое в институциональной структуре «нарушением». Это позволяет обнаружить отсутствие критического и свободного выбора при совершении «правильных» или «неправильных» действий. Индивид вынужден подчиняться моральным оценкам или нести наказание, если его деяния выходят за пределы установленных границ. В случае несогласия с ценностью содержания «правообладания» субъект отношений может быть признан доминирующими классами и лоббистами своих экономических интересов маргиналом.

Когда оформление моральных оценок заканчивается, то начинается борьба за «обладание» «правами». Посредники выбирают подходящие для их целей результаты труда и, используя право, стараются забрать их. Для этого им необходим термин «авторские отчисления», позволяющий создать иллюзию справедливости в вознаграждении создателя. В действительности посредник часто стремится к полному отчуждению прав у автора. Как часто мы сталкиваемся с тем, что создатели, ничего не имеющие против свободного и бесплатного распространения своих творений в интернете, становятся свидетелями удаления результатов их труда с последующими попытками наказать тех, кто взял на себя ответственность некоммерческой раздачи произведений? Не обнаруживается ли в этих отношениях про-

тиворечие между реальными интересами автора и предпосылками посредников?

Создается институциональная структура посредничества, состоящая из множества индивидов, занимающихся присвоением, отчуждением и запретами. Нормативно помощники оказываются выше авторов, обретая над ними власть. Слуга становится хозяином, а созидатель обретает роль лакея, обслуживающего правообладателей. Основание всей структуры находится в эксплуатации труда.

Правообладание предполагает передачу блага владельцу права взамен на получение возможности изучения деятельности. Противоречие вскрывается в необходимости совершения оплаты до оценки полученного результата. В иных сферах, находящихся за пределами границ правообладания, оплата регулируется на основании оценки сделанной работы: сначала индивид получает заказ с предварительными требованиями к потенциальному результату; затем наступает этап выполнения работы; после этого заказчик оценивает услугу. Если итог не соответствует согласованию, то либо исполнитель обязуется довести результат до заранее выставленных условий, либо подвергается санкциям, влияющим на снижение его заработной платы. Такой способ оплаты деятельности применяется к большей части населения планеты.

Отношения «получение требований – выполнение рабочих функций – оценка заказчиком услуги – оплата работы» воспроизводятся из поколения в поколение и не встречают противодействия со стороны правообладателей и тех, кто лоббирует их интересы. Они не подвергают эту форму организации осуждениям, не оценивают ее и не называют аморальной. Для них такое устройство кажется справедливыми, поэтому они не занимаются поисками и разработкой альтернативных вариантов. Вероятно, обычные сотрудники компаний, занимающихся всем, что входит в понятие «правообладание», находящиеся не на верхних уровнях управления, получают оплату после выполнения своих рабочих функций, а не предварительно, поскольку такая форма взаимодействия воспринимается правообладателями морально справедливой.

Обратные условия обнаруживаются при установлении отношений правообладателей со всеми, кто рассматриваются ими возможными покупателями права пользования. Любая попытка предварительно оценить результат деятельности, чтобы сделать взвешенное и критическое решение о его качестве и сообразности вознаграждения, воспринимается правообладателями аморальным нарушением, подвергаясь оценочным суждениям, осуждениям и наложением санкций.

Правообладатель, стремящийся заработать не на качестве, а на совершении деятельности, напоминает монтера Мечникова из произведения «Двенадцать стульев», написанного Ильей Ильфом и Евгением Петровым:

- *Когда же вы стулья принесете?*
- *Стулья против денег.*
- *Это можно, — сказал Остап, не думая.*

— Деньги вперед, — заявил монтер, — утром — деньги, вечером — стулья или вечером — деньги, а на другой день утром — стулья.
— А может быть, сегодня — стулья, а завтра — деньги? — пытал Остап
— Я же, дуся, человек измученный. Такие условия душа не принимает.
— Но ведь я, — сказал Остап, — только завтра получу деньги по телеграфу.
— Тогда и разговаривать будем, — заключил упрямый монтер, — а пока, дуся, счастливо оставаться у источника, а я пошел: у меня с прессом работы много Симбиевич за глотку берет. Сил не хватает. А одним нарзаном разве проживешь? И Мечников, великолепно освещенный солнцем, удалился.¹⁸⁹

Монтер Мечников, отличающийся неуступчивостью и нежеланием идти на компромиссы, потребовал сначала совершить оплату, чтобы лишь спустя полдня предоставить товар, не давая гарантий о его качестве или количестве. Остап Бендер, не собиравшийся оставлять затеянную авантюру, согласился, но условия оговоренной сделки были выполнены не в полном объеме:

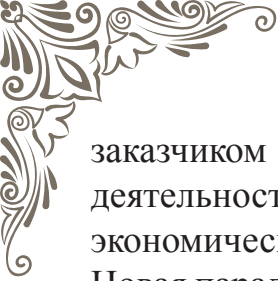
*На другое утро монтер получил деньги и вечером притащил два стула. Третий стул, по его словам, взять было никак невозможно. На нем звуковое оформление играло в карты.*¹⁹⁰

Мечников в короткой сюжетной линии выступает типичным правообладателем, потребовав оплату за еще не совершенную работу. Монтер лишь реализовал право на возможность дальнейшего обретения Остапом Бендером стульев. Работа была выполнена, но частично. Так и правообладатель продает осуществление деятельности, отказываясь нести ответственность за ее качество. Он хочет получить деньги вперед, а дальнейшие результаты его уже не волнуют. Эту форму взаимодействия правообладатель полагает благоприятной, морально сообразной и необходимой, поэтому наделяет ее утвердительными смыслами. Получение предварительной оплаты для него всегда первично, а противоположные отношения становятся аморальными и вредными. Сам правообладатель предпочитает оплачивать результаты деятельности других только после ее оценки, но требует вносить ему оплату заранее. Любые последующие оценочные суждения для него не имеют никакого значения, потому что он уже обрел добавочную стоимость. Здесь выявляется интерес меньшинства в моральных оценках, содержащихся в оправдательной риторике о правообладании. В этом обнаруживаются двойные стандарты, лежащие в основе данного понятия.

Имитационный контраргумент правообладателей основан на изменении структуры отношений: «получение требований – выполнение рабочих функций – оценка

189 Илья Ильф и Евгений Петров. Двенадцать стульев. М., 1982, С. 344.

190 Там же. С. 352.

заказчиком услуги – оплата работы» из-за реализации ими готового результата деятельности. Структура действительно меняется, подстраивая участников под экономические интересы только одной стороны, навязывающей свои суждения. Новая парадигма принимает вид: «отчуждение результатов деятельности у автора – продажа возможности изучения результатов этой деятельности на односторонних условиях, не предполагающих субъективную оценку качества и адекватности ее цены».

Исполнитель получает оплату не за допущение своей деятельности, а за конкретное выполнение работы. Правообладатель получает оплату не за конкретное выполнение работы, а за возможность предоставления доступа к изучению чужой деятельности. Противоречия очевидны и имеют основание не только бюрократии, но и бюрократизма, поскольку они ограничивают, а затем используются для извлечения выгоды и реализации интересов меньшинства.

Деструкция моральных оценок заключена в существовании двойных стандартов. Индивиды, составляющие фундамент социально-экономических отношений, вынуждены подчиняться самым жестким эксплуатационным требованиям, в то время как субъекты, чьи функции весьма сомнительны для пользы общества, получают возможности, находящиеся за пределами доступа для всех остальных. Если моральные оценки, оформленные в понятие «правообладание», имеют изменяющееся и противоположное содержание для разных профессий, завися от экономических интересов привилегированного класса, отчуждающего результаты чужой деятельности в свою пользу, то они являются средством классового доминирования.

Иное содержание можно обнаружить в понятии «вознаграждение». Оно предполагает свободную передачу блага индивидами в качестве поощрения за оцененную деятельность. Беспрепятственное вознаграждение исходит не из внешних условий, навязанных через моральные оценки истеблишмента, использующего для своих интересов институциональные ограничения, а из внутреннего побуждения, основанного на бескорыстном желании оказать деятелю поддержку. Передача блага, чаще всего проявляющаяся в форме выплаты денежных средств, становится способом побудить авторов к дальнейшим действиям в той же области. Такое взаимодействие дает возможность демонстрировать свое отношение к тому, чьи деяния были оценены.

При свободном вознаграждении поощряться могут не только авторы, но и их помощники, оказывающие им содействие в распространении результатов деятельности или улучшении качества. Такие помощники выступают не капиталистами, отчуждающими права собственности, а полезным элементом для автора и тех, с кем они взаимодействуют напрямую или косвенно. Они не становятся опасными посредниками, поскольку не тяготеют к навязыванию моральных оценок через институциональную структуру и лингвистические противоречия. Помощники ограничены в возможностях и не занимаются лоббированием экономических интересов истеблишмента или собственных корыстных желаний с целью вхождения

в классы эксплуататоров.

Несмотря на ошибочность попыток поставить знак равенства между терминами «отчисления» и «вознаграждение», для капиталистических институтов, основанных на доминировании и подчинении, эти понятия не только не разграничиваются, но и рассматриваются идентичными. Подмена начинается еще на этапе внедрения морально необходимого для истеблишмента восприятия понятия «правообладание» в социально-экономические отношения. В дальнейшем эта подмена происходит через соответствующие нормативные регуляторы, искажающие содержательную основу и нередко приравнивающие разные по сущности понятия. Это позволяет истеблишменту сглаживать возникающие противоречия, но лишь на поверхности, используя эксплуатацию, наказание и моральные оценки. В действительности подобная бюрократизация не способна смягчить антагонизм, заложенный в само содержание.

Институт правообладания, находящийся над индивидами, основан на отчуждении, закреплении, угнетении и эксплуатации. Получая распространение и реализацию в капиталистической форме социально-экономических отношений, он направлен на разделение и подчинение. Противоречия, заключенные в понятие «правообладание», обнаруживаются в самом его содержании и быстро вскрываются на практике. Опасность заключена в отчуждении прав на обладание у авторов с целью безграничного использования результатов деятельности. Сами авторы воспринимаются средствами для достижения экономического интереса, а институциональная структура становится способом ограничения через оформление моральных оценок, имеющих в своей основе непримиримые антагонизмы.

О капитализме

Капитализм обусловлен классовыми интересами. Он дает широкие возможности одним, но сильно ограничивает во всем остальных. Капитализм позволяет одним взобраться на гору, но для сбрасывания других. Он заставляет индивидов отчуждаться друг от друга, сражаясь в конкурентной борьбе за рабочее место.

В действительности капитализм не эксплуатирует человека, а лишь дает средства для ее реализации. Инструментарий хоть и гипотетический, но не иллюзорный. Как показывает история, всегда находятся индивиды, готовые использовать предоставления капитализма ради достижения корыстных целей. В этот момент возможность становится побуждением к действию. Предпосылка переходит в процесс и результат.

Может ли капитализм существовать без эксплуатации? Независимо от условий труда, сохраняется отчуждение добавочной стоимости. Выплачивая заработную плату, капиталист взывает не к трудолюбию, а к нужде. Следовательно, капитализм

несправедлив в своем основании к наемным трудящимся.

Если работник получает единую плату за принудительный и отчужденный труд, то заказчик услуги может зарабатывать на результате исполнителя длительный промежуток времени. Это особенно заметно в структуре авторских прав, когда капиталисты, не имеющие никакого отношения к созиданию научной или художественной литературы, музыке и искусству обретают право проявлять неадекватный эгоизм в позволении распространять результат чужой деятельности.

Центральная проблема капитализма заключена в его эксплуатационных функциях, закладываемых в фундамент общественных отношений. Эксплуатация эта опциональна и не является обязательной, но активно используется теми, кто желает быть на вершине цепи социального дарвинизма.

Капитализм можно сравнить со слабым иммунитетом. Он не делает человека больным и заразным, но ухудшает здоровье, открывая дверь для проникновения вредоносных и смертельных инфекций. Рано или поздно появится болезнетворное и губительное начало, угрожающее не только здоровью, но и жизни.

Моральные оценки и воспитание при капитализме требуют интенсивности от трудящихся, а руки исполнителей оказываются предметом эксплуатации¹⁹¹. Любая организация становится предпосылкой исключительно для реализации интересов управляющих классов. Дисциплина непривилегированных классов принимает принудительные формы, а ее содержание начинает навязываться еще в образовательной структуре, постепенно переходя на прочие сферы деятельности. Личности доминирующих классов обезличивают подчиняемых, вынуждая их принимать бытие средства исполнения.

Наблюдая перестройку социальных институтов, Надежда Крупская обнаружила различие в дисциплине между капитализмом и коммунизмом. По ее мнению, если при капитализме принудительная дисциплина осуществляется из-за собственной нужды и/или желания получить выгоду, то при коммунизме все реализуется на непринудительных началах. Она приводила пример отсутствия внешнего принуждения через описание отношений ребенка и его матери:

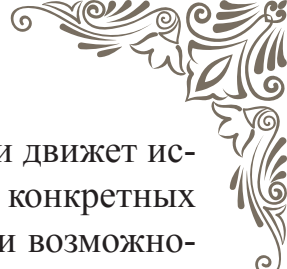
*«У мальчика заболела мать. Ей надо достать лекарство. За лекарством надо идти десять верст. На дворе ночь. Мальчик любит мать. Его никто не посылает за лекарством. Но он берет рецепт и один, ночью, не отдыхая ни минуты, идет через лес, чтобы достать матери лекарство. Что заставляет его так действовать? Любовь к матери и сознание того, что лекарство спасет мать».*¹⁹²

В этом примере Крупская показывала содержание внутренней дисциплины и

191 Надежда Константиновна Крупская. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., 1959. С. 12.

192 Надежда Константиновна Крупская. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. С. 96.

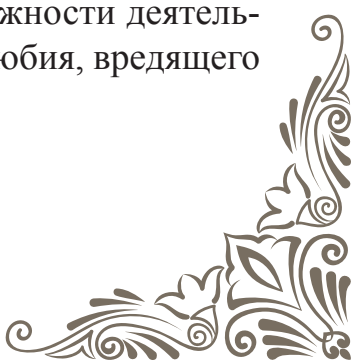
полное отсутствие корысти. По ее мысли, ребенком в данной ситуации движет искреннее желание спасти мать и понимание необходимости совершения конкретных поступков. Данный образец Крупская использовала для демонстрации возможности и необходимости установления отношений, уничтожающих корысть, давая ростки новому типу общества.

Капитализм предполагает рыночную конкуренцию, наблюдаемую не только в процессе функционирования экономики, но и в других социальных областях. Конкуренция основывается на жестком противоборстве сторон. Если со временем снижается количество победителей, то есть тех, кому удалось стать участником рынка не в убыток себе, то появляются общественные потери. Рынок начинает регулироваться теми, кто обретает наибольшую прибыль. Они диктуют условия другим участникам экономических отношений, включая покупателей и продавцов. Это не свободные, а полностью регулируемые и контролируемые формы взаимодействий. Олигополия в таких условиях становится значительно опаснее, чем монополия. Если монополия может начать разлагаться, то олигополия представляет предпосылку и первый этап на пути к монополизации. Следовательно, олигополия способна обрести больше времени на контроль рынка, чем монополия.

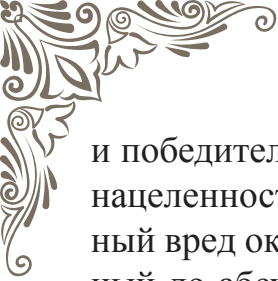
Получая власть, владельцы монополий или олигополий начинают предписывать остальным свои суждения. Они редко останавливаются на рыночных отношениях и переносят субъективные идеи на иные области деятельности. Олигополисты и монополисты усиливают влияние на образовательные и научные учреждения, внедряются в обсуждение социальных вопросов и стараются покрыть внушительные территориальные пространства. Это дает им основание делать моральные оценки доминирующими, независимо от формы общественного устройства.

Указанное выше позволяет предложить в качестве альтернативы соревнование. Фундаментом соревнования должна стать не нацеленность на опережение всех остальных, а устремленность к побуждению отстающих качественно повышать знания и умения. Должно быть поощрение, а не наказание. В соревновании следует учитывать индивидуальные склонности, потребности и умения. Необходимо свободное критическое обсуждение целей, способов и инструментов их достижения. В этих условиях должен сформироваться коллектив, основанный на общих интересах. Его назначение заключено не в обезличивании участников сообщества, а в наделении возможностями для использования знаний и навыков с целью обретения труда, приносящего удовлетворение.

Когда соревнование направлено на выявление победителей и осуждение тех, чьи результаты можно назвать «отстающими», то происходит подмена основной цели такого действия. Подобная организация деятельности обретает черты капиталистической конкуренции, поскольку побуждается склонность к победе любой ценой. Победители получают авторитет, уважение и, возможно, доступ к управлению. Это может стать причиной для высокомерия и отказа от признания важности деятельности других, что приведет к формированию неадекватного себялюбия, вредящего

и победителю, и всем остальным. По содержанию самолюбие представляет собой нацеленность на удовлетворение корыстных интересов, не учитывающих нанесенный вред окружающей среде и другим индивидам. Здесь обнаруживается доведенный до абсурда субъективный интерес, потому что он затмевает все остальное и становится предпосылкой для борьбы с окружающими за обретение статуса победителя и способность навязывания своих оценок отстающим. Когда происходит подобное, то соревнование превращается в рыночную конкуренцию. Проигравшие при таком соревновании обретают порицание. Значимым оказывается не удовлетворение от труда, не достижение поставленной цели, а победа любой ценой. Такого же результата добиваются при капиталистической конкуренции.

Выход находится в свободе выбора и отсутствии принудительности. Труд должен быть не повинностью, а потребностью для созидания здорового индивида. Для этого нужна самоорганизация, не позволяющая приводить в действие процессы деперсонализации. Необходим отказ от обезличенности и склонности к авторитарности, поскольку они способны уничтожить содержание соревнования. Все это может привести к нейтрализации причин для предписания моральных оценок победителей всем остальным.

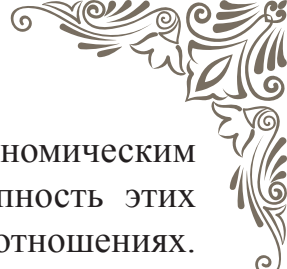
О ценности жизни при капитализме

Обладает ли жизнь ценностью? Вопрос, являющийся фундаментальным для человека, независимо от его нахождения в пространстве и во времени или принадлежности к народам, странам и субъективным интересам. Ответы на него даются еще со времен античности, продолжая подвергаться обсуждению в современности. Вопрос становится предметом философских и социально-экономических исследований; о нем беседуют с друзьями, размышляют наедине с собой и говорят на публичных мероприятиях. Наверное, любой индивид, находившийся в отчаянии хоть раз, пытался дать свой ответ на него.

Содержание вопроса широко и обусловлено совокупностью всего, что составляет бытие. Поэтому ответ на него может меняться, завися от субъективных предпочтений, воздействия доминирующих форм оценочных суждений и подверженности институциональному влиянию.

При капитализме ценность жизни определяется через классовую принадлежность. Чем выше положение индивида в вертикальной социально-экономической организации, тем выше его значимость. Истеблишмент может наделять свое бытие самооценностью. Подчиняющиеся классы такой возможностью не обладают, поэтому ценность эксплуатируемых обнаруживается в умении повиноваться.

В капиталистических обществах значимость жизни чаще всего определяется несколькими свойствами: профессией; возможностью замены и исключения; количе-

ством профессионалов, занятых в сфере деятельности; социально-экономическим положением; авторитетом; публичностью; популярностью. Совокупность этих свойств являет абстрактную сущность отдельной жизни в классовых отношениях. В бесклассовых обществах значимость бытия определяется через содержание труда и мышления.

В рыночных отношениях, основанных на классовых антагонизмах капитализма, в содержание ценности жизни внедряются математические коэффициенты и экономические индикаторы. Бытие подчиняющихся классов становится зависимым от доминирующих количественных показателей. Ценность жизни в этих границах подобна приобретению товаров. Если у вас имеется редкий экземпляр, представляющий субъективную значимость или имеющий высокий спрос среди коллекционеров, то его ценность возрастает. Когда количество подобных товаров начинает увеличиваться, то с изменением предложения меняется и спрос. Чем менее редким становится экземпляр, тем менее ценным он оказывается для коллекционеров. Оригинальные произведения ценятся среди собирателей редких вещей значительно выше, чем их современные копии.

Если у вас недостаточно пищи, то к каждой единице товара выражается бережное отношение. Если вы имеете переизбыток продуктов, то может меняться и отношение. Бережливость далеко не всегда обусловлена количественными показателями, но прямая зависимость существует.

Подобная аналогия обнаруживает себя в доминирующей форме социально-экономических отношений. При капитализме человек рассматривается как средство для достижения целей. Становясь работником, он обретает бытие инструмента для создания товара. Вступая в кредитно-денежные отношения, индивид получает бытие денег, процента или капитала. Становясь частью потребительской сферы, он выступает как платежное средство. Во всех случаях индивид вынужден принимать бытие средства или абстракции.

Если индивид обретает бытие средства, то сама значимость его жизни ставится под сомнение теми, кто использует это средство, поскольку для них инструменты всегда можно заменить аналогами. Бытие управляемых воспринимается ими как товар-субститут. Отрицание ценности жизни с этой позиции доминирует над ее признанием.

Капитализм и классовое разделение снижают значимость жизни по мере роста народонаселения. Истеблишмент и капиталисты могут позволить себе небрежно относиться к рабочим рукам, поскольку среди непривилегированных трудящихся сохраняется нужда в средствах, необходимых для поддержания своего биологического существования. Эта потребность формирует высокий уровень конкуренции, ведущей к потерям среди трудящихся и увеличению благосостояния эксплуататоров. Через повышение количества рабочих рук, ограниченных количеством заказов и вынужденных жить в условиях постоянной нужды, капиталисты могут снижать уровень заработной платы, повышая количество отчуждаемой добавочной стоимо-

сти. Для них потеря одного наемного трудящегося не имеет значения, поскольку на освободившееся место они сразу же найдут нового исполнителя, готового трудиться за такую же или даже меньшую плату. В подобных производственных отношениях ценность жизни снижается до той отметки, пока она не будет полностью нейтрализована. В этом основное различие классового капиталистического общества от бесклассовой формы социальной организации.

Труд и работа

Несмотря на различающееся содержание, не позволяющее ставить знак равенства между терминами «труд» и «работа», часто они рассматриваются как взаимозаменяемые. Полное сопоставление понятий возможно только в том случае, если ввести соответствующий контекст, не требующий дополнительных указаний на отличия в определениях. В иных случаях может сложиться путаница, используемая через институциональную структуру для усиления классовой стратификация.

В очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Фридрих Энгельс описал труд как «первое основное условие всей человеческой жизни»¹⁹³. Труд для него есть средство бытия и способ формирования самого человека¹⁹⁴.

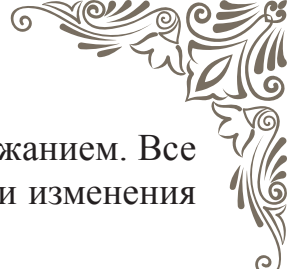
Воздействие труда сложно переоценить, потому что он влияет и на наш внешний облик, и на мышление. Он есть и предпосылка, и процесс, и результат. Труд формирует и меняет образ мысли. Он определяет наше взаимодействие с окружающим миром и взгляды на него. Через труд мы обретаем свойства личности, насыщаем память знаниями, получаем и закрепляем умения. Благодаря труду мы осуществляем коммуникацию с живыми организмами и неживыми предметами. Он позволяет нам перенимать опыт предыдущих поколений и передавать его следующим. Через его содержание мы обретаем смысл бытия.

Труд и язык можно назвать основой полагания наших жизней. Мы живем в лингвистических конструкциях, но определяем деяния через труд. Труд и язык существуют, дополняя друг друга. Поскольку язык является описательным инструментом, то, не претендуя на истинность утверждения, его можно охарактеризовать свойством и антропологическим результатом труда. Историческая стихийность лингвистики, сумевшая обрести организационную структуризацию, позволила создать умственную форму труда.

В своей сущности труд полностью свободен от оков, подвергаясь воздействию внутренних побуждений. В его предпосылках можно найти субъективные интересы, биологические потребности и склонность к познанию. Бескорыстная склонность к

193 Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. М., Том 20. 1961. С. 486.

194 Там же. С. 486–499.

исследованиям является источником для его наполнения новым содержанием. Все это дает возможность выявить в труде форму созидания, насыщения и изменения бытия.

Работа хоть и похожа по содержанию на труд, имеет отличающиеся предпосылки и результаты. Рассмотрение содержания термина в социально-экономической плоскости капиталистических отношений позволяет обнаружить в нем наемную форму труда.

Предпосылкой работы чаще всего оказывается необходимость поддержания собственного существования. Несмотря на биологическое содержание причины, ее нельзя рассматривать внутренним побудителем, потому что общественное бытие часто сводится к функциональному исполнению, поэтому человек становится элементом структуры. Свободное бытие создается свободным трудом, но институциональное бытие подвергается эксплуатационным свойствам средств социальной организации.

Труд обусловлен сознанием и индивидуальными потребностями, но сущность работы наполняется желаниями заказчика наемного труда. Изначально труд свободен, но работа направлена на закрепощение. Причина заключена не столько в содержании выполняемых обязанностей, сколько в отчуждении. Будущий исполнитель отчужден еще до привлечения к работе, поскольку он не определяет условия работы и не имеет возможности воздействия на их изменение. Становясь работником, человек отчуждается от средств и процесса производства. Добавочная стоимость и результаты работы отчуждаются в пользу заказчика наемного труда. Здесь можно увидеть институциональное продолжение рабства, сменившего форму, но сохранившего и даже ужесточившего содержание. При капитализме заказчик наемного труда рассматривает исполнителя средством без бытия.

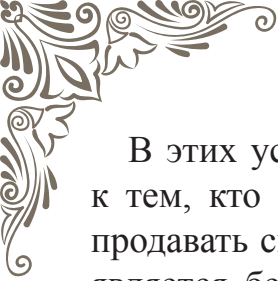
Для исполнителя отчуждение начинается на этапе выбора работы и заканчивается потерей результатов деятельности. Эксплуатация не оставит его до того момента, пока он не получит возможность отказаться от наемной формы труда, обретя условия, позволяющие освободиться.

Труд обусловлен свободой и внутренними побуждениями, в то время как работа задается внешними регуляторами и нацелена на умственное и поведенческое закрепощение. Труд расширяет сознание и углубляет мастерство, но работа ограничивает мышление и создает специалистов, нужных заказчикам наемного труда.

Труд созидает и не может привести к деструкциям, чего нельзя утверждать о работе. Последствия труда заранее определяются и планируются в мышлении субъекта труда, но следствие работы известно лишь покупателю труда.

По своему содержанию работа есть наемный или купленный труд, закрепощающий и неподвластный исполнителю из-за эксплуатационных и отчуждающих свойств. Поэтому следует отличать труд как свободную и созидательную деятельность от работы, покупающей труд и становящейся разрушительной силой для исполнителей.

В этих условиях кажется недопустимым использование термина «тунеядство» к тем, кто трудится, но отказывается от работы. Если человек не соглашается продавать свой труд, но занят умственным или физическим созиданием, то он не является бездельником. Отрицание наемного труда не есть форма социального паразитизма. Последнее понятие следует применять не к занятым или возможным исполнителям, а к покупателям труда. Общественный паразитизм основан на отчуждении результатов наемного труда и обретении добавочной стоимости через использование рук и ума исполнителей. Поэтому тунеядцами и социальными паразитами следует называть тех, чьи экономические интересы получают реализацию через процессы эксплуатации, имеющие целью увеличение благосостояния немногих посредством обеднения многих, вынужденных продавать свой труд из-за несправедливых социальных отношений, нейтрализующих свободную склонность к созиданию и познанию.

О корпоративной этике

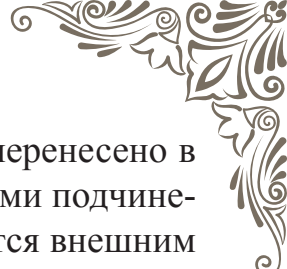
В условиях капитализма корпорации чаще всего рассматриваются как организации, созданные с целью производства и/или продажи товаров и/или услуг на рынке. Именно в таких формах производственных объединений нередко всплывает необходимость в «корпоративной этике».

Устраиваясь в корпорацию, наемный работник сразу же сталкивается с внутренним регулированием. Одни правила определяют его действия на рабочем месте, другие — его мышление. Если первые обусловлены интересами руководства и знаниями самого исполнителя, то вторые направлены на формирование у нанятого работника шаблонов поведения в различных производственных событиях, чаще всего выходящих за границы установленных профессиональных обязанностей.

Предпосылки создания «корпоративной этики» находятся в интересах управляющего состава. Руководители корпораций претендуют не только на профессиональные знания и умения работников, но и на формы их сознания. Если сначала происходит подчинение мастерства, то затем в дело вступает покорение мышления.

«Корпоративная этика» предполагает модели поведения внутри корпорации. Она поддерживает функционирование компании, определяет ее внешнее восприятие и формирует представления сотрудников о разделении деяний на «желательные» и «нежелательные». Поскольку регуляция касается исключительно корпорации, а сама «этика» существует не как нечто абстрактное и подверженное изменениям, а как набор конкретных требований руководства, то содержание термина можно поставить под сомнение.

В древние времена, по мнению Иммануила Канта, этика была учением о нравах

или учением об обязанностях¹⁹⁵. Впоследствии ее содержание было перенесено в плоскость учения о нравах или обязанностях, находящихся за пределами подчинения внешним законам. По мысли Канта, если обязанности подвергаются внешним законам, то они оказываются в правовой плоскости. Если обязанности не имеют внешних законов, то они попадают в плоскость этики.

Размышления Канта позволяют выявить отсутствие границ в термине «корпоративная этика». Содержание понятия основано на конкретных интересах внешней силы, воздействующей на исполнителей. Поведенческий норматив определяет обязанности и способы наказания за поведение, отклоняющееся от заданной нормы. Несмотря на отсутствие законодательной базы, регуляторы диктуют обязанности, нейтрализующие выбор. Если побуждения исполнителя не внутренние, а внешние, то термин «корпоративная этика» теряет свое содержание.

Этика предполагает изучение морали и нравственности, но в коммерческих корпорациях существует лишь планирование моделей поведения исполнителей, основанных на требованиях высшего руководящего состава. Внутренние побуждения не принимаются в расчет, уступая место экономическим интересам. Поскольку реализация планирования происходит в границах коммерческого учреждения, то подобные желаемые образцы поведения следует называть не «корпоративной этикой», а этикетом. Последний термин наиболее полно и отчетливо определяет содержание, скрываемое в первоначальном понятии.

Реализацию этики в корпорации можно обнаружить лишь в классовом разделении состава на исполнителей и тех, кто отчуждает труд. Если первые получают возможность формировать и распространять свои суждения с целью закрепощения наемных работников, то последние вынуждены подчиняться, испытывая внутренний антагонизм от классовых противоречий. Труд и его отчуждение — единственные проявления классового содержания морали в содержании выражения «корпоративная этика». За пределами этого свойства термин оказывается несостоятельным, лишь подменяя понятие «этикет», представляющее собой регулируемую форму лицемерия.

Конфликт как свойство денежных средств при капитализме

Если рассматривать деньги без учета формы социально-экономических отношений, то их можно назвать средством обмена. В этих же условиях следует признать отсутствие у них свойств, поскольку наделение ими обусловлено организационным содержанием и институциональной структурой. Появление у денежных средств

195 Иммануил Кант. Метафизика нравов. Ч. 2. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. М., 2019. С. 23.

свойств находится в прямой зависимости от внешних регуляторов, оказывающих воздействие на участников экономических отношений.

Существует гипотеза о необходимости изучения денег как средства коммуникации, а не как средства обмена. Подобное предположение кажется неверным, потому что оно не углубляет предмет изучения, а расширяет, уходя на поверхность. Термин «средство коммуникации» имеет размытое содержание, не позволяющее использовать его для исследования воздействия на социальное поведение.

Природа наделила нас периферической анатомо-физиологической системой, дающей возможность получать знания и воспринимать окружающий мир, что можно определить коммуникативным инструментарием. Лингвистические конструкции стали основой для взаимодействия друг с другом. Инфраструктура обеспечила нас воспроизводством общественной деятельности. Многие из технических достижений создавались и продолжают получать реализацию, закладывая в содержание свойство коммуникации еще на этапе разработки. Все перечисленное выше можно назвать средствами коммуникации, данными от природы и сотворенными человеческими руками.

Любое событие в простейшей форме состоит из предпосылки, процесса и результата. Приходя в магазин, мы имеем нужду в приобретении товара. Результатом должно стать удовлетворение потребности. Оставшийся в цепи элемент, находящийся между причиной и следствием, предполагает процесс обмена денежных средств на нужный нам товар. Коммуникация проявляет себя только на этапе между предпосылкой и результатом, но сама она не первична. Если обмен денежных средств на товар предполагает наличие коммуникации, то ее следует определить свойством или атрибутом, а не средством коммуникации, поскольку взаимодействие между индивидами входит в процесс обмена заранее. Другими словами, становясь участниками экономических отношений, мы вызываем не к своей потребности в коммуникации, а к необходимости удовлетворения иных нужд. Наше взаимодействие оказывается функциональным и регламентированным. Следовательно, деньги есть средство, имеющее свойство или атрибут коммуникации.

Условия обмена обусловлены особенностями социально-экономических отношений. В простейшем виде объектами обмена становятся блага, имеющие ценность для субъектов взаимодействия. Но благами могут быть не только неживые предметы, но и свойства бытия, такие как время.

Принятие денег как средства обмена, содержащего в себе коммуникативные свойства или атрибуты, позволяет вскрыть в них сообщения, закладываемые в доминирующие институты. При капитализме они исходят из антагонизмов, порождаемых эксплуатацией и отчуждением.

Конфликт становится свойством или атрибутом денежных средств на этапе наделяния их содержанием. Переходя из плоскости обмена в сферу перераспределения, причем не только самих денег, но и иных благ, в том числе и природных, появляется классовый антагонизм. Усиление конфликта происходит по мере неравенства в

изменении соотношения получаемых благ между индивидами.

Неравенство в перераспределении, основанное на несправедливости, определяет место субъектов в социально-экономических отношениях. Если работник на производстве является субъектом наемного труда, то для капиталиста, обретающего через него добавочную стоимость, исполнитель принимает бытие объекта, предмета или средства достижения экономической цели. Работник оказывается субъектом труда, но становится объектом для заказчика его услуг.

Приходя в кредитное учреждение, кредитруемый обретает бытие процента от занимаемой им суммы денежных средств. Кредитор рассматривает заемщика формой денег, предполагающей увеличение своего кошелька или роста личного счета. Это не только бытие процента, но и денежных средств.

Оказываясь способом восприятия окружающих и возможностью обретения высокого социального статуса, позволяющего иметь привилегии, сокрытые или недоступные для большинства, денежные средства разрушают у субъектов экономических отношений критические связи, отвечающие за умение разделять цели и средства. Когда средство становится навязчивой целью, детерминирующей поведение, происходит деформация сознания, поскольку деньги формируют внешний локус управления.

Накопление денежных средств при капитализме может оказывать воздействие на социальную ответственность. Рост состояния дает возможность снижать или уходить от ответственности, перераспределяя риски от принятия решений на трудящихся, вынужденных оплачивать чужие авантюры из своих карманов.

Накопление приводит к образованию капитала, проявляющегося не только в количестве денежных средств, но и в форме социально-экономических отношений. Приращение капитала становится фундаментом для разделения на капиталистов и наемных трудящихся. Последние отчуждены от предпосылок, средств и результатов производства. Их обеднение приводит к увеличению благосостояния нанимателей. Их нужды ложатся в основу для закабаления. Потребность в денежных средствах толкает трудящихся отчуждать свой труд. Интерес в накоплении капитала позволяет капиталистам получать добавочную стоимость. Перераспределение средств в этих отношениях наделяет деньги свойствами эксплуатации, отчуждения и ограничения свободы. Это и есть классовый антагонистический конфликт.

В теоретических построениях бесклассового общества денежным средствам уделена иная роль. Деньги не наделяются конфликтными и противоречивыми свойствами, оказываясь лишь средством для определения важности содержания и качества труда или возможностью социальной поддержки. Они сохраняют свое первоначальное состояние, оставаясь средством обмена, а не формой отношений или способом классового перераспределения благ и ответственности.

Бесклассовое общество в трудах Михаила Бакунина и Петра Кропоткина

Теоретические построения бесклассового общества нередко отрицаются из-за ошибочного предположения об отсутствии идентичности у трудящихся. Подобные умозаключения основываются на размышлениях о рабочих функциях современного человека, поменявшего тяжелую физическую работу на офисную или находящуюся в области обслуживания.

Автоматизация сделала возможным увеличение количества тех, кто занят в сфере умственной работы. Несмотря на это, пролетарии не были элиминированы. Во-первых, тяжелый производительный труд хоть и автоматизируется, продолжает сохраняться и нуждается в рабочих руках. Во-вторых, материальное производство имеет важное значение для бытия городских жителей. В-третьих, не было уничтожено отчуждение добавочной стоимости, что позволяет небольшой части населения стремительно увеличивать благосостояние, закрепощая и обедняя нанятых работников.

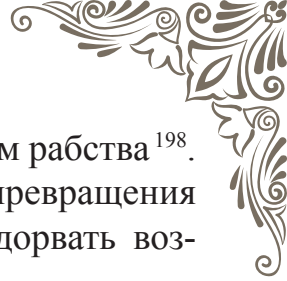
Рабы и граждане — антагонизм древнего мира¹⁹⁶. Вынужденные принудительно трудиться и те, в чью пользу отчуждается добавочная стоимость, — антагонизм современного мира. Принудительный труд является рабским не по нормативным или правовым актам, а по содержанию. Работник свободен лишь в выборе рабовладельца. Следовательно, социально-экономическая парадигма изменилась лингвистически, но не содержательно.

Рабовладельческие общества были основаны на эксплуатации труда. Цивилизации в наши дни имеют аналогичный фундамент. Бытие раба становится таковым через наемную и принудительную работу, отчуждающую блага в интересах другого или других.

Современный пролетариат рассредоточен между производительным трудом и сферой обслуживания. Было бы заблуждением отказываться относить офисных работников к классу трудящихся. Работники просто перешли от фабричной работы к офисной. Они все еще продолжают отчуждать результаты своей деятельности в пользу заказчиков их услуг, делая это не на взаимных и свободных началах, а из необходимости подчинения социально-экономической структуре, заставляющей их принимать бытие средства и вынуждающей отказываться от притязаний на борьбу, имеющую классовое содержание. Пролетариат не ушел в небытие и находится в похожих условиях, описанных классиками анархизма, социализма и коммунизма, но его рабочие функции сильно изменились. Несмотря на перемены, место трудящихся в институциональной структуре осталось прежним, поэтому теоретические размышления о бесклассовом обществе продолжают сохранять значимость.

Михаил Бакунин описывал социализм справедливостью, основывающейся на равенстве¹⁹⁷. Для него свобода без социализма обернется несправедливостью и

197 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 183.

привилегией, а социализм без свободы может стать опорой новых форм рабства¹⁹⁸. По этим причинам он был против государственного социализма и его превращения в государственный коммунизм, отвергая авторитеты, способные подорвать возможности беспрепятственного волеизъявления.

Бакунин называл коммунизм «важным» и «опасным явлением»¹⁹⁹. В нем он видел необходимые для улучшения жизни права и требования. По мнению Бакунина, коммунизм соприкасается с философией, направляясь к освобождению труда²⁰⁰, поскольку он обнаруживается в действительных нуждах бедных и угнетенных²⁰¹.

По мысли Бакунина, вопрос о хлебе продолжает оставаться одним из самых главных для трудящихся, хотя еще Аристотель замечал: чтобы мыслить и чувствовать свободно, человек должен освободиться от забот материальной жизни²⁰². Изменить это можно через народное самоопределение на основании равенства и независимости, без вмешательства внешних принудительных сил, склонных к эксплуатации²⁰³.

Анархия, по утверждению Бакунина, строится на народных потребностях, направляясь к свободе «действительного равенства всех и вся»²⁰⁴ и открывая путь к саморегулируемой организации трудящихся. Она всегда понятна, конкретна и устремлена на практические преобразования, не соприкасаясь с оторванными от реальности размышлениями. «Кто опирается на абстракцию, тот и умрет в ней»²⁰⁵. Анархия имеет своей целью освобождение труда и доступна для понимания любому, поскольку возникает самостоятельно «в народной среде»²⁰⁶, чтобы из «глубины народного существа создать новые формы свободной общественности»²⁰⁷, не по приказанию управляющих или ученых, а вследствие естественных потребностей, «проявляемых самою жизнью»²⁰⁸. Такая организация всегда строится снизу вверх, учитывая народные нужды. И лишь она, по мнению Бакунина, способна сделать трудящихся счастливыми, потому что дает возможность самостоятельно наделять свое бытие содержанием, не подвергаясь осуждению и эксплуатации.

Бакунин призывал улучшить условия труда и вернуть труду все справедливо ему принадлежащее, тем самым предоставив индивидам уверенность, спокойствие, гарантии, достаток и досуг. По его теоретическим построениям, это станет объективным условием для сотворения здоровой цивилизации и стремления к образова-

198 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 185.

199 Там же. С. 75.

200 Там же. С. 78.

201 Там же. С. 80.

202 Там же. С. 175.

203 Там же. С. 410.

204 Там же. С. 443.

205 Там же. С. 605.

206 Там же.

207 Там же. С. 606.

208 Там же. С. 675.

нию²⁰⁹.

Преимущество анархии, по мнению Петра Кропоткина, заключено в ее открытости новым идеям и отсутствии склонности к консерватизму²¹⁰. Главная цель анархии — организация общества через усложняющиеся объединения, сперва индивидов в группы, затем производительных и потребительских групп²¹¹.

В своих размышлениях Кропоткин пришел к выводу о том, что в социально-экономических отношениях часто выполняются лишние функции, мешающие беспрепятственному волеизъявлению, основанному на естественных потребностях. Для решения этой проблемы он предлагал общественную реорганизацию.

Идеи анархического коммунизма, по утверждению Кропоткина, происходят из народных нужд и соответствуют эволюции человечества, стремящегося «к освобождению личности, к свободе производителя и потребителя», а не к завоеванию власти²¹². У него общество направлено в сторону коллективизации, но регулярно подвергается физическим и мыслительным ограничениям из-за частной собственности.

Кропоткин видел возникновение анархии и коммунизма в народной среде, а не в философских размышлениях или научных исследованиях. По его мнению, эти идеи являются выражением нужд трудящихся, тяготеющих к равноправию и справедливости.

Критикуя немецких социалистов за стремление к созданию диктатуры, Кропоткин был уверен в несостоятельности их теоретических построений, видя в них основу для зарождения «самой ужасной из тираний»²¹³. Для него социальная организация должна строиться на «свободном союзе народных сил»²¹⁴, самостоятельно определяющих предпосылки и цели производства и потребления. В таких отношениях все общество обретает капитал и результаты труда предыдущих поколений, используя их на всеобщее благосостояние²¹⁵. Поэтому его коммунизм исключительно анархический, а не «коммунизм немецких теоретиков-государственников»²¹⁶. В этом размышления Кропоткина пересекаются с идеями Бакунина, задававшего марксистам вопрос о диктатуре: «если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать?»²¹⁷. В марксизме Бакунин видел «ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли»²¹⁸. Причина заключена в стремлении к

209 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 170.

210 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 119.

211 Там же. С. 120.

212 Там же. С. 140.

213 Там же. С. 145.

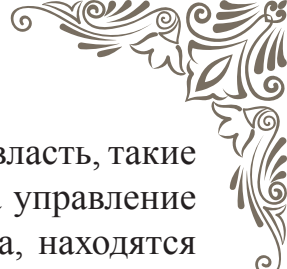
214 Там же.

215 Там же. С. 237–238

216 Там же. 433.

217 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 653.

218 Там же. С. 654.

созданию новой элиты, пусть и из выходцев рабочего класса. Получив власть, такие работники, став уже бывшими трудящимися, обретут «притязания на управление народом»²¹⁹. Подобные личностные изменения, по мнению Бакунина, находятся в самой сущности человека. Поэтому он был против наделения индивидов средствами, способными вскрыть и поощрить высокомерие и склонность к реализации корыстных интересов через эксплуатацию окружающих.

Использование терминов «научный социализм» и «ученый социалист», по мысли Бакунина, есть доказательство склонности некоторых авторов и ораторов к фиктивному народному государству, основанному на деспотии немногочисленной аристократии «действительных или мнимых ученых»²²⁰. Высмеивая сторонников диктатуры, он писал: «для освобождения народных масс надо их сперва поработить»²²¹.

Противоречие, по утверждению Бакунина, заключено в том, что диктатура имеет единственную цель — увековечить себя. Из-за этого она становится результатом новых форм рабства. Свобода, по Бакунину, создается только через свободу, а не гнет²²². Имея похожие размышления, Кропоткин выступал против представительных собраний, видя в них склонность к классовому разделению, лежащую в самой их сути, независимой от идей и предыдущего рода деятельности их участников²²³.

По мысли Кропоткина, лишь когда каждый получит равное право на все, накопленное в прошлом, общество элиминирует деление на эксплуататоров и эксплуатируемых, направляясь к гармонии не через подчинение, а путем призыва к свободе²²⁴. Следовательно, анархия отвергает предустановленные формы, тяготеющие к потере равновесия «между множеством разнообразных сил и влияний»²²⁵. В анархическом обществе каждым управляет лишь его собственная воля²²⁶. В этих условиях человек не станет представлять угрозу для окружающих, поскольку он учитывает интересы других²²⁷. Эта склонность обнаруживается в сути социального бытия индивидов. Поэтому свобода, по мнению Кропоткина, заключена в совершении поступков без боязни наказания.

Коммунизм и анархизм в теоретических построениях Кропоткина не только не противопоставляются, но и соединяются, потому что «на деле они составляют необходимое дополнение друг для друга»²²⁸. Любое общество, по его мысли, должно основываться на фундаменте анархического коммунизма. Анархизм ведет к ком-

219 Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды. М., 2010. С. 654.

220 Там же.

221 Там же.

222 Там же.

223 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 188.

224 Там же. С. 238.

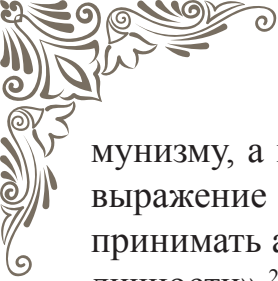
225 Там же.

226 Там же. С. 239.

227 Там же. С. 355.

228 Там же. С. 265.

мунизму, а коммунизм — к анархизму. Обе формы социальной организации есть выражение общего стремления к равенству²²⁹. У Кропоткина коммунизм должен принимать анархию как цель и как средство, иначе он обратится в «закрепощение личности»²³⁰.

Анархические идеалы — «не произведение кабинетных мечтаний», поскольку они показывают смысл эволюции, совершающийся в умах и привычках²³¹. Анархизм, по мнению Кропоткина, формулирует устремления человечества²³².

Кропоткин и Бакунин описывали идеал социальной организации, делающей невозможной эксплуатацию труда. В их размышлениях идея классовой власти не может быть совместима с равенством и свободой. Предпосылка многих социально-экономических проблем заключена в среде обитания индивида, а сам он представляет собой совокупность оказываемых на него влияний. Поэтому существует необходимость в организации общества через свободные объединения, базирующиеся на общих интересах и самостоятельно определяющие цели, задачи и способы производства и потребления. Социальная организация, по мысли Бакунина и Кропоткина, должна исходить из народных нужд и основываться на потребностях трудящихся, а не истеблишмента. Следовательно, необходимо общественное самоуправление, освобождение земли и средств производства и высвобождение капиталов. Орудия труда должны принадлежать тем, кто занимается трудом. Того же требует земля, потому что только сами трудящиеся знают значимость своего труда и важность сохранения земли. «И так — во всех вопросах»²³³.

Поскольку наиболее сильные социальные и экономические антагонизмы основаны на классовых противоречиях, то и выход Бакунин и Кропоткин искали в теориях построения бесклассового общества.

229 Петр Алексеевич Кропоткин. Избранные труды. М., 2010. С. 428.

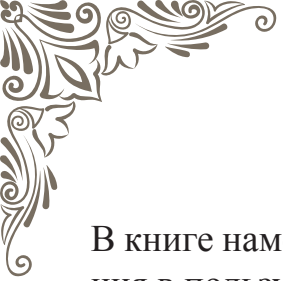
230 Там же. С. 360.

231 Там же. С. 120.

232 Там же. С. 121.

233 Там же. С. 426.

Примечание

В книге намеренно сделан отказ от использования некоторых стандартов оформления в пользу удобочитаемости.

